АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XV

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1966

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Виноградов (Москва). Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. В. Исаченко (Прага). О грамматическом порядке слов 27
М. М. Маковский (Москва). Идентификация элементов лексико-семантических структур 35
М. Д. Степанова (Москва). «Словообразование, ориентированное на содержание» и некоторые вопросы анализа лексики 48
Н. Н. Семенюк (Москва). К характеристике лингвистических различий разных жанров письменности 60

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Я. Мыркин (Архангельск). Генезис германских личных местоимений с ареальной точки зрения 71
Г. М. Райхель (Калинин). Выражение отношения к классу однородных предметов существительными современного английского языка 76
В. В. Колесов (Ленинград). Ударение в древнерусском сочетании с «еровым» предлогом 81
Г. Ф. Благова (Москва), Х. Д. Даниярова (Самарканд). Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы 92

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

С. С. Маслова-Лашанская, Ю. С. Маслов (Ленинград). *C.-Chr. Elert.* Phonologic studies of quantity in Swedish based on material from Stockholm Speakers 107
Х. Фугт (Осло). *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках 111
И. Г. Добродомов, И. С. Улуханов (Москва). *T. Čiževska.* Glossary of the Igor' Tale 116
И. А. Мельчук (Москва). *M. Lejeune.* Index inverse du grec mycénien; *F. Mater.* Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache; *A. Juilland.* Dictionnaire inverse de la langue française 122
В. И. Григорьев (Москва). «Статистико-комбинаторное моделирование языков» 126
Н. А. Баскаков (Москва). *G. Jarring.* An Eastern Turki-English dialect dictionary 131
В. А. Москович (Москва). *H. Meier.* Deutsche Sprachstatistik. I—II 133
М. Л. Гаспаров (Москва). *R. Kemball.* Alexander Blok: a study in rhythm and metre 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Ю. Валашинас (Каунас). О реформе орфографии немецкого языка 140
Хроникальные заметки 141
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 148
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 1966 г. (№ 1—6) 149

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

В. В. ВИНОГРАДОВ

СЕМНАДЦАТИТОМНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

Завершение работы над многотомным, обширным словарем родного языка — всегда огромное событие как для его авторов и составителей, так и для всего народа, говорящего на этом языке, для всего общества. Это — важное национальное дело, особенно если такой словарь не только большой, но и ценный по своим высоким качествам. Совершенных же, идеальных словарей, по-видимому, не бывает. Всякий доброкачественный словарь глубоко освещает пути и искания прошлого в его попытках понять и осмыслить, оценить «сокровищницу родного слова», открывая широкие возможности будущих достижений и перспектив в этой области. В этом смысле можно повторить вслед за нашим великим поэтом — Миг вожделенный настал: окончен наш труд многолетний (Пушкин).

В семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка» 120 480 слов. Это самый значительный словарь современного русского языка. Кроме авторов-составителей и редакторов в разных формах работы над ним, в консультациях, замечаниях по разным отраслям производства, разным наукам и специальностям принимало участие огромное количество учреждений и отдельных лиц. Следовательно, перед нами действительно плод общенационального дела.

Первый том академического Словаря современного русского литературного языка должен был выйти в свет в конце 1941 г. Но война и блокада Ленинграда нарушили нормальное течение работы над ним, которая возобновилась лишь в 1945 г. В предисловии «От Редакции» к первому тому указывалось, что «настоящий Словарь современного русского литературного языка является толково-историческим и нормативным. Он должен охватить все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней» (т. 1, 1950, стр. III). Во «Введении», следующем за «Предисловием» к этому тому, дополнительно сообщалось, что «лексика предшествующей эпохи, от Ломоносова до Пушкина, отмечается в Словаре, если, являясь уже устарелой для пушкинской и послепушкинской эпохи, она все же встречается в произведениях этой эпохи или если значение и употребление того или иного слова в предпушкинскую эпоху способствует лучшему показу его последующего значения и употребления» (например, *воспящать — воспятить* — у Гнедича, *стогны* — у Пушкина и т. п.) (т. 1, стр. V).

Сразу бросается в глаза некоторое противоречие между предисловием от редакции и «Введением» в определении состава, объема и границ нашего

Словаря. Так, в предисловии заявляется, что «используя старую, более чем полуторастолетнюю традицию академических словарей, редакция настоящего Словаря ставила себе задачей объединить лучшие признанные положения этой традиции с лингвистической теорией и практикой нашей современности» (т. 1, стр. III). Но тут же говорится, что настоящий Словарь порывает связи с шахматовской лексикографической традицией: «В отличие от предшествующего академического Словаря русского языка, в настоящий Словарь не включаются: диалектная лексика, явно устаревшие слова, узкоспециальная научная и техническая терминология и т. п.» (там же). При раскрытии этих принципов подчеркивается, что новый Словарь «дает нормативные указания при словах ограниченного употребления (спец., в простор., устар. и др.)» (там же).

Итак, перед нами не thesaurus, а словарь-справочник и притом гораздо более узкого объема, чем «предшествующий» (иначе — шахматовский) словарь. Однако во «Введении» доказывается необходимость более свободного включения в Словарь просторечия, «областных, провинциальных слов», «широко распространенных в разных говорах или в фольклоре, а оттуда проникающих и в художественную литературу» (например, *оброть*, *мизгирь* и т. д.); «сюда же относятся слова, отражающие бытовую, хозяйственную и культурную стороны жизни крестьян и выходящие за пределы узкоспециального и местного значения: ... *лядина*, *выть*, ...*обжа*, *огребки* и т. п.» (т. 1, стр. V). Следовательно, филологические задачи, по образцу Даля, осложняются этнографическими. Точно так же расширяется и находящая отражение в Словаре терминология разных областей знания и техники. Отсюда в Словарь включаются те термины, «которые более или менее вошли в общий язык, употребляются в книгах широкого обращения, без пояснительных примечаний», например, *бархан*, *галоиды*, *виппер* (техн.) и т. д. (там же, стр. VI). Элементы энциклопедического жанра также просачиваются в словарь. Предлагается алфавитно-гнездовой порядок размещения слов. «Система гнездования групповых объединений исходит в основном из современных живых, ясных и близких связей слов, а не из широких этимологических построений и корневого принципа (чем настоящий Словарь отличается от Толкового Словаря Даля в изданиях 1863—1866 гг. и 1880—1882 гг.)» (там же, стр. VII—VIII). Но слова с приставками помещаются в алфавитном порядке по приставкам (там же, стр. VIII). Необходимо сразу же отметить, что принципы гнездования, применявшиеся в первых трех томах нашего Словаря, были мало продуманы и иногда не вполне определенны и конструктивно объективны. Например, *бедовый — бедокур — бедокурка*, *бедокурный*, *бедокурить* (т. 1, стлб. 317); *бесстыдство — бесстыдный*, *бесстыдность*, *бесстыдник*, *бесстыдничать*, *бесстыжий* (т. 1, стлб. 433); *бестолковый*, *бестолковость*, *бестолковщина*, *бестолочь* (т. 1, стлб. 435—436); *бесценный*, *бесценность*, *бесценок*, *за бесценок* (т. 1, стлб. 440) и т. п. Во многих случаях, хотя внутригнездовые связи слов иногда живы и близко ощутимы, но принципы распределения и порядкового размещения таких слов искусственны и разнородны. В некоторых случаях оставалось неясным, с точки зрения какой языковой системы устанавливались так называемые современные «живые, ясные и близкие связи слов». Например, «былинка, былина, былиночка, былинушка, былка, быльё (быльём поросло), былие, быль (былью поросло), быльеватый, бы́льник и быльня́к» (т. 1, стлб. 720—721). Во фразеологическом единстве отдельные слова, входящие в его состав, могут иметь лишь потенциальное значение, очень далекое от своей этимологической основы. Например, в поговорке «было да быльём поросло» форма *быльём* воспринимается скорее каламбурно по связи с *было*. Даже соседством формы *поросло* не возбуждается значение «трава, зелень», присущее област-

ному слову *быльё*; ср. церковнославянское *бы́лие*:

Вдруг умирает человек,
Как былие
(Жуковский)

Ср. у Ломоносова: «Всякое былие только посредством влажности возрастает»[1]. Ср. у А. Н. Островского в первой редакции «Воеводы»: «... что я покинул в мире — со мной в могиле бы́льем порастет» (д. II, сц. II, 1).

Вместе с тем необходимо отметить в гнездовом расположении слов на протяжении первых трех томов семнадцатитомного Словаря механическое смешение омонимов: *вываливать — вывалить* и *вываливать — вывалять*, *выступать*, *выпадать*, *выставлять* и т. п.

Механическое осуществление гнездового порядка размещения слов в первых трех томах Словаря нередко нарушало и семантическую и словообразовательную перспективу объединения групп слов. Любопытно вспомнить в этой связи очень интересные и во многом сохраняющие свою ценность соображения И. К. Калайдовича, изложенные им сто сорок лет тому назад: «Слова в метафорическом смысле употребляемые тем более нужно отмечать и ставить отдельно, что они часто имеют совершенно особенные производные. Так, например, от слова *свет*, в прямом значении взятом, происходят: *светлый*, *светить*, *свеча* и проч.; а от *свет* (мир — люди) — *светский*, *светскость*». Ср. от *свет* («вселенная») — *кругосветный* и т. п. «От *земля* (стихия земная) происходят: *земля́ный*, *земляной*, *земленить*: от *земля* (планета, обиталище людей) — *земной* [а теперь еще *приземлить*(*ся*), *заземлить*; ср. газетное образование *земляне*.— *В. В.*]; а от *земля* (страна, область, округ) — *земский*, *безземельный* [ср. *земляк*, *землячество*.— *В. В.*]. От *зверь* (вид животного) происходят: *звериный*, *зверинец*; а от *зверь* (имеющий свойства зверя) — *зверский*, *зверство* и т. д.»[2].

Несомненно, что в семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка было стремление сочетать разные виды лексикографической традиции, идущие от словарей Академии Российской, отчасти и от Даля, от толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова и даже от академического словаря 1847 года. Само собой разумеется, что в сфере иллюстративно-литературной и фразеологической нельзя было пожертвовать и достижениями гротовского и шахматовского словарей. При такой пестроте сочетаемых традиций достигнуть синтеза было почти невозможно.

2

Часть принципов, положенных в основу построения нашего Словаря, довольно скоро отпала. Об этом извещало уже редакционное предисловие к третьему тому (1954): «Критические отзывы на первые два тома Словаря и обсуждение этих томов на Ученом совете Института языкознания АН СССР показали спорность с научной точки зрения и нецелесообразность с практической точки зрения ряда особенностей построения Словаря, характерных для первых двух томов. Сюда относятся гнездовая система, основанная, главным образом, на историко-семантическом объединении слов в одно гнездо, смешение исторической и нормативной точек зрения при характеристике словарного состава современного русского языка, смешение филологических и энциклопедических принципов толкования слова и др.» (т. 3, Предисловие, стр. III). Решено было с четвертого тома строить словарь на новых основаниях. Однако резкого изменения в струк-

[1] «Словарь русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. Наук», I, СПб. 1895, стлб. 305.

[2] И. К а л а й д о в и ч, Опыт правил для составления русского производного словаря, «Труды О-ва любит. росс. словесности», ч. V, М., 1824, стр. 367.

туре нового академического Словаря, кроме алфавитного размещения словарного материала, более широкого привлечения и более точного распределения по семантическим категориям фразеологического материала, иногда, может быть, более удачного отбора и классификации иллюстративных цитат в воображаемом историческом порядке, а в более поздних томах — внимательной и тщательной грамматической, особенно синтаксической характеристики слов и выражений, не произошло. Но все же новый академический Словарь постепенно становился чище, обработаннее и продуманнее в некоторых, хотя и далеко не во всех, отношениях. По количеству и объему словесного инвентаря семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» решительно превосходит все другие русские толковые словари XX в. (под ред. Д. Н. Ушакова, четырехтомный академический словарь и, естественно, словарь С. И. Ожегова). Как справочное пособие по лексике современного русского литературного языка он несомненно стоит на первом месте среди других академических словарей близкого типа, уступая в этом отношении лишь незаконченному предшествующему академическому словарю, ответственное редактирование которого, начиная с букв Е, Ж, З, осуществлялось А. А. Шахматовым [3], а затем и выпускам, подготовленным Д. К. Зелениным, Л. В. Щербой, отчасти С. П. Обнорским и др.

В предисловии к четвертому тому семнадцатитомного Словаря сообщено, что «устраняется система гнездового расположения слов, как явно мешающая справочной цели издания» (т. 4, 1955, Предисловие, стр. III). Итак, по новому замыслу перед нами теперь уже не словарь с широкими научно-теоретическими задачами, а словарно-справочное издание. Осуществляется отречение от целей «Словаря Академии Российской» XVIII в. и «Толкового словаря» Даля. Характерно и такое странное заявление: «Возврат к гнездовому расположению слов в Академическом словаре в сороковые годы двадцатого века может быть понят в связи с путаницей и неразберихой в языкознании, порожденными „новым учением о языке" акад. Н. Я. Марра, и объяснен ими» (там же, стр. III). Но научно обоснованная проблема гнездового словаря и доныне не перестает быть актуальной. Принцип условного историзма от гнездового размещения слов переносится в область распределения значений слов и цитат. «Иллюстративный материал, начиная с четвертого тома, будет располагаться,— сообщает редакция,— в нормальном хронологическом порядке, т. е. от Пушкина к писателям более поздней поры» (там же, стр. IV). Стилистические пометы, применяемые в нашем Словаре, по сравнению со стилистической дифференциацией употребления слов в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова, обобщаются и упрощаются. Позднее в «Инструкции» 1958 г. это объясняется так: «Ограниченное применение стилистических помет прежде всего обусловлено тем, что в Словарь включается лексическое богатство русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней» [4]. Иначе говоря, в Словаре должны найти отражение не одна, а несколько исторически видоизменявшихся лексико-стилистических систем русского литературного языка, и, следовательно, стилистические квалификации здесь имеют очень условный и абстрактный характер.

[3] См.: Н. М. Чмыхова, Теоретические основы, источники и история создания «Словаря русского языка» под редакцией академика А. А. Шахматова, «Уч. зап. [Балашовск. пед. ин-та]», II — Историко-филолог. серия, 1957; ее же, Принципы построения словника и смысловая характеристика слов в «Словаре русского языка» под редакцией академика А. А. Шахматова, там же, 4 — Кафедра русского языка, 1958.

[4] «Инструкция для составления „Словаря современного русского литературного языка"», М.— Л., 1958, стр. 40.

Кроме указания на разговорность слов, «обычных в устном общении и отличающихся некоторой непринужденностью выражения», применяется помета «простореч.» (просторечное слово) «при словах, также принадлежащих речи устной по преимуществу, но обладающих помимо этого свойством грубовато принижать форму выражения. Разговорной и просторечной лексике обычно присуще свойство эмоционально окрашивать высказывание, что и служит поводом широкого ее употребления» (там же, стр. IV). В помете «обл.» (областное слово) выражаются не только диалектные качества слова, но и широкие возможности употребления его в речи персонажей художественных произведений и даже в авторской речи. Пометы «устар.» и «народно-поэт.» стандартны. Своеобразно лишь указание на способы «соединения» или сочетания разных помет, как, например, «устар. поэт.», «устар. простореч.» и т. д. Двойственность стилистических помет здесь вместе с тем и двусмысленна как с нормативной, так и с исторической точек зрения. Она удобна лишь для педагогически-практических, т. е. создающих научно-лингвистическую иллюзию, целей.

Помета «устар. быт.», помещаемая в скобках после определения, характеризует устарелость для современного быта того или иного занятия, обычая и т. п., как, например, *заговенье*, *заговаривать*, *зашёптывать* (болезнь), *знахарь* и т. п. Расширение области профессиональной и специальной терминологии покрывается общей отвлеченной пометой «спец.».

Кое-какие усовершенствования вводятся и в сферу размещения фразеологии: фразеологический материал при известной связанности с определенным лексическим значением располагается вслед за соответственным значением (например, *живая рыба*, *живые цветы*; *живой язык*, *живой вес* и т. п.), а при отсутствии такой связанности он собирается в конце словарной статьи (например, *живой портрет*, *на живую нитку*, *на живую руку* и т. п.) (там же, стр. V).

Заслуживает внимания и такой принцип: «При невозможности отчетливого выделения в слове двух значений, подкрепляемых оправдательными примерами, но при ощущаемой двузначности его, через точку с запятой даются две формулировки значения, например: *Зазимок*. *Обл.* Первый снег; первый мороз; *Замолáживать*ъ. *Обл.* Заволакиваться тучами, облаками (о небе); клониться к ненастью; *Звукоизоля́ция*. *Спец.* Совокупность мер, принимаемых для снижения шума; способность противостоять проникновению звуков в помещение; *Здравоохране́ние*. Охрана здоровья населения; предупреждение болезней и лечение их» (т. 4, Предисловие, стр. V—VI). Симптоматично замечание, включенное в предисловие к пятому тому Словаря. Оно говорит о том, что после устранения принципа гнездового расположения слов критические нападки филологов и читателей были, в частности, направлены против неясностей и искажений «исторической перспективы при раскрытии системы значений в слове» (т. 5, 1956, Предисловие, стр. V).

Положительная сторона всей этой попутной реформы семнадцатитомного Словаря состояла в том, что она открывала возможности более глубокой и тщательной обработки как в структурно-описательном, так и отчасти в историческом плане вопросов грамматики и словообразования. Наиболее слабой в предшествующей традиции и в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова была лексико-семантическая обработка глагола. Правда, она не очень сильно продвинулась вперед и в нашем семнадцатитомном Словаре [5]. Вот иллюстрации.

---

[5] См. мою статью: «О некоторых вопросах теории русской лексикографии», ВЯ, 1956, 5, стр. 81—84.

В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова глагольные омонимы *заговорить* слиты в одно слово [6]. В семнадцатитомном же словаре выделено лишь два омонима (1. «начать говорить» и 2. «утомить продолжительным разговором») (т. 4, стлб. 351—354). При этом с *заговорить* «довести до отупения говорливостью» соединено и значение «воздействовать силою заговора», хотя уже помещенные здесь иллюстрации противоречат такому объединению. В самом деле, в одном глаголе резко выделяется приставка *за-* с результативным значением. Пример: «Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю» (Письмо А. С. Пушкина брату от 30 янв. 1823 г.). В другом, соотнесенном со словом *заговор*, уже произошло «опрощение» основы (по терминологии В. А. Богородицкого). Ср. в рассказе А. П. Чехова «Счастье»: «Клады тут заговоренные, так что найдешь и не увидишь...». Ср. выражения: «заговаривать кровь, испуг, бешенство» (Тургенев, Хорь и Калиныч), фразеологическое единство *зубы заговорить*. У Глеба Успенского в «Книжке чеков»: «Обходительность и ловкость, которыми он (купец.— *В. В.*) щеголял перед покупателем, пришедшим к нему в лавку, были не более как средством „отвести" покупателю глаза, „заговорить зубы" и всучить тем временем гнилое, линючее...». Для механической сцепки этих двух омонимов в одно «слово» семнадцатитомный Словарь воспользовался случаями каламбурного сближения этих омонимов в «Былом и думах» Герцена и в «Добром старом времени» Мамина-Сибиряка. Например: «... он пустил в оборот тот бессмысленный набор фраз, какими утешают плачущих женщин. Женщины любят, чтобы их так заговаривали, а смысл это — другое дело».

Таким образом, перед нами — характерное отставание лексикографической практики в обращении с омонимами от теории слова, от структурно-лингвистического изучения омонимов.

3

Вопрос о том, в какой мере, при каких ограничениях и в каком смысле возможно совмещение нормативно-стилистического и исторического принципов в одном типе словаря, очень сложен. Прежде всего ясно, что словарь такого типа может охватывать лишь не очень длительный промежуток времени, в течение которого не происходило частой и множественной смены лексических систем, а также резких преобразований стилей литературного языка. Следовательно, решение вопроса о целесообразности и возможности такого словаря обусловлено наличием глубокой, конкретной и тщательно дифференцированной исторической грамматики, исторической лексикологии и исторической стилистики литературного языка соответствующего периода. У нас нет права утверждать, что по отношению к истории русского литературного языка от Пушкина до современности все эти историко-лингвистические задачи уже полностью решены, особенно в области словообразования, семасиологии и синтаксиса. В этом смысле очень характерно такое заявление редакции «Словаря современного русского литературного языка» в предисловии к тому пятому: «Пожелание более широко провести в Словаре членение слов на омонимы во избежание смешения значения слова с отдельным словом, что нередко наблюдается в словарях, приемлемо, но до решения лексикологической проблемы омонимов лексикографическая практика неизбежно будет пользоваться лишь приемом чисто внешнего и в ряде случаев произвольного дробления слов на омонимы. Редакция не находит возможным становиться

[6] См.: С. И. Ожегов, Словарь русского языка, 5-е изд., М., 1963, стр. 196; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, I, М., 1935, стр. 914. Ср. также мою статью «О некоторых вопросах теории русской лексикографии», стр. 83.

на этот путь. В тех же случаях, где повод для расчленения казался достаточным, омонимы появлялись в отличие от традиционной практики предшествующих академических словарей» (т. 5, стр. VI). Все это очень неясно и мало обосновано. В семнадцатитомном Словаре в глаголе *исстрачивать — исстрочить*, отнесенном к разговорной речи, соединены три таких значения: «1. Покрывать строчкой при шитье. *Исстрочить воротник.* 2. Тратить, расходовать при строчке. О нитках. *Исстрочить катушку шелку.* 3. Исписывать. *Исстрочить целый лист*» (т. 5, стлб. 521). Таким образом, авторы тут не усмотрели омонимии в словах: *строчка* (в шитье) и *строчка* (на письме); *строчить* (на швейной машинке) и *строчить* (быстро писать). Ср. в «Бесах» Достоевского (в речи Ставрогина): «Петр Степанович — всеобщий примиритель; это его роль, болезнь, конек... Догадываюсь, о чем он вам тут настрочил. Он именно строчит, когда рассказывает; в голове у него канцелярия...».

Особенные трудности связаны с вопросом о возможности применять понятие омонима к словам устарелым, которые и в прежней системе письменного языка имели ограниченно-профессиональное употребление. Таково, например, официально-канцелярское слово *утечка* в значении «побег». В семнадцатитомном Словаре оно рассматривается как устарелое значение современного слова *утечка*, обозначающего «убыль, потерю чего-либо вследствие вытекания, высыпания и др.»: *утечка газа*, ср. также: «Телеграфируйте вы вашему отцу,— пусть он сбросит сколько-нибудь зерна на утечку! Вы посмотрите, сколько сорится» (М. Горький, Фома Гордеев). Устарелое значение «побег» иллюстрировалось таким примером из исторического романа Гр. Данилевского «Мирович»: «Приставу... объявили повеление... за остальными наикрепчайше смотреть, чтоб не учинили утечки» (см. т. 16, 1964, стлб. 1034—1035). Но едва ли это решение вопроса можно признать правильным. Дело в том, что между глаголом *утекать — утечь* и некогда произведенным от него *утечка* («побег») в современном языке нет ни семантического, ни стилистического параллелизма. Достаточно сослаться на определение значений *утекать—утечь* в том же семнадцатитомном Словаре:

«1. Вытекая, стекая, освобождать, переставать заполнять собою... *По низкому потолку струились, текли и не утекали извилистые зеркальные ручьи.* Бунин. Сны Чанга.— *Много воды утекло (с тех пор, с того времени)*...

2. *Перен. разг.* Уходить в прошлое, проходить. *Многое утекло с тех пор, многое изменилось.* Дост. Подросток. III, 13...

3. *Просторeч.* Спасаться бегством; убегать. [Варлаам:] *Вот мы... как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем.* Пушк. Бор. Годунов.— *Утекай отсюда, не то — тут же тебе и смерть!* Гог. Тарас Бульба, 7.— *По ремонтёре она слезки роняла: тот утек восвояси, улепетнул подобру-поздорову.* Дост. Ползунков» (т. 16, стлб. 1029—1030).

Ясно, что между просторечным употреблением *утекать* в значении «спасаться бегством, убегать» и устарелым *утечка* «побег» в настоящее время нет прямого соответствия. Нет семантически связующих элементов у побега и с утечкой газа. Кроме того, сомнительно, чтобы термин «омоним» применялся к словам, относящимся к разным лексическим системам.

У нас нет исторического словаря русского литературного языка ни древней, ни новой эпохи. Не вполне ясными, по крайней мере в деталях, остаются и принципы составления такого словаря. Очевидно, необходимо отразить в таком словаре изменения в исходной лексической системе, т. е. случаи отмирания слов и выражений, способы образования и функционирования новых слов, перегруппировки семантических рядов и групп слов, сдвиги в синонимических соотношениях слов и выражений, пути разви-

тия и утраты омонимических явлений, стилистические колебания и взаимодействия, перемещения в семантической структуре слов и т. п. Все это должно найти и системно-динамическое и историко-хронологическое выражение. Как это сделать без нарушения архитектонической стройности словаря, пока еще не очень ясно. Об этом писал и Л. В. Щерба в своем «Опыте теории русской лексикографии». Естественно, что все это не находит систематического и единообразного отражения в новом академическом Словаре. Разрешение этой огромной задачи историческим бременем ложится на нас. В рассматриваемом же Словаре семантическая история слов даже на протяжении XIX—XX вв. представлена в преобладающем количестве случаев очень скудно и бледно. Вот несколько иллюстраций. Слово *скоропалительный* квалифицируется как разговорное и определяется так: «очень скорый, поспешный» (*скоропалительное суждение*, *скоропалительное решение*, *скоропалительный роман* и т. п.); оттенок: «склонный к очень быстрым, поспешным решениям» («малый скоропалительный» — в «Письмах о провинции» Салтыкова-Щедрина). В историко-лексикографической справке есть ссылка на «Толковый словарь» Даля (т. IV, стр. 206), где впервые зарегистрировано это слово, и приведен пример: *скоропалительные свечи*. Здесь нет истории развития значений слова, хотя обратившись к словарю Даля, можно получить смутные намеки на ход и направление семантической эволюции этого слова. Вот возможный краткий очерк такой истории.

Известно, что словообразовательные элементы, генетически восходящие к старославянскому языку, в истории русского литературного языка часто сочетаются на основе разных правил с народными русскими компонентами и входят в состав новых русских слов. Некоторые из этих элементов вступают в синонимические соотношения с соответствующими русскими аффиксами. В этом случае иногда происходят аффиксальные взаимозамещения, подстановки и взаимодействия в одних и тех же словах, например, *скоропалительный* и *скоропальный*.

Прилагательное *скоропалительный*, наречие *скоропалительно* не зарегистрированы ни одним словарем русского языка вплоть до «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

У В. И. Даля *скоропалительный* (или *скоропальный*) отмечено лишь в составе одного артиллерийского термина: «Скоропальные, скоропалительные свечи в артиллерии для скорого и верного поджогу пушечного заряда, потешных огней и проч.». (Ср. народное *скоропал* — револьвер).

Между тем прилагательное *скоропалительный* и производные от него — имя существительное *скоропалительность* и наречие *скоропалительно* — из профессионально-военного диалекта, из военно-технической терминологии с начала XIX в. широко распространились в говорах устной речи и около середины XIX в. проникли в литературный язык, где стали употребляться более разнообразно и в переносном смысле.

У А. Н. Островского в комедии «В чужом пиру похмелье»: «Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с» (д. 1, явл. 4) (в речи купеческого сына). В биографии И. И. Железнова, написанной Н. Бородиным и приложенной к «Уральцам» (т. I, СПб., 1888, стр. XXX): ...«Чисто военная скоропалительность, с какою требовалось все это разыскать (уральские акты.— *В. В.*), списать и немедленно представить, необходимость занятия в летнее время в душной атмосфере архива... не могли оставить хорошего впечатления...». В книге мемуаров Л. Ф. Пантелеева «Из воспоминаний прошлого» (М., 1934, стр. 409): «был арестован в Вильно и скоропалительно, в чем был, отправлен в Пермь».

В современном «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. IV, стлб. 231) слово *скоропалительный* отнесено к разговорно-шут-

ливой речи и определяется так: «чересчур скорый, поспешный. *Скоропалительное решение*». Таким образом, этот военный термин, войдя в общий язык, оказался очень жизнеспособным и обнаружил острую экспрессивность. М. И. Михельсон, исторические построения которого в области русской фразеологии часто копируют словарь В. И. Даля, готов был переносное значение слов *скоропалительный, скоропалительно* объяснять так: «весьма быстро, как *скоропалительные* свечи в артиллерии, как *скоропал* (револьвер)» [7].

Слова *скоропалительный, скоропалительно*, утратив прямое номинативное значение, употреблялись и употребляются в узком фразеологическом кругу, который в индивидуальной речевой деятельности может иронически расширяться.

Обратимся к другому примеру — к слову *солидарность* (т. 14, 1963, стлб. 212). По академическому Словарю, оно не имеет семантической истории в русском литературном языке XIX—XX вв. У него неизменное значение: активное сочувствие чьим-либо действиям или мнениям, общность интересов, единодушие. Иллюстрации употребления — из сочинений Шелгунова, Добролюбова, Ленина, а затем скачок к нашей современной литературе. Второе значение — юридическое: совместная ответственность. Историко-лексикографическая справка указывает на словарь Даля. Прилагательное *солидарный* семантически обусловлено смысловыми связями со словом *солидарность*. *Солидаризация* и *солидаризироваться — солидаризоваться* относятся уже к XX в.

Между тем *солидарность* встречается еще в русском литературном языке 20—30-х годов XIX в. У В. Ф. Одоевского в эпиграфе к «Живому мертвецу» (1839 г.):

«— Скажите, сделайте милость, как перевести по-русски слово *солидарность* (solidaritas)?

— „Очень легко — *круговая порука*“,— отвечал ходячий словарь.

— Близко, а не то! — Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие;—так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым по-видимому незначащим поступком, с каждым движением души человека.

— „Об этом надобно написать целую книгу“ (Из романа, утонувшего в Лете)».

Слово *солидарность* (solidarité) получило особенно широкую популярность под влиянием сочинений Ог. Конта («Cours de philosophie positive» — I т. в 1830 г. и последний, VI т. в 1842 г.; «Système de politique positive», I—IV, 1851—1854).

В системе Конта слово *солидарность* является одним из центральных понятий. Оно раскрывается в «Курсе позитивной философии» как категория этическая, политическая и юридическая. Солидарность, по Конту,— согласие, связанность некоторых элементов, некоторого целого. Солидарность — это связанность частей целого в общем целом. В этом смысле солидарность есть закон космический, биологический. Этот закон переносится Контом и на общество. В организме части и целое солидарны, т. е. во время действия части тела содействуют друг другу. Общество, по Конту, есть тоже организм (organisme social, système organique, organisme collectif). Следовательно, солидарность частей и целого в индивидуальном организме имеет место и в социальном. Конт говорит: «Все возможные стороны социального организма (tous les aspects possibles de l'organisme so-

[7] М. И. Михельсон, Русская мысль и речь, II, б. м., б. г., стр. 263.

cial), все социальные элементы или modi находятся между собой в существенной солидарности (solidarité fondementale)» [8]. Начало солидарности проникает семью, корпорацию, государство. Позитивная философия Конта раскрывает солидарность как всеобщий космический закон, как всеобщий биологический закон, как всеобщий закон общественной эволюции; рост солидарности — это τέλος истории. Это с объективной стороны. Со стороны субъективной, это — максима воли, правило поведения. Это — долг. Психологически это сознание зависимости и чувство личного значения. Сознание личного значения — дань эгоизму; сознание зависимости — дань альтруизму. Но нужно подчинить эгоизм альтруизму. Это осуществляется благодаря социальной солидарности [9]. Уже в 40-х гг. XIX в. слово *солидарность* получило у нас широкое распространение.

4

Хотя в предисловии к пятому тому семнадцатитомного Словаря было выражено стремление редакции к более четкому раскрытию исторической перспективы при определении значений слова, это стремление чаще всего не находит своего полного и убедительного воплощения. Например, в слове *искусство* отыскиваются три значения, и показываются они в такой последовательности: 1) творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах (цитаты из Гоголя, Чернышевского и Ферсмана); 2) отрасль творческой художественной деятельности и 3) умение, мастерство, необходимое для ведения какого-либо дела (т. 5, стлб. 470). Здесь возбуждает сомнение и последовательность расположения значений и формулировка исходного, первого значения, основанного на поэтической системе реализма. Историко-лексикографические справки, указывающие на «Лексикон» Поликарпова 1704 г., на «Вейсманнов Лексикон» 1731 г. и на «Российский Целлариус» 1771 г., противоречат семантическому раскрытию предполагаемой или предлагаемой истории значений слова *искусство*. Характерно, что в «Словаре языка Пушкина» употребление слова *искусство* в значении «система приемов, методов в какой-либо практической деятельности» отмечено 52 раза, а в значении «художественное творчество» — 21 раз; вообще же оно встречается 107 раз [10]. Возникает вопрос, можно ли первое значение слова *искусство*, выдвигаемое семнадцатитомным Словарем в качестве исходного, применить к такому общеизвестному месту из пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери»:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.

Вот некоторые материалы для семантической истории слова *искусство*.

Морфологические критерии распознавания и выделения древнеславянизмов нередко вступают в конфликт с семантическими, внутренними, формами слова. Несмотря на то, что слово может быть этимологически разложено на древнеславянские морфологические элементы, несмотря на то, что оно носит печать книжности и история его употребления в прошлом тесно связана со стилями книжно-славянской речи, все же квалификация его как старославянизма, славянизма или церковнославянизма может быть грубым историческим анахронизмом. Ко многим словам этого

[8] Aug. Comte, Cours de philosophie positive, IV, 3-me éd., Paris, 1869, стр. 237.
[9] См.: В. Савальский, Критика понятия солидарности в социологии О. Конта, ЖМНП, ч. CCCLXI, 1905, сентябрь, стр. 95—103.
[10] См. «Словарь языка Пушкина», 2, М., 1957, стр. 241—242.

типа скорее приложимо название западноевропеизма на древнеславянской основе.

Слово *искусство* не отмечено в памятниках древнерусского языка [11]. Но гнездо родственных ему образований восходит, по-видимому, к старославянскому языку. Например, выражение *искусы творити* встречается в Договоре Олега 912 г., *искусы дѣяти* — πειράζειν указано В. М. Истриным в «Хронике Георгия Амартола» [12].

Искус в значении «опыт» было широко употребительно в языке древнерусской письменности.

В договоре с греками 945 г. слово *искусъ* употреблено в значении «истязания, пытки» («аще кто от крьстьянъ или от Руси мученья образомъ искусъ творить». 74); ср. греч. πεῖρα. Не очень точно и достоверно история значений слов *и́скус* и *иску́с* воспроизведены в нашем Словаре (т. 5, стлб. 466—467).

Ф. И. Буслаев писал: «... *вкус* и *искусство* (*ис-кус-ство*) происходят от одного корня *кусити* (санскр. куш.—experiri). С понятием искусства соединяется мысль об обмане, прельщении, что видно из родственных с ним слов: *искуситъ*, *искуситель*, *искушение*» [13].

Однако это этимологическое толкование слова *искусство* не соответствует его семантической истории.

Дело в том, что слово *искусство* создавалось хотя и посредством сцепления книжнославянских морфем, но на совершенно другой семантической и культурно-исторической почве.

В русском литературном языке оно появилось не раньше второй половины XVII в. В русском лексиконе Петровского времени (библ. Акад. наук) слово *экспериенциа* (лат. *experientia*, польск. *eksperjencja*) (опыт, испытание) поясняется при помощи слова *искусство* [14].

Таким образом, слово *искусство* возникает не без влияния латинского языка как языка западноевропейской науки и философии (до создания научных языков в странах Западной Европы на национальной основе). У Ант. Кантемира в примечаниях к переводу сочинения Фонтенелла «Разговоры о множестве миров» (1730): «Экспериэнциа. Искус, искусство, знание, полученное через частое повторение какого действа». Ср. в легенде о папе Григории по списку XVIII в.: «Был я в том монастыре, и не захотел в том монастыре жить и пожаловал себе (в) воинском изкусстве опробовать» [15].

Последующая семантическая история слова *искусство* в русском литературном языке XVIII и XIX вв. определяется не только углублением и дифференциацией его значений — применительно к разным сферам труда и творчества, но и меняющимися формами его соотношений с многочисленными кругами связанных с ним слов и лексических рядов: *искусный*, *искуситься* и т. п., *художество*, *мастерство* и др. под.

В некоторых случаях в семнадцатитомном Словаре слово дается оторванно от своих морфологических связей и от всех своих исторических корней. Так, например, слово *особъ* — с единственным значением: «отдельный живой организм; индивид». Цитаты — из Леонова, Сергеева-Ценского, Г. Ушакова («По нехоженной земле»). Лексикографическая справка ве-

[11] См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I, СПб., 1893.

[12] В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, III, Л., 1930, стр. XIV.

[13] Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, Л., 1941, стр. 176.

[14] Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, Сб. ОРЯС, LXXXVIII, 2, 1910, стр. 346.

[15] Н. К. Гудзий, К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915, стр. 251.

дет к Далю. Положение этого слова среди других слов местоименного происхождения остается темным.

Между тем поздние русские образования от старославянских основ, построенные по народнорусскому морфологическому типу, могли возникать и в книжном, даже научном языке. Таково и слово *о́собь*. Было бы ошибочно связывать его непосредственно со старославянским *собь* (ср. *осо́бь*, а также старославянские и древнерусские *за со́бь* «один за другим», *насо́бь* «один на другом», *въ осо́бь* «включая один в другого», *посо́бь* «один после другого»).

Но так именно и поступил А. И. Соболевский в своей заметке о падежных формах *собь*: «Очевидно, форма *собь* с предлогами (что естественно для формы местн. п.) была в широком употреблении в церковнославянском языке исторического периода и тогда еще чувствовалась как падежная форма, а не как составная часть наречий.

По-видимому, к ней следует возводить все церковнославянские слова вроде *собьство* и все русские, заимствованные из церковнославянского языка и образованные из заимствованных в сравнительно позднее время, вроде *особь* (существ.), *особа*, *особенный*, *обособить*, *пособие*, *способ*, *приспособить*» [16].

Но слово *о́собь* возникло в русском литературном языке только в середине XIX в. Оно прежде всего сложилось как научный термин естествознания. Особь — это каждый самостоятельно существующий организм, индивид, экземпляр. По своему строю это слово относится к морфологическому типу отвлеченных образований от основы имени прилагательного: *осо́бый — о́собь*; ср. *дикий — дичь*; *нечи́стый — не́чисть*; *пога́ный — по́гань*; *рваный — рвань* и т. п. Таким образом, прямой связи у слова *о́собь* со словом *собь* или церковнославянским наречием *осо́бь* «один отдельно от другого» нет. Слово *о́собь* еще не включено в академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. Но оно уже есть в «Толковом Словаре» В. И. Даля (т. 2, стр. 725): «Особь, ж. неделимое, индивид; всякое отдельное существо или растенье. *Царства природы делятся на классы, разряды, семьи, роды, виды, породы, кои уже составлены из особей*».

Ср. у Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «И в каждой животной особи, кроме сознания (более или менее ясного) личности, существует еще сознание племенное...» [17].

Само же прилагательное *особый* является русским образованием к *осо́бь*, параллельным книжному *особьный*, которое вошло в древнерусский литературный язык из языка старославянского [18].

Взгляд на прошлое, находящий отражение в размещении значений, в помещении устарелых значений в конце статьи о слове, часто внушает ложные, антиисторические представления.

Например, в слове *табачница* различаются два значения: «курильщица табака, работница табачной промышленности» («Табачница била в бубен и плясала, изгибаясь всем телом» — Л. Борисов «Ход конем», 16) и «табакерка — коробочка для табака». Самый старый пример приводится из «Мертвых душ» (I, 2) Гоголя, из описания ноздревского жилища: «[Табак] был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, наконец, насыпан просто кучею на столе» (см. т. 15, 1963, стлб. 9—10). Возникает вопрос: было ли когда-нибудь в истории русского литературного языка время, когда в структуре одного слова могли совмещаться суффиксы — личный

[16] А. И. Соболевский, Падежная форма *собь*, РФВ, 1914, LXXI, 2, стр. 449.
[17] Соч. Н. И. Пирогова, II, 2-е юбилейн. изд., испр. и доп., Киев, 1916, стр. 80.
[18] Слово *особый* не включено в «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова (1704). В Словарях Академии Российской *особый* рассматривается уже как общеупотребительное слово разговорной речи и среднего стиля литературы.

-ица, соотносительный с *-ик* (типа *раскольник — раскольница*), и *-ница* для обозначения сосуда, вместилища, вроде: *чайница* и т. п.? Конечно, нет. Ср., однако, и в слове *табакерка* (народный вариант *табатерка*) объединение значений «коробочка для табака» и «работница табачного производства» (т. 15, стлб. 7).

Точно так же неясно, как представляют авторы-составители словаря историко-семантическую связь значений слова *лапушка*. Первое значение — просторечное — они считают уменьшительно-ласкательным к *лапа*. Второе — народно-поэтическое — признают за ласковое обращение (обычно к женщине, ребенку) (т. 6, 1957, стлб. 64). Историко-лексикографические справки формально связывают слово *лапушка* с XVIII в. Но что же это значит в конкретно-историческом плане? Здесь все традиционно, списано с толковых словарей неисторического содержания и притом оторвано от слова *лапочка*.

В. И. Даль в «Толковом словаре» (т. 2, стр. 241) помещает слово *лапушка* в одно гнездо с *лапа* и сближает *лапочка* и *лапушка* по их употреблению. Обе формы, по Далю, выражают «ласковый привет женщине».

Еще наивнее это сближение сделано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. II, стлб. 25). Тут находим: «Ла́пушка, и, *ж.* (разг.) 1. *Уменьш.-ласкат.* к лапка...2. Ласкательное обращение к ребенку или женщине, реже к мужчине (фам.)».

Такого рода этимологизация не чужда и живому словоупотреблению писателей. Ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Ангел, душка, лапочка моя, Лара». У Пушкина такое словоупотребление встречается в письме П. Б. Мансурову (1819): «... потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм — прощай, лапочка». У И. И. Панаева в очерке «Барышня» (1844): «Няня кричит жалобным голосом: — Что это с тобой, лапочка ты моя, что с тобой приключилось... Уж не зубки ли?... Покажи-ка».

Между тем в нашем академическом Словаре на слово *лапочка* приведен лишь один пример из Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «На суку Качалась белка... лапочкой, Как кошка умывалася» (т. 6, стлб. 63).

Еще Я. Автамонов в своей работе «Символика растений в великорусских песнях» [19] высказал предположение, что *лапушка* — это «поэтический символ из царства растений». «Правда, в песнях мы не имеем прямых доказательств того, что лапушка растение, но есть несколько соображений, говорящих в пользу такого предположения... У Даля говорится: „лапушка — дятлина, трилистник, клевер". У Анненкова (Ботанический словарь.— *В. В.*) тоже упоминается лапушка — это Trifolium pratense, клевер, красная кашка, что вполне совпадает с данными Даля. Цветы у нее, по Гофману (Ботанический атлас.— *В. В.*), редко бывают белые, большею частью — или бледно-красные или пурпуровые; цветет с апреля до октября». Известно, что «красный цвет ассоциируется в представлении народа с образом женщины, так что нет ничего невозможного в том, что лапушка стала символом женщины, а затем потеряла в некоторых местах свое первоначальное значение и сделалась ласкательным словом» (ср. *разлапушка*, так же как «разлебедушка» и «раздуша»; в песнях также «разлавровый»). В качестве семантической параллели «образования ласкательных имен на основании их символического значения» Я. Автамонов ссылается на народно-поэтические эпитеты женщины: «ягодка» и «репушка» (ласковая «кличка круглой девки»).

Лапушка обычно «встречается в песнях, как женское ласкательное: дочь, обращаясь к матери, называет ее лапушкой (Шейн, Великорусс.,

[19] Я. Автамонов, Символика растений в великорусских песнях, ЖМНП, ч. CCCXXXIV, 1902, ноябрь, декабрь.

808). Свекровь так же называет своих невесток (Соболевский. Великорусские народные песни, III, 22). Но, конечно, чаще всего лапушкой является *любимая* молодцем девушка и это, как можно думать, основываясь на окраске цветка, было первоначальным значением клевера. Только в одной песне... встретилось ласкательное „лапушка" по отношению к мужчине: девушка называет так любимого ею молодца (Соболевский, III, 168)...». Так в слове «утрачивается связь между первоначальным и символическим значением, причем первоначальное или совсем позабывается, или считается особым словом, сходным только со словом-символом по звукам» [20].

Слово *лапушка* встречается в лирике Петровского времени. Ср. в более позднем Песеннике 1799 г.:

Черну шляпу скидавал,
Честь лапушке отдавал:
Здравствуй, лапушка моя,
Дома ль матушка твоя?[21].

В «Женитьбе (д. 2, явл. XVI) Гоголя, в речи Кочкарева: «Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну хочешь ли, я стану на колени перед тобой?».

И. Г. Прыжов в своей брошюре «26 московских пророков, юродивых, дур и дураков» (1865) так рассказывал о Петре Устюжском: «Петруша особенно любит хорошие соты, сдобные, сладкие пироги, цветочный чай, моченые яблоки, варенье всех сортов, зернистую икру, блины, яичницу и молодых горничных, которых называет вербочками, малиновками, пеночками, кинареечками, лапушками» [22].

В сущности, та же скудость и недостаточность, прерывистость толково-исторических указаний наглядно обнаруживается и в интерпретации множества слов не только с семантико-стилистической, но и с синтаксико-фразеологической точек зрения. Это особенно относится к историческому освещению фразеологических оборотов.

От застывших фразеологических единств, ставших морфологически спаянными и семантически неразрывными окаменелостями, следует отличать более свободные их типы — с потенциальными вариациями, текучими подвижными видоизменениями, содержащими тот же центр, то же образное ядро. Например, центром фразеологического единства *шит(ый) белыми нитками* (о каком-нибудь умысле, деле; так неискусно сфабрикован, что легко заметить скрытые побуждения; ср. у Салтыкова-Щедрина: «их лганье было шито белыми нитками») — является образ белых ниток. Он может быть отвлечен от своей типичной традиционной формулы. Образуются вариации в таком роде: «...как там они ни хитрят, а все-таки видны белые нитки» (В. А. Слепцов, Письма об Осташкове) [23].

В семнадцатитомном Словаре весь этот интересный и сложный круг проблем почти не находит отражения.

Фразеологические обороты имеют свою этимологию и свою историю. На это обратил особенное внимание А. А. Потебня.

Выдать, принять что-нибудь за чистую монету (ср. польск. *za czystą monetę*). А. А. Потебня считал эту фразу позднейшим, вызванным культурно-историческими причинами видоизменением более архаического выражения *за чистую белку* (ср. польск. *za czystą białkę*). «От подобного выражения, в коем вм. металлической монеты, стояла еще *бѣла, бѣла вѣверица*

[20] Там же, ЖМНП, ч. CCCXXXXIV, 1902, декабрь, стр. 253—254, 255.
[21] См.: В. [И.] Чернышев, Русская песня у Островского, «Изв. по русскому языку и словесности [АН СССР]», II, кн. 1, 1929, стр. 311.
[22] И. Г. Прыжов, Очерки, статьи, письма, М.—Л., 1934, стр. 56.
[23] В. А. Слепцов, Соч., I, М.—Л., 1932, стр. 477.

и т. п., пошло, вероятно, выражение: выдать что за чистые деньги, *za czystą monetę*»[24]. Ср. нем. *etwas für baare Münze zu nehmen.*

Еще пример: разговорное выражение *в ударе* (т. е. в таком состоянии или настроении, когда все силы находятся на подъеме в бодром возбуждении, сулящем удачу) распространилось из жаргона бильярдных игроков. И это следовало бы указать.

5

Элементы историзма более открыто, хотя и в бессистемном, отрывочном виде, выступают в справочном отделе словарной статьи семнадцатитомного Словаря. На это указывает предисловие к тому шестому этого Словаря. Здесь отмечаются три назначения справочных сведений: «1) Если толкуемое слово на протяжении того периода, который охватывает Словарь, претерпевало изменения грамматической формы или имеет параллельные формы, отвечающие устарелому, просторечному или иному употреблению, такие формы показываются с соответственной квалификацией их, с указанием на изменения в правописании и произношении. Примеры: *месть* при *мести*; *маневр* при слове *манёвр*, *лáвровый* при *лавр*óвый и т. п. 2) Делается ссылка на тот словарь, в котором слово впервые помещено. Если у слова в литературном языке менялась форма, то привлекаются сведения из хронологически следующего или следующих словарей. Напр., *логов* в Словаре Академии Российской (1792); *логово* в Словаре Акад. 1814; *лентошный* в Российском Целлариусе (1771), *ленточный* в Словаре Акад. (1792) и т. д. 3) Дается этимологическая характеристика заимствованного слова» (т. 6, Предисловие, стр. III—IV).

Вообще говоря, это — важное нововведение, указание на первую регистрацию слова в лексикографических источниках. Конечно, трудно было бы требовать в этих случаях исчерпывающей полноты и безукоризненной точности историко-лексикографических свидетельств. Кроме того, фактическая жизнь слова в многочисленных ее проявлениях находит отражение в лексикографических «календарях» через долгие сроки молчания. Тем не менее ни один историк русской лексики не может отрицать ценных наводящих сведений и указаний, содержащихся в историко-лексикографических справках нашего Словаря. Но и тут много спорного и исторически нецелесообразного.

Справки этого рода нередко очень формальны. Так, при слове *микитки* есть ссылка только на словарь Даля (см. т. 6, стлб. 971). Примеры же, иллюстрирующие употребление этого слова — в выражении *под микитками*, приводятся из сочинений Скитальца и А. Н. Толстого, а *под микитки* из сочинений Решетникова, Златовратского и Чехова. Между тем общеизвестно применение *под микитки* еще в первом томе «Мертвых душ» Гоголя — в рассказе о пирушке сольвычегодских купцов с устьсысольскими: «Пирушка, как водится, кончилась дракой. Сольвычегодские уходили на смерть устьсысольских, хотя и от них понесли крепкую ссадку на бока, *под микитки* и в подсочельник, свидетельствующую о непомерной величине кулаков, которой были снабжены покойники» (гл. IX).

Вместе с тем, что может раскрыть в исторической судьбе слова *мироздание*, появившегося в языке массонской литературы последних десятилетий XVIII в. и встречающегося у Карамзина, указание на то, что оно впервые зарегистрировано в академическом словаре русского и церковнославянского языка 1847 г. (см. т. 6, стлб. 1047)?

---

[24] А. А. Потебня, К истории звуков русского языка. IV — Этимологические и другие заметки, Варшава, 1883 (отд. оттиск из РФВ), стр. 86.

В других случаях историко-лексикографическая справка представляется не только излишней, но и странной. Это особенно бросается в глаза при пояснении собственных имен. Такова, например, ссылка на «Толковый словарь» под ред. Ушакова под словом *Митрофан*. Ср. обобщенно-образное употребление имени фонвизинского персонажа у Пушкина: «Ты, соперник Аполлона, Бельведерский Митрофан»[25], у Лермонтова в «Тамбовской казначейше»

Времен новейших Митрофан
Нетесанный, недоученый,
А уж безнравственный болван;

у Салтыкова-Щедрина в «Господах Ташкентцах» и т. д. (см. т. 6, стлб. 1063). Тут иллюстрации парализуют значение справки.

Любопытно, что при слове *мишка* со значением «медведь» историко-лексикографическая ссылка указывает на «Толковый словарь» под ред. Ушакова (1938), а иллюстрации приводятся из крыловской басни «Квартет»: «Проказница-Мартышка, Осел, Козел Да косолапый Мишка Затеяли сыграть квартет» и из стихотворения Некрасова «Генерал Топтыгин»: «Тут во всю медвежью мочь заревел наш мишка» (т. 6, стлб. 1068). Следовательно, здесь историко-лексикографическая справка не ведет к истории слова, а уводит от нее.

В отдельных случаях, по-видимому, не очень частых, историко-лексикографическая справка оказывается неточной и запоздалой. Так, например, при слове *стимул* дается ссылка на третье, т. е. бодуэновское, издание словаря Даля (начало XX в.). Тем самым это слово в семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка оказалось лишенным всякой истории, хотя есть литературные ссылки на Добролюбова и А. Н. Островского («Один из хороших стимулов для труда есть нужда») (см. т. 14, 1963, стлб. 880).

Между тем слово *стимул* начало употребляться уже в русском литературном языке 40-х годов XIX в. В это время оно еще воспринималось многими литературно образованными людьми как неологизм. Например, рецензент журнала «Пантеон» в своем разборе статьи Николая М. «Биография Н. В. Гоголя» пишет: «...мы оставляем Николая М. с его биографиею, заметив только на прощание, что сло́ва *стимул* нет в русском языке и что писать *дата* вместо число более чем странно»[26]...

Слово *стимул*, судя по его ударению, было заимствовано либо прямо из латинского языка (лат. *stimulus* буквально «заостренная палочка»), либо через посредство польского и немецкого языков (ср. польск. *stimulowac*, нем. *stimulieren*). Во всяком случае уже в 60-х годах слово *стимул* входит в активный словарь русской журнально-публицистической речи. Оно вносится в лексикон иностранных слов. Например, в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленном по образцу немецкого словаря Гейзе» (СПб., 1861, стр. 483) читаем: «Стимул (от stimulare — погонять), лат. Побудительное средство; все, что побуждает делать что-либо».

Можно привести из семнадцатитомного словаря достаточное количество справок, по существу пустых. Пример — слово *облапошить*, которое квалифицируется как просторечное и, согласно историко-лексикографической справке, указывающей на словарь П. Соколова (1834), как укоренившееся в русском литературном языке с 30-х годов XIX в. Иллюстрации его употребления приведены из «Идиота» Достоевского, «Двух

[25] «Словарь языка Пушкина», 2, стр. 595.
[26] «Пантеон», XIV, 1854, март, IV, стр. 13.

гусаров» Л. Толстого, «Сельской аптеки» Н. Успенского и пьесы Горького «Егор Булычев и другие». При широте понимания «просторечия» в нем тонет народно-областная окраска слова, с которым соединялось много каламбуров.

Например, нередко говорилось, что *облапошить* «обставить» восходит к франц. *la poche* «карман»; ср. *empocher* «прикарманить». Ср. у А. Н. Островского в комедии «Лес» диалог Несчастливцева с Счастливцевым (д. 4, явл. 1):

«Несчастливцев: Я нынче счастлив, Аркадий; я сделал хорошее дело.
Счастливцев: Да-с, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...
Несчастливцев: Что?
Счастливцев: Ампошé.
Несчастливцев: Я тебе такое „ампошé" задам!».

Пусть это — плод игры ума, склонного к каламбурам. На самом деле глагол *облапошить* попал в разговорную литературную речь начала XIX в. из областных народных говоров. Глагол *лапошить* в крестьянских диалектах имеет значения «1. красть, лапить; 2. обманывать, надувать» [27]. В основе его лежит тот же корень, что и в слове *лапа*. Ср. областное употребление слова *лапить* в значениях: «обшаривать, брать втихомолку; красть» [28]. Ср. глагольные образования на *-ошить*: *укокошить*; В. И. Чернышев отметил употребление слова *лапошить*, *лапошенье* в подмосковных говорах: «Аблапóшили? — Како лапошинья!...» [29].

Есть основания предполагать, что глаголы *лапошить* и *облапошить* в значениях: 1) «красть, лапить» и 2) «обманывать, надувать» были распространены преимущественно в среднерусских и севернорусских говорах. Оттуда они и попали в язык русской художественной реалистической литературы. В южновеликорусских говорах глагол *лапошить* употребляется в значении «бить» (воронежский говор) [30]. *Облапошить* вошло в литературную речь из областных говоров через жаргоны.

У Н. Г. Помяловского в очерке «Бурсацкие типы» при рассказе об Аксютке и его воровских уловках: «Аксютка стал объяснять ему:

— По мелочам будешь брать, дольше времени пройдет. Когда спросишь маслица, скажи, что забыл дома бутылочку, и не отставай, проси посудинки.

— Облопошим! Аксен, ты умнее сатаны!

— Ты должен звать меня: Аксен Иваныч».

Ср. у Достоевского в «Дядюшкином сне» (1859): «Мгновенно поднялись яростные крики со всех стороны. Кричали, что это грешно, даже подло; что старик не в своем уме, что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоумием».

Ср. «Давеча... Марья Александровна целый час уговаривала Зину выдти замуж за этого князя, говорила, что нет ничего легче его облапошить и заставить жениться...» (в речи Настасьи Петровны). «...всему городу расскажу, как вы с маменькой облапошили князя, напоив его до пьяна» (в речи Мозглякова). «Вас, слабого, беззащитного, *облапошили*, как выразился Павел Александрович, облапошили из-за вашего богатства, из-за вашего княжества» (в речи Зины).

Нужно различать последовательность выполнения структурного плана словаря, в том числе и семнадцатитомного, и ценность отобранного и вмещенного в него материала. Например, у нас еще нет систематического

---

[27] «Словарь русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. наук», V, вып. 1, Пг., 1915, стлб. 208.
[28] Там же, стлб. 196.
[29] Там же, стлб. 208.
[30] Там же, стлб. 209.

изложения исторических закономерностей развития русского словообразования хотя бы в литературном языке нового времени — XVIII—XX вв. И Словарь их не открывает, хотя и дает ценнейший материал для исторических изучений, заключений и обобщений. Но не всегда материалы Словаря эти вопросы разрешают. Вот пример. В Словаре помещено слово *статочный*. Оно квалифицировано как устарелое. Но никаких примеров на свободное его употребление, кроме цитаты из «Некрещеного попа» Лескова («Эта мысль показалась Дукачу статочною»), не приведено. Все остальные иллюстрации включают в себя фразеологическое выражение *статочное ли (это) дело*, о котором говорится: «В современном употреблении используется для выражения удивления, возмущения, недоумения и т. п. в значении: возможно ли, допустимо ли, хорошо ли» (т. 14, стлб. 787).

Историко-лексикографическая справка ведет к «Вейсманнову лексикону» 1731 г., в котором зарегистрировано выражение: «Статочное ли это дело?». Следовательно, в Словаре нет никаких намеков ни на историю слова *статочный*, ни на его словообразовательное отношение к глаголу *статься*, ни на его функционированье в литературной речи XVIII—XX вв.

Таким образом, семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка не стал и не является толково-историческим, хотя и содержит очень много ценного материала для исторической лексикологии русского языка XVIII—XX вв. Можно даже утверждать, что именно этот Словарь поставил перед нами во всю ширь проблему исторического словаря русского литературного языка национальной эпохи или, вернее, нескольких исторических словарей этого времени: от конца XVII в.— до Пушкинской эпохи (может быть, с двумя подразделениями), от Пушкина — до 50—60-х годов XIX в., от 60-х годов до конца XIX — начала XX в.

6

Тут вплотную приближается к нам проблематика нормативно-стилистического словаря. Она связана с очень широким кругом вопросов понимания структуры, объема, содержания, границ и норм с о в р е м е н н о г о русского литературного языка. Эти вопросы у нас горячо обсуждаются в последнее время, но пока еще без очень существенных и, во всяком случае, окончательных, общепризнанных результатов. Л. В. Щерба утверждал, что нормативное описание лексической системы, «соответствующее единому (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени», может быть продуктивно осуществлено лишь в сравнительно узких хронологических границах. Эти границы должны быть точно обозначены ясным описанием, а также определением соответствующей языковой системы и реализующей ее языковой нормы.

По моему мнению, применительно к современному русскому языку это время с 90-х годов XIX в.— с начала XX в. вплоть до современности.

Таким образом, много трудностей возникло и при попытке построить нормативно-стилистический словарь современного русского литературного языка. Ведь у нас очень слабо разработана стилистика, ее категории, их соотношение. Разработанная мною для «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова система стилистических помет была направлена не столько в будущее, сколько в прошлое. Ведь было очень трудно в 20—30-е годы текущего столетия — при происходивших тогда резких изменениях и колебаниях стилистической окраски множества слов и при огромном количестве новообразований — определить устойчивые прин-

ципы стилистических оценок разных групп слов. Между тем, эта система стилистических помет в ее существенных чертах, хотя очень часто с резкими субъективными отклонениями, продолжала, в основном, применяться во всех последующих словарях современного русского литературного языка вплоть до современности. Вот несколько иллюстраций из семнадцатитомного Словаря. В нем наречие *мимоездом* квалифицируется как слово «разговорное», а прилагательное *мимоезжий* как «просторечное» (т. 6, стлб. 1003). Ср. у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися
Парома поджидаючи...

Ср. у А. Н. Толстого («Для чего идет снег»): «Мимоезжий извозчик» (см. т. 6, стлб. 1003).

Слова *мимолетом* и *мимолетный* свободны от всяких стилистических помет.

В том же плане рассматривается *мимоходом*. И сюда же без всяких оснований присоединяется редкое в современном литературном языке слово *мимохожий*, также не сопровождаемое никакой стилистической пометой, в значении «проходящий мимо». Пример один — из «Русского леса» Леонида Леонова: «Ставил злодей у себя во дворе щедрые странноприимные столы, ...зазывая к себе мимохожую голь» (см. т. 6, стлб. 1005).

Можно ли местоименное слово *таковский* — без дополнительных экспрессивно-синтаксических ограничений — относить к современной разговорной речи с механическим утверждением, что оно «употребляется обычно в восклицательных предложениях». Любопытно, что из современного литературного языка в Словаре не приведено ни одного примера на употребление местоименного прилагательного *таковский* в утвердительном смысле. В настоящее время *таковский* чаще всего применяется в отрицательных выражениях и конструкциях *не таковский, не таковский, чтобы..., не из таковских, чтобы..., не на таковского напал, нарвался*. Все это свидетельствует о том, что стилистическая интерпретация слова, особенно в сфере синтаксического употребления, в нашем Словаре недостаточно обоснована и мало исторична. Примеры из Гоголя («это — таковский человек» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») и из Григоровича («Вся семья таковская! один в одного! — упрямо подтвердил купец». Роман «Переселенцы», т. I) (т. 15, стлб. 57) уже не вполне соответствуют активным стилистическим нормам современного русского языка. Таким образом, и нормативные тенденции современной речи здесь не описаны точно и вразумительно.

Остро сказывается недостаток изучения экспрессивно-стилистических категорий современного русского глагола. Например, в кругу звукоподражательно-отмеждометных образований *тарарах* рассматривается как междометие разговорной речи, употребляемое по значению глаголов *тарарахать, тарарахнуть*. Приводится пример из исторического романа А. Толстого «Петр I»: «...из лесочка вдруг с бесовскими криками выкатываются какие-то в зеленых кафтанах, видом — не русские, и бум-тарарах — бьют из пушек деревянными ядрами в мирные монастырские стены» (I, 2). Между тем семантическая статья о глаголе *тарарахать — тарарахнуть* не отвечает современным нормам употребления междометия *тарарах* и сама по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего остается неясным, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двувидовой разговорный глагол *тарарахать — тарарахнуть*, непереходный, со значением «грохотать, греметь» («тарарахнул

гром», «бомба как тарарахнет»; «над головой пронеслось что-то душное и тарарахающее» — Вс. Иванов «Пархоменко», и т. п.); с другой стороны, в просторечии *тарарахнуть* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елагина»: «...не удивляйся, если в один прекрасный день узнаешь, что я себя тарарахнул»), «сильно и неожиданно ударить» (что не отмечено в Словаре, например, *тарарахнуть кого-нибудь по башке*) и в жаргонно-вульгарном просторечии — «выпить водки, вина, пива» (например, у Чехова в рассказе «Певчие»: «Пойдем, брат сирота, с обиды тарарахнем точию по единой»). Нет убедительных доказательств и примеров того, что в двух последних значениях возможно и распространено употребление форм несовершенного вида.

Нет полной ясности в стилистическом соотношении и взаимоотношении слова *татарва*, которое отнесено к разговорной речи и характеризуется как «пренебрежительное название татар, воюющих или враждующих с русскими», и слов *татарова* и *татаровья*, которые признаны устарелыми и народно-поэтическими. О вражде с русскими в последних случаях не говорится, хотя иллюстрации начинаются со стихов лермонтовской Песни про купца Калашникова (см. т. 15, стлб. 138):

И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце бранное черкасское.

Оставлено без всякой стилистической пометы слово *татьянка* со значением «женское платье с облегающим грудь лифом и сосборенной широкой юбкой» (т. 15, стлб. 142). Пример — из «Двух капитанов» Каверина (III, 2), несколько каламбурный: «Она была совершенно непохожа на пушкинскую Татьяну, разве только своей татьянкой, да локонами до плеч».

Едва ли может быть признано нейтральным в плане современного литературного языка слово *твердосердый* (имеющий твердое, жестокое сердце), не имеющее никакой стилистической пометы и иллюстрируемое лишь одной цитатой из «Двойника» Достоевского: «Твердосердый советник в парике очутился бок о бок с господином Голядкиным» (см. т. 15, стлб. 158). Подобных примеров стилистического недоразумения и недоумения — не сотни, а тысячи.

Как мало и слабо отражаются в нашем Словаре историко-стилистические изменения в судьбах слов, можно видеть на анализе слов *шикарный* и *шикозный*. Оба признаны разговорными и семантически отождествлены. Все различие между ними сведено к лексикографической справке, из которой явствует, что *шикарный* (от франц. *chicard*) внесено в начале XX в. (1903) Бодуэном де Куртенэ в третье издание словаря Даля, а *шикозный* впервые отмечено в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова в 1940 г. Литературные примеры на слово *шикарный* приводятся из сочинений Чехова, А. Н. Толстого, из «Накануне» Тургенева, из «Ямы» Куприна, из «Жизни Клима Самгина» Горького, из советской литературы. Слово *шикозный* иллюстрируется цитатами из «Масонов» Писемского, из произведений Боборыкина (повести «Изменник» и романа «Василий Теркин») и из чеховской «Пьесы без названия». Что можно отсюда заключить? Что эти слова — синонимы, и их появление в русском литературном языке разделено очень небольшим промежутком времени. Между тем с нормативно-стилистической точки зрения разница между ними очень большая. Если слова *шикарный*, *шикарно* в современной литературной речи еще употребляются с разными экспрессивными оттенками иронии, мещанского восторга и т. п., то слова *шикозный*, *шикозно* могут считаться почти вымершими. Да

и прежде на них лежал явный отпечаток безвкусно-буржуазной претенциозности или провинциально-мещанской манерности. Об этом отчасти говорят две приводимые в Словаре цитаты из сочинений Боборыкина. Из повести «Изменник»:

«— Ты должен очень много проживать с такой шикозной обстановкой. Слово „шикозная" задело его почти болезненно. Он перебил Нату и вполголоса сказал ей: — Брось, пожалуйста, это слово ...Оно дурного тона». Из романа «Василий Теркин» (III, 1): «Этот Первач — красив... Одевается „шикозно". Это слово „шикозно", как и много других, она вывезла из губернского института» (т. 17, 1965, стлб. 1394).

Но особенно важно не помещенное в Словаре продолжение цитаты из повести Боборыкина «Изменник» — разговор «аристократа и эстетика» Симцова с дочерью курсисткой протекает так:

«Брось, пожалуйста, это слово».

«Какое?»

«Шикозный!»

«Почему? — спросила Ната, просто, не обидевшись.

«Оно дурного тона. Отзывается армейским офицером».

По меньшей мере странной должна быть признана стилистическая помета при словах *водомет*, *водометный*: «устарелые (в стилизованной речи)». Иллюстрации взяты из стихотворений Фета, Вяземского и Державина. Историко-лексикографическая справка отсылает к словарям Нордстета 1780 г., Петра Соколова 1834 г. и Даля (см. т. 2, 1951, стлб. 512). Между тем, слово *водомет* имело сложную историю в русском литературном языке XVIII и XIX вв. Вот некоторые линии этой истории.

Слово *водомет* теперь кажется нам поэтическим архаизмом. Как славянорусский синоним слова *фонтан* оно часто представляется изобретением славянофилов шишковской школы, выставленным ими впротивовес заимствованному слову *фонтан*. На такую мысль наводят слова А. С. Пушкина в письме к брату: «На каком основании начал свои действия Дедушка Шишков (как новый министр народного просвещения.— *В. В.*)? Не запретил ли он „Бахчисарайский фонтан" из уважения к святыне Академического словаря и неблазно составленному слову водомет?». Дело в том, что Пушкин как в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца», так и в поэме «Бахчисарайский фонтан» предпочел европеизм *фонтан* искусственно-книжному славянскому синониму *водомет*. В. П. Горчаков в своем дневнике записал о «Фонтане Бахчисарайского дворца»: «Прочитав мне это стихотворение, Пушкин заметил, что, несмотря на усилие некоторых заменить все иностранные слова русскими, он никак не хотел назвать фонтан водометом, как никогда не назовет бильярда — шарокатом» [31]. Однако уже ссылка Пушкина на Академический словарь, т. е. на «Словарь Академии Российской», показывает, что слово *водомет* является более древним славяно-русским образованием. Слово *водомет* уже включено в первую редакцию «Словаря Академии Российской» XVIII в.

В журнале «Трутень» (1769 г., лист VII, июня 9 дня) читаем: «Там нет огромной музыки; но вместо оной пользуются поселяне приятным пением птиц; нет там великолепных садов, украшенных статуями, водометами; но вместо оных прекрасные рощи, зеленые луга...» [32].

Таким образом, слово *водомет* в середине XVIII в. уже было широко распространено. Оно встречается в стихотворном языке Державина (как позднее и Тютчева).

---

[31] «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников», ред. С. Я. Гессена, Л., 1936, стр. 151.

[32] «Русские сатирические журналы XVIII в.», М., 1940, стр. 97.

Например, у Державина:

Где встречу водомет шумит лучей дождем
(Евгеник, II, 408, 44)

Дуб вспыхнул, холм стал водометом,
И капли радугой блестят.
(Гром, II, 377, 2)

Ср. К Каллиопе, I, 360, 8; Царь-девица, III, 125, 15.
Ср.

Луч шумящий, водометный,
Свыше сыплюща роса!
(Водомет, II, 457, с. 1).

Слово *водомет* употребляется даже в эпистолярном стиле первой трети XIX в.

Например, в письме А. Ф. Воейкова к Ф. Н. Глинке (от 4 VII 1824): «...очаровательные царскосельские сады, где

прохлада и нега
и ропот у брега

водометов, водоскатов, речек и ручейков ждет вас?» [33].

Слово *водомет* рассматривается как привычный термин и «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г. Любопытно здесь указание на профессиональное название *водометная трубка* [34]. Однако в ту эпоху слово *водомет* в основном не выходило за пределы стилей художественной литературы и книжно-технических выражений. Оно носило отпечаток поэтического своеобразия или книжной искусственности.

В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (т. I, стр. 220—221) дополнил и умножил группу слов, связанную со словом *водомет*, своим собственным творчеством: «Водомет, м. водобой, фонтан. Водометная струя. Водометчик, водометный мастер, строитель. Водометь ж. водопадь, падение воды на мельничное колесо».

Я. К. Грот в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Академии наук» (т. I, СПб., 1895, стлб. 458) поместил слово *водомет* («Струя воды, бьющая вверх из земли помощию искусственного сооружения; фонтан») без всяких стилистических помет и ограничений.

Но употребление этого слова иллюстрируется лишь примерами из сочинений Державина: «Ревущий водомет утих» (К Каллиопе, 507, 8) и В. Ф. Одоевского: «Лучи заходящего солнца огненным водометом лились на образ покровительницы гармонии».

В «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стлб. 327) слово *водомет* признано поэтическим устарелым выражением. Его употребление иллюстрируется цитатой из Баратынского:

Везде дворцы, театры, водометы.

Можно сказать, что слово *водомет* и теперь еще остается в архивном фонде русского литературного языка как поэтическое выражение (ср. в стихотворном языке начала XIX в. о шампанском: «искрометная влага»; ср. совр. «миномет»).

---

[33] «Русская Старина», год XXXIX, 1908, январь, стр. 233.
[34] «Словарь церковно-славянского и русского языка...». I, 2-е изд., СПб., 1867, стлб. 288.

Таким образом, семнадцатитомный Словарь русского литературного языка очень мало приблизился к разрешению задач нормативно-стилистического словаря современного русского языка. Здесь его значение состоит лишь в убедительном обосновании ставшей теперь бесспорной истины, что в истории русского литературного языка от Пушкина до наших дней сменилось несколько (по крайней мере, т р и) лексико-стилистических систем и соответствующих им литературно-языковых норм. Но во всяком случае ценность подбора новых, иногда ярких и очень выразительных иллюстраций из произведений русской литературы XIX—XX вв.— художественной, критико-публицистической и научной, в семнадцатитомном Словаре неоспорима. Внесены во многих случаях полезные усовершенствования в структуру семантической статьи о слове — как в общую систему размещения основных значений (с отнесением на конец устарелых, специальных, просторечных и т. п.), так и в расположение фразеологических сочетаний и терминологических выражений внутри одного и того же значения.

Однако нет смысла широко обсуждать в связи с этим словарем вопрос о принципах — старых и новых — истолкования значения слова, потому что в этой семантической сфере пока, кроме некоторых отдельных досужих, а в некоторых случаях и свежих мыслей у нас пока еще ничего существенного и всесторонне признанного, очень убедительного не сделано.

7

Семнадцатитомный академический Словарь современного русского литературного языка не оформился в особый самостоятельный тип словаря, но он обогатил многими ценными материалами и способами его истолкования как практику и теорию русской лексикографии, так и вообще науку о русском литературном языке, о культуре русской речи [35].

Семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка выдвинул перед нами новые задачи — создание исторических и нормативно-стилистических словарей. Он выделил много частных проблем, относящихся к этой сфере (например, о связи и соотношении этимологии, лексикологии и семасиологии, о положении лексики в ряду других сторон и сочленений структуры языка, об устойчивых и подвижных элементах в лексическом составе языка, о структурных качествах нормы и путях ее изменений и т. п.). Этот Словарь подготовил некоторую базу для широкого изучения истории лексико-фразеологических связей и сочетаний слов, законов лексико-синтаксической сочетаемости слов в новую эпоху развития русского литературного языка.

Словом, он дает богатую пищу для размышлений, исследований и исканий всем филологам, особенно русистам, и тем самым доставляет много наслаждения всем любителям русского языка, русского слова.

В заключение мне хочется напомнить одно письмо моего покойного друга — сербского профессора Радована Кошутича, обращенное к нашему общему великому учителю акад. А. А. Шахматову, письмо важное потому, что оно дает возможность ясно понять, как за 50—55 лет мы далеко ушли в понимании сложности, ценности и огромной научно-практической, а также теоретической значимости задач и целей изучения современного русского языка.

---

[35] См. также: Е. А. З е м с к а я, О состоянии работы над четырнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка», ВЯ, 1956, 5; И. И. К о в т у н о в а, Обсуждение IV тома «Словаря современного русского литературного языка», там же; Е. А. З е м с к а я, И. И. К о в т у н о в а, [рец. на кн.:] «Словарь современного русского литературного языка», т. V, VI, ВЯ, 1958, 2.

Проф. Р. И. Кошутич, подготовив свою знаменитую «Русскую хрестоматию для сербов» [36], писал о ней акад А. А. Шахматову 1 (14) октября 1910 г. из Белграда: «Когда на досуге прочтете предисловие и рассмотрите весь этот труд, Вы убедитесь, что Ваша помощь не пропала даром, что в славянскую науку вошло сочинение совершенно новое: получились первые современные славянские тексты в научной обработке. В русскую лексикографию и в комментарии я внес массу нового; ударение в предложении здесь в первый раз разработано и выставлены его законы; отношение книжного языка к разговорной живой речи образованных русских людей здесь впервые затронуто и проведено; в методическом отношении здесь первый раз указан путь, как надо обрабатывать новые славянские тексты, и этот метод проведен до подробностей и до тонкостей, о которых никому из славянских ученых и во сне не снилось. Но беда в том, что это все современность. Если бы я восемь лет работы посвятил старым текстам и выпустил три тома в подобной обработке, все бы нашли, что это вклад в науку, потому что за такими трудами привыкли признавать научное значение, а так как я занялся новыми текстами, языком Пушкина, Лермонтова и других великих русских писателей, для обработки которых понадобилось знания десять раз больше, чем для старых текстов, но за которыми (вследствие того, что их до сих пор совсем не было) не упрочилось научного значения, то я буду и дальше сидеть на доцентуре и не подвинусь вперед. [...] И мне придется ждать, пока кто-нибудь из ученых не рассмотрит основательно этот мой труд и не скажет своего веского слова о его значении. Эта санкция со стороны людей науки или какого-нибудь ученого общества непременно нужна моей работе, как нужна всему новому в науке, а я смело утверждаю, что то, что я сделал, является чем-то совершенно новым, из ряду вон выходящим» [37].

[36] Р а д. К о ш у т и ћ, Примери књижевнога језика русског. I — Текстови, II — Напомене, III — Речник, Београд, 1910.

[37] «Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)», под ред. Б. Д. Грекова, М.— Л., 1948, стр. 304—305.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. В. ИСАЧЕНКО

О ГРАММАТИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ СЛОВ

0. В настоящей статье мы исходим из гипотезы, что в каждом языке существует оптимальное расположение элементов предложения на временной оси. При порождении абстрактной схемы предложения этот оптимальный словопорядок обязательно соблюдается. Назовем такой словопорядок внеконтекстовым, или грáмматическим (в отличие от словорасположения, обусловленного контекстом в самом широком смысле). Грамматический порядок слов может быть в ряде случаев объективно восстановлен на основании поведения членов предложения при разного рода синтаксических трансформациях. В статье обсуждаются некоторые случаи восстановления грамматического порядка слов на материале современного русского литературного языка.

1. Современная лингвистическая теория проводит строгую грань между так называемой поверхностной структурой, т. е. отрезком текста, поддающимся непосредственному наблюдению, и так называемой глубинной структурой, лежащей в основе данного отрезка текста. Задача лингвиста состоит в раскрытии глубинной структуры на основании анализа поверхностной структуры [1].

Традиционная лингвистика, а также некоторые направления современного структурализма довольствуются обследованием поверхностных структур, представленных в текстах (ср. дистрибутивный анализ). В синтаксисе такой подход неизбежно приводит к ряду непреодолимых противоречий. Само понятие «предложение» не может быть формально определено путем анализа поверхностных отношений. Изучение текста (или, если угодно, «сообщения», или parole) далеко не всегда позволяет вскрыть синтаксические отношения, имеющиеся в самой системе (или в «коде», или в langue). В частности, многие отрезки текста, отождествляемые на основании внешних признаков с предложением, оказываются продуктом синтаксического объединения двух или нескольких элементарных предложений. Приведем пример.

Употребление возвратного местоимения *себя, себе, собой* регулируется в русском языке известным правилом, согласно которому всякое дополнение обязательно заменяется возвратным местоимением, если референт дополнения и подлежащее того же предложения идентичны. Поэтому в русском языке предложения типа **Я увидел меня в зеркале*, **Я заставил меня сосредоточиться*, **Ты доволен тобой* — неграмматичны. В ряде случаев это правило явно нарушается. В предложении *Мне необходимо достать себе билет* подлежащего (т. е. имени в им. падеже) нет, но тем не менее употребляется форма возвратного местоимения. В то же время

[1] Ср.: N. Chomsky, Aspects of the theory of syntax, Cambridge (Mass.), 1965, стр. 16—18, 64 и сл., 128 и сл.

применение указанного правила приводит в ряде случаев к неграмматическим конструкциям, например:

(1) **Я вернул взятую собою из библиотеки книгу.*

В данном предложении референт подлежащего и лицо, взявшее книгу, тождественны; тем не менее употребление возвратного местоимения здесь немыслимо.

Правило об обязательном употреблении возвратных местоимений нарушается, видимо, и в таких предложениях:

(2) *Я велел секретарю принести м н е подписанное м н о ю письмо.*

С другой стороны, в предложении:

(3) *Я посоветовал сыну купить с е б е велосипед*

правило об употреблении возвратных местоимений не нарушено: без всякой натяжки местоимение *себе* в данном случае интерпретируется как относящееся к слову *сын*, а не к подлежащему предложения. Противоречивость приведенного правила объясняется недостаточной четкостью традиционного определения самого понятия «предложение», рассматриваемого в сущности как отрезок текста, расположенный «между двумя точками».

2.0. Бесспорным достижением генеративного подхода к синтаксису является (само по себе не новое) учение о вклинении (embedding) одного предложения в другое, синтаксическое объединение двух или нескольких предложений в поверхностной структуре отрезка текста [2]. Нетрудно показать, что предложение (1) может быть истолковано как результат синтаксического скрещения двух элементарных предложений:

рамочное предложение (РП): *Я вернул* (Attr.) *книгу*
составляющее предложение (СП): *Книга взята мною из библиотеки* [3].

Очевидно, что правило об обязательном употреблении возвратных местоимений применяется лишь в пределах одного элементарного предложения. После вклинения СП в РП данное правило больше не применяется. В результате получается правильная форма: (1а) *Я вернул взятую м н о ю из библиотеки книгу.*

Предложение (2) может быть объяснено как результат скрещения трех элементарных предложений:

I РП: *Я велел секретарю* (Infinitiv)
СП: *Принеси мне* (Attr.) *письмо*
II РП: *Принеси мне* (Attr.) *письмо*
СП: *Письмо подписано мною.*

Такое толкование не только не противоречит языковому чутью, но позволяет устранить целый ряд противоречий, неизбежных при традиционном подходе к понятию «предложение».

2.1. К числу тех свойств составляющего предложения, которые при включении в рамочное предложение не подлежат изменению, относится,

[2] См.: А. В. И с а ч е н к о, Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных, «Исследования по структурной типологии», М., 1963, стр. 68 и сл

[3] Техническая сторона операции вклинения сводится к следующему: элементы рамочного предложения, повторяющегося в составляющем предложении и относящиеся к одному референту, элиминируются (в данном случае элемент *книга* элиминируется в СП). Оставшаяся конструкция подвергается морфологическому преобразованию (в данном случае предикативная форма переводится в атрибутивную форму) и согласуется с определяемым именем в падеже. Оставшиеся в СП элементы вставляются без изменения в предусмотренное структурой рамочного предложения «пустое» место.

по-видимому, и порядок слов. Изучая словопорядок тех отрезков наблюдаемого нами текста, которые могут быть интерпретированы как вклинения в рамочную конструкцию, можно в ряде случаев эмпирически установить последовательность элементов русского предложения в его абстрактной, т. е. не зависящей от контекста форме.

Вопросу о порядке слов в русском языке посвящено немало специальных исследований [4]; обычно отдельные вопросы словопорядка трактуются на основании наблюдения текста, т. е. на основании изучения поверхностных явлений. Такой подход позволяет установить вероятностные отношения линейного расположения элементов предложения в языке известного автора, в том или ином языковом стиле, дает представление о типах возможных пермутаций. Все это очень важно для создания общей теории текста. Ведь словопорядок предложения, попавшего в текст, обусловлен не только грамматической структурой данного предложения; в значительной мере он зависит от семантических и синтаксических свойств предшествующих предложений, в том числе и от их словопорядка. Создается заколдованный круг. Учение о так называемом «актуальном членении предложения», выделение «нового» и «данного» в предложении всецело относится к синтаксису текста[5]. Но для того чтобы формулировать правила, обеспечивающие обязательные или факультативные пермутации в определенных контекстах, необходимо знать исходную структуру предложения, в которой был бы представлен «первичный» порядок слов вне зависимости от контекста.

Судя по поверхностным структурам, словопорядок в русском языке безусловно «свободный» в том смысле, что число возможных пермутаций элементов предложения очень значительно. Между тем с точки зрения общей теории синтаксиса не только позволительно, но и необходимо допустить, что в каждом языке, в том числе и в русском, имеются правила, строго регулирующие словопорядок в абстрактной схеме предложения, взятого изолированно, вне всякого контекста. Такое предположение является теоретической необходимостью, поскольку языковые структуры, сами по себе не являющиеся линейными, манифестируются в речевом сигнале (в «тексте») только как линейные последовательности элементов. Одна из возможных последовательностей будет в каждом языке в каком-то смысле оптимальной. Назовем такое оптимальное размещение элементов на временной оси грамматическим порядком слов.

Грамматический порядок слов не следует смешивать с тем, что в традиционной грамматике называется «нормальным», «естественным», «обычным» или «первичным» порядком слов. Грамматический порядок слов может быть даже фиктивным, т. е. таким, который не встречается в тексте [6]. Установление грамматического порядка слов необходимо для каждого языка, поскольку все синтаксические правила неизбежно должны учитывать линейность размещения структурных элементов. Пермутационные

---

[4] Богатый список литературы по этому вопросу имеется в книге: О. Б. Сиротинина, Порядок слов в русском языке, Саратов, 1965. См. также: И. А. Мельчук, Порядок слов при автоматическом синтезе русского текста, «Научно-техническая информация», 1965, 12; в этой интересной статье особо обследуется порядок элементов номинальной группы и приводится литература, связанная с проблематикой порядка слов для машинного перевода.

[5] Ср. из новейших работ: P. Adamec, Pořádek slov v ruštině (в печати).

[6] Ж. Фурке постулирует для немецкого языка обязательное конечное помещение глагола. В главных предложениях глагол в немецком языке, как известно, не стоит на последнем месте в предложении. Зато в придаточных предложениях глагол ставится в немецком языке на последнее место. Таким образом, исходной структурой является для немецкого языка структура не главного, а придаточного предложения. См.: J. Fourquet, La construction de la phrase allemande, Paris, 1959.

правила вступают в силу лишь после «пересадки» изолированного предложения в текст (или контекст).

3. В русском языке грамматический порядок слов не является фиктивным. Мы хотим показать, что в ряде случаев грамматический порядок слов может быть объективно установлен на основании синтаксических структур, вошедших в качестве составляющих элементов в рамочное предложение. Приведем пример. Поверхностная структура следующих предложений отличается только словопорядком:

(4) *Он купил мне нужную книгу*
(5) *Он купил нужную мне книгу.*

В семантическом отношении предложения (4) и (5) явно не синонимичны. Нетрудно показать, что не идентична и глубинная структура приведенных предложений. При замене в (4) местоимения *он* местоимением *я* получим (4a) *Я купил себе нужную книгу*. Замена местоимения *он* местоимением *я* в (5) приводит, однако, не к предложению (5a)* *Я купил нужную себе книгу*, а к предложению (5b) *Я купил нужную мне книгу*. Отметим, что вполне грамматичным является предложение (5c) *Я купил себе нужную мне книгу*, но не (5d) * *Я купил себе нужную себе книгу*.

Разница между предложениями (4) и (5) сводится к разнице в их глубинной структуре. Предложение (4) является элементарным предложением со структурой С — П — $Д_3$ — $Д_4^?$. Предложение (5) не является элементарным предложением, а восходит к синтаксическому скрещению двух элементарных предложений:

РП: *Я купил* (Attr) *книгу* (С — П — $Д_4$)
СП: *Книга нужна мне* (С — П — $Д_3$).

Словопорядок составляющего предложения (*Книга нужна мне*) может показаться «непривычным». Гораздо более «нормальным» будет, очевидно, словопорядок *Мне нужна книга* или *Книга мне нужна*. Попробуем подставить в качестве составляющего предложения оба последних варианта:

РП: *Я купил* (Attr.) *книгу*
СП: *Мне нужна книга*
Книга мне нужна.

В обоих случаях результатом скрещения будет предложение **Я купил мне нужную книгу*, т. е. предложение неграмматичное. Наиболее простым и наиболее естественным объяснением фактического словопорядка предложения (5) является предположение, что порядок слов составляющего предложения дан схемой С — П — $Д_3$. При пересадке в рамочную конструкцию словопорядок составляющего предложения как бы «замораживается». Это и не удивительно: ведь при операции вклинения составляющее предложение берется не из какого-либо контекста, а прямо из «грамматики». Поэтому можно считать, что в предложении *Я купил себе* [*нужную мне*] *книгу* словопорядок поставленного в скобки отрезка текста является показательным для порядка слов предложения, лежащего в основе данного отрезка.

4.0. При изучении порядка слов в предложении следует исходить из структуры непосредственно составляющих и рассматривать всегда лишь размещение одного НС по отношению к другому. Отношение, существующее между двумя НС, не будет в линейном плане всегда отношением после-

[7] В статье применяются следующие условные обозначения: П — подлежащее, С — сказуемое, Д — дополнение, $Д_3$ — дополнение в дат. падеже, $Д_4$ — дополнение в вин. падеже, $Д_5$ — дополнение в твор. падеже, О — обстоятельство, $О_{\text{напр}}$ — обстоятельство направления.

довательности. Запись $A + B$ будет обозначать, что B следует за A. Отношение последовательности транзитивно: если $A + B$ и $B + C$, то и $A + C$.

4.1. В отношении главных членов предложения — подлежащего и сказуемого — такой анализ нами отчасти проведен в другой статье: установлено, что в русском языке грамматическим является такой порядок слов, в котором сказуемое следует за подлежащим [8]. Именно такой словопорядок (П + С) признается всеми исследователями «прямым». Во-первых, в русском языке есть случаи, в которых словопорядок П + С обязателен: инверсия превращает подлежащее в сказуемое, а сказуемое — в подлежащее, ср. *Козлов — его заместитель* и *Его заместитель — Козлов*. Во-вторых, порядок П + С следует признать грамматическим и в таких предложениях, как *Книга мне нужна* (а предложение *Мне нужна книга* считать контекстовым вариантом) (см. об этом выше). В-третьих, предложение типа *У меня есть деньги* следует рассматривать как контекстовый вариант предложения с грамматическим порядком П + С, т. е. *Деньги есть у меня* [9].

4.2. Вопрос отображения линейных отношений в порождающей модели языка был поднят в содержательной статье Д. С. Уорта, который полагает, что систему правил непосредственно составляющих порождающей грамматики следует разбить на два цикла: первый цикл содержит только правила, определяющие состав самой структуры конструкции; функцией второго цикла является линейное упорядочивание нелинейных сочетаний НС [10]. Далее Д. С. Уорт высказывает предположение, что словопорядок зависит от выбора тех или иных лексических элементов (*Армия наступает*, но *Наступает лето*). Представляется, что плодотворную мысль о наличии нескольких циклов придется расширить: циклов правил в порождающей модели гораздо больше.

Трансформация любого исходного предложения сводится к следующим циклам операций: 1) морфологическое преобразование соответствующих элементов исходного предложения; 2) восстановление грамматического словопорядка. Проиллюстрируем эту мысль на примере элементарной пассивной трансформации.

Исходной конструкцией пассивной трансформации является активное предложение, члены которого расположены в соответствии с грамматическими правилами в таком порядке: П + С + $Д_4$ (например, *Сотрудники выполняют работу*).

Первым циклом трансформации является морфологическое преобразование всех членов активного предложения с сохранением исходного словопорядка: *Сотрудниками выполняется работа*. Лишь во втором цикле вступают в силу перестановочные правила.

Обычно перестановки в трансформациях трактуются комплексно; слова исходной конструкции нумеруются, и перестановка их записывается в виде единовременной операции:

1 2 3 → 3 2 1

Сотрудники выполняют работу → Работа выполняется сотрудниками.

---

[8] См.: А. В. Исаченко, Фразовое ударение и порядок слов, «Сборник в честь Р. О. Якобсона» (в печати), где обследован порядок слов только в так называемых двусоставных предложениях с глагольным сказуемым.

[9] Именно такой порядок слов лежит в основе причастных конструкций типа *Он истратил все бывшие у него деньги* (при * *все у него бывшие деньги*). Отсюда можно сделать заключение, что лежащее в основе причастной конструкции предложение имеет такой словопорядок: *деньги у него были* (а не *у него были деньги*).

[10] См.: Д. С. Уорт, Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка, ВЯ, 1964, 5, стр. 52—53.

На самом деле здесь следует различать две пермутации: (а) постановка подлежащего на первое место (*Работа | сотрудниками выполняется*) и (б) пермутация внутри сказуемостного состава. Глагол (Г) предшествует дополнению в твор. падеже ($Д_5$). Результатом применения пермутационных правил является предложение *Работа выполняется сотрудниками* (П + + С + $Д_5$). Мы утверждаем, что именно такой словопорядок является грамматическим в пассивных предложениях.

4.3. В тексте часто встречаются пассивные предложения с другим словопорядком, например:

(6) *Сотрудниками (института) выполняется (ответственная) работа.*

Нетрудно показать, что такой словопорядок не может быть признан грамматическим в нашем понимании этого термина.

Будем считать, что предложение (7) *Работа имеет государственное значение* является рамочной конструкцией, в которую вклинивается причастный оборот, являющийся трансформом предложения (6):

(7) РП: *Работа имеет государственное значение*
(6) СП: *Сотрудниками выполняется (ответственная) работа.*

Результатом скрещения этих двух предложений будет:

(8) **Работа, сотрудниками выполняемая, имеет государственное значение* или
(8′) **Сотрудниками выполняемая работа имеет государственное значение.*

Вряд ли порядок слов в (8) или (8′) можно признать в полной мере грамматичным [11]. В языке публицистики или в научном языке такой порядок слов во всяком случае не встречается. Зато массово представлен иной порядок слов:

(9) *Работа, [выполняемая сотрудниками], имеет государственное значение* или
(9′) *[Выполняемая сотрудниками] работа имеет государственное значение.*

В отрезке текста, взятого в скобки, консервируется грамматический словопорядок пассивного предложения, в котором глагол предшествует дополнению (*Работа [выполняется сотрудниками]* — П + $(Г + Д)_5$).

Тот же порядок сохраняется при номинализации. Если номинализовать предложение (6), то получится не соответствующая правилам русского синтаксиса конструкция:

(6′) **Сотрудниками выполнение работы (оказалось неудовлетворительным).*

Грамматичным будут в русском языке следующие два варианта

(6″) *Выполнение работы сотрудниками...* или
(6‴) *Выполнение сотрудниками работы...*

В обоих случаях Г (или его номинализованный эквивалент) предшествуют $Д_5$. Следовательно, трансформация номинализации исходит не из цепочки с любым порядком слов, а только из цепочки с грамматическим словопорядком Г + $Д_5$.

4.4. В абстрактной схеме предложения порядок элементов сказуемостного состава определяется правилом, согласно которому дополнение следует за глагольным (и любым другим) сказуемым (Г + Д). В отношении прямого дополнения ($Д_4$) это можно показать на примере причастных и деепричастных оборотов. Причастные и деепричастные обороты являются трансформами соответствующих предложений с личной формой гла-

[11] Такой порядок слов встречается лишь в том случае, если в качестве $Д_5$ стоит личное, анафорическое или отрицательное местоимение типа: *работа нами (им самим, никем не) выполняемая*. Ср. *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.*

гола и вклиниваются в качестве определения или обстоятельства в другое, рамочное предложение. Сравним словопорядок в составляющем предложении и порядок слов соответствующих причастных и деепричастных конструкций.

(10 a) РП: *Пассажир успокоился*
(10 b) СП: *Пассажир купил билет.*

После вклинения СП в РП получаем следующие типы предложений:

(11) *Купив билет, пассажир успокоился*
(12) *Пассажир, купивший билет, успокоился*
(13) *Купивший билет пассажир успокоился.*

В тексте, однако, можно встретить предложения, в которых прямое дополнение стоит перед глаголом: *Билет пассажир купил* (*но забыл взять плацкарту*); *Пассажир билéт купил* (*а не плацкарту*) и т. п. Если вклинить причастные или деепричастные трансформы приведенных предложений в рамочную конструкцию, то получатся предложения, не соответствующие правилам русского синтаксиса:

(11′) **Билет купив, пассажир успокоился*
(12′) **Пассажир, билет купивший, успокоился*
(13′) **Билет купивший пассажир успокоился.*

Из сказанного ясно, что правильный порядок слов трансформа обеспечен лишь в том случае, если исходной конструкцией трансформации является предложение с твердо установленным, т. е. грамматическим порядком слов.

4.5. Покажем на примере обстоятельства направления, как грамматика определяет расположение этого члена относительно глагольного сказуемого.

В любом повествовании можно встретить предложение такого типа:

(14) *В комнату вбежал Сережа.*

Если подвергнуть (14) причастной или деепричастной трансформации и вклинить трансформы в рамочную конструкцию *Сережа ахнул*, то получатся явно неприемлемые конструкции:

(15) **В комнату вбежав, Сережа ахнул*
(15′) **Сережа, в комнату вбежавший, ахнул*
(15″) **В комнату вбежавший Сережа ахнул.*

Следовательно, предложение (14) имеет такой словопорядок, который не может лечь в основу упомянутых типов трансформаций.

Единственно приемлемы предложения с таким словопорядком:

(16) *Вбежав в комнату, Сережа ахнул*
(16′) *Сережа, вбежавший в комнату, ахнул*
(16″) *Вбежавший в комнату Сережа ахнул.*

Из этого следует, что правилами русского синтаксиса определяется и расположение обстоятельства направления: оно стоит после глагола ($Г + О_{напр}$). Значит, (14) является уже пермутированным предложением; грамматический порядок слов будет $П + (Г + О_{напр})$: *Сережа вбежал в комнату*.

4.6. Прямое, как и косвенное, дополнение стоит в русском языке после глагола. Их взаимное расположение, однако, не регулируется строгими грамматическими правилами. Последовательность $Д_4 + Д_3$ или же $Д_3 + Д_4$ зависит от контекста. Если существительное, стоящее в предло-

жении в функции прямого дополнения, было упомянуто ранее (в контексте «слева»), то имеем словопорядок $Д_4 + Д_3$: (*Сережа принес письмо.*) *Он передал письмо* (= *его*) *брату*. Если же в контексте слева было упомянуто существительное, стоящее в данном предложении в функции косвенного дополнения, то прямое дополнение ставится на второе место: (*Сережа был у брата.*) *Он передал брату* (= *ему*) *письмо*[12]. Для словопорядка в трансформациях эта относительная свобода не имеет значения, так как ни в одной конструкции, кроме конструкции с личным глаголом, прямое и косвенное дополнения не могут встречаться одновременно.

Отметим, что некоторые разряды местоимений (личные, анафорические, отрицательные типа *никто*), выступая в функции дополнений, могут стоять и перед глаголом, и после него. *Он знает меня — Он меня знает.* При наличии двух дополнений, представленных местоимениями указанного типа, возможны самые разнообразные комбинации: *Я дал вам его*; *Я дал его вам*; *Я вам его дал*; *Я его вам дал*; *Я вам дал его* и т. д. Поведение энклитик и их расположение в предложении русского языка очень слабо изучено. При формулировке перматуционных правил необходимо считаться с оптимальным размещением энклитик в предложении. Такое оптимальное размещение энклитик может быть установлено путем глубинного анализа отрезков текста. В отношении размещения энклитик на временной оси русский язык резко отличается от чешского или сербскохорватского языков, в которых положение энклитик регулируется строгими правилами. Русскому предложению *Он мне его дал* (*Он дал мне его*) соответствует в чешском языке конструкция с твердым порядком элементов $Д_3 — Д_4$: *Dal mi ho* / *Dal mi je* (при невозможности сказать **Dal ho mi*), в сербскохорватском *Dao mi je ga* (при невозможности **Dao ga je mi*, **Dao ga mi je* **Dao je mi ga*). В чешском языке форма местоименного (неэнклитического) твор. падежа обязательно стоит после энклитического вин. падежа *Strašil ho jím* «он его им пугал». Из размещения энклитик при форме 3-го лица ед. числа (немаркированная форма глагола) можно сделать определенные выводы об оптимальном (т. е. грамматическом) порядке членов в предложении в этих языках.

5. Мы коснулись лишь некоторых, наиболее очевидных вопросов грамматического порядка слов. Результаты нашего исследования в основном совпадают с мнением большинства русских грамматистов, интуитивно считавших словопорядок, рассматриваемый нами как грамматический, «прямым» порядком слов, а нарушение этого словопорядка — инверсией. Однако такого рода интуиция нуждается в теоретическом обосновании.

Наблюдения показали, что в ряде случаев можно, исходя из глубинного анализа текста, восстановить линейные отношения в абстрактной схеме предложения; в частности, при трансформациях определенного типа эти линейные отношения не подвергаются изменению.

---

[12] При наличии двух дополнений в немецком предложении детерминированное дополнение стоит на первом месте: *Ich schickte dem* (*meinem*, *diesem*) *Freund ein Buch* ($Д_3$—$Д_4$), но *Ich schickte das* (*mein*, *dieses*) *Buch einem Freund* ($Д_4 — Д_3$).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

М. М. МАКОВСКИЙ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

(На материале германских языков)

1. Установление генетического тождества или различия слов, которые в пределах близко- или неблизкородственных языков внешне выступают (синхронно и/или диахронически) как фонологически и семантически сходные (т. е. соответственно — их идентификация или неидентификация), является необходимым условием для решения целого ряда центральных лингвистических проблем (ареальный, топонимический и сравнительно-исторический анализ, выделение реликтов и инноваций и др.[1]). К сожалению, в связи с широким распространением в науке традиционной концепции «несистемного» характера лексики, идентификация слов в реальной лингвистической практике часто страдает от слишком атомарного, разобщенного анализа лексических элементов того или иного языка. Именно благодаря такому подходу к лексике наряду со здравыми и вполне возможными словарными сближениями (обычно они устанавливаются интуитивно) нередко появляются совершенно фантастические решения этимологических проблем. Именно атомарный подход к лексике во многих случаях не дает возможности убедиться в наличии или отсутствии процессов, затемняющих генетические связи слов: контаминации, народной этимологии, аналогических изменений и особенно фоно-морфологической вариативности [2]. Необходимо учитывать, что часть фонетических вариантов в процессе развития языка может утрачиваться, причем если такие утраченные варианты остаются незафиксированными в письменных памятниках (или фиксируется только определенная часть этих вариантов в одном из изучаемых языков), то это может повести к разного рода недоразумениям и неверным выводам в отношении этимологических связей рассматриваемых слов с другими наличными элементами словаря. Произвольности при идентификации лексем в немалой степени способствует и подмена лингвистических связей логическими, а также чрезмерная фетишизация звуковых соответствий и «законов».

---

[1] Ср.: Э. А. Макаев, Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, ВЯ, 1965, 4, стр. 15.

[2] Ср. некоторые примеры фоно-морфологической вариативности, важные для этимологии: др.-англ. *eoh* «конь» (лат. *equus*), но совр. сев.-англ. *wig*, др.-англ. *wicg*, швейц. диалектн. *Bigger* «kleines Pferd», *Nägg* «старая лошадь», англ. *nag* «кляча»; швейц. *Budel* «Magen» (ср. лат. *botulus*), но *Gudel* — то же, *Chuttel* «Gedärme»; др.-англ. *bleo* «color, shape», но швабск. *Leie* «Gattung; Art und Weise»; швейц. *Ord* «Kot» (ср. франц. *ordure*, итал. *ordo*, лат. *sordes*), но совр. сев.-англ. диалектн. *worthing* «dung», *lorty*; *dirty*, швейц. *larzig* «nachlässig», *schlarzen* «schmieren, sudeln», швейц. *merden* «sudeln»; швейц.-баварск. *Hotte* «творог», но *Schotte* — то же; баварск. *Uesch* «свинья», но *Nuesch* — то же, швабск. *Tauschen* — то же (ср. др.-англ. *fassum* «porcus», русск. *чушка*), рейнск.-нем. диалектн. *Lesch* — то же; швейц. *Ack*, *Akte* «привкус», но *Nakte* — то же, *Takte* — то же (ср. совр. сев.-англ. диалектн. *tack* «flavor»).

В настоящей работе делается попытка структурного подхода к проблеме идентификации лексики и в связи с этим намечаются некоторые общие лексико-семантические закономерности, позволяющие в определенной мере ограничить практику произвольной интерпретации.

2. При рассмотрении семантического развития отдельных лексем мы будем исходить из того, что любая семантема синхронно является лишь отдельным элементом, отдельным звеном строго определенной семантической последовательности (семантического цикла), представленной диахронически. В ходе развития таких последовательностей на смену друг другу приходят специфические для данного семантического цикла семантические инварианты, т. е. его постоянные, обязательные, компоненты (ср., например, известные из различных индоевропейских языков соответствия слов со значением «бить» — «кожа», «сильный ветер» — «слепой») и их варианты, т. е. различные семантические преломления каждого из последних в различных лексических окружениях [3].

Семантический вариант того или иного инварианта в близкородственных языках обычно возникает в виде реакции лексического окружения, в которое входит инвариант, на любые изменения состава этого окружения [4]. Являясь, таким образом, своего рода отмеченными элементами, дифференцирующими сигналами данного окружения, семантические варианты выступают только в различных окружениях данного языка, в то время как инварианты встречаются в различных (сходных и несходных) окружениях различных языков, оставаясь при этом в них неизменными по своему содержанию (сопутствующими показателям варианта могут быть не только семантические сдвиги, но и изменение грамматической характеристики, наличие или отсутствие *s*-mobile и вообще различная аугментация или сегментация слова, изменение огласовки и т. д.). Отметим в связи с этим, что вариант одного окружения не может выступать как инвариант другого; элемент, являющийся вариантом в одном окружении, не может быть вариантом в другом. В отличие от фонемы, которая, как известно, является суммой дифференциальных признаков, семантические инварианты нельзя сводить к сумме вариантов: один и тот же инвариант в разных окружениях может разлагаться на различные варианты.

Будучи качественно уникальным отражением именно данного семантического инварианта именно в данном лексическом окружении определенного языка (одинаковые инварианты в разных окружениях дают разные варианты), семантические варианты являются противоположностью лексико-семантических констант, манифестируемых в самых различных окружениях в близко- и неблизкородственных языках; семантические инварианты, однако, не являются константами, ибо само их появление обусловлено определенным окружением: в данный период развития языка не во всех наборах реализуются одни и те же семантические циклы, причем одни и те же циклы в разных наборах оказываются неодинаково компонентно развернутыми (как количественно в один и тот же отрезок времени, так и по своему качественному составу).

[3] Ср.: O. Lešk a, Zur Invariantenforschung in der Sprachwissenschaft, «Travaux linguistiques de Prague», I, Prague, 1964; C. F. Voegelin, Linguistically marked distinctions in meaning, «Proceedings of the 29 Congress of Americanists», Ann Arbor, 1950; E. A. Nida, Semantic components, «Babel», VIII, 4, 1962; его же, A system for the description of semantic elements, «Word», VII, 1, 1951; W. H. Goodenough, Componential analysis and the study of meaning, «Language», XXXII, 1956. Ср. формулу семантической близости в работе: S. K. Jones, Mechanized semantic classification, сб. «The I International Teddington Conference on machine translation and applied linguistics», Teddington, 1961 (paper 25).

[4] См.: М. М. Маковский. Теория лексической аттракции, ВЯ, 1965, 6. Ср.: E. Preissig, Verschiebungsdynamik im Wortschatz: ein Aussatz zweier Kategorien, Prag, 1938.

В пределах какого-либо лексического набора может манифестироваться один и только один компонент семантического цикла, независимо от того, какие понятия (логически совместимые или несовместимые) выражаются отдельными семантическими компонентами (будь то инварианты или варианты), хотя, разумеется, несколько инвариантов и/или вариантов могут одновременно существовать на синхронном срезе одного языка, входя в различные лексические наборы. Основной принцип существования дискретных лексических наборов состоит именно в том, что каждый из входящих в него элементов допускает только одну семантическую реализацию, обусловленную наличием всей совокупности компонентов данного набора и отличную от других реализаций той же лексемы в наборах другого состава.

Примерами на семантические варианты могут служить специализация или, наоборот, расширение значения того или иного конкретного слова, дающие неодинаковые результаты в разных окружениях: ср. др.-англ. *feorh* «anima», швабск. *Ferch* «Mark, Leib», но совр. баварск.-австр. *Ferch* «понос (у скота); конвульсия» [5]. Показательно смещение грамматического рода слова в баварско-австрийском (со среднего в женский).

При сопоставлении различных (или одинаковых) лексических окружений мы можем столкнуться с разными элементами одинаковых семантических комплексов или с одинаковыми элементами разных семантических последовательностей, а также с вариантами (в том числе более или менее сходными по форме и содержанию) различных инвариантов, которые в своей совокупности нередко могут образовывать мнимые семантические циклы, т. е. циклы, внешне состоящие из семантически связанных элементов, но в действительности включающие слова, генетически не имеющие ничего общего между собой.

3. Основные задачи (и трудности), встающие перед исследователем при решении конкретных этимологических проблем (успех этих решений в большой мере зависит от степени представленности в языке соответствующих лексем и их значений), практически сводятся к следующему [6]: 1) с одной стороны, с максимальным учетом результатов всех объективно данных фонетических процессов и потенциально возможных фонетических вариантов выделить в изучаемых двух (или более) языках слова, имеющие общее происхождение, независимо от их фонетического облика и семантической структуры на данном синхронном срезе развития языка; 2) с другой стороны, выделить в изучаемых языках лексические элементы, не подлежащие этимологическому уравниванию: качественно близкие или одинаковые компоненты различных семантических континуумов, имеющие сходный фонетический облик, в том числе и случаи, когда внешне совпадают элементы того или иного семантического континуума и семантемы, вообще не претерпевшие никаких изменений в процессе развития языка. Как мы уже говорили, решение этих проблем путем атомистического рассмотрения и сопоставления отдельных лексических единиц и их значений в различных языках фактически не могут привести к достаточно строгим обобщениям (хотя бы потому, что и те и другие количественно и качественно беспредельны).

4. Представляется целесообразным обратиться к нашей теории лексической аттракции, использование которой, как нам кажется, может в определенной мере способствовать решению ряда этимологических проблем. Согласно этой теории, наличие именно данного

[5] Ср.: F. Roitinger, Ein sterbendes Wort des Bairisch-Österreichischen, «Zeitschr. fur Mundartforschung», XXIII, 3, 1955.

[6] Ср.: E. Lewy, Schwierigkeiten des Etymologen, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», XIX, 1959.

слова (или слов), наделенного строго определенным значением (или несколькими определенными значениями) в том или ином языке (макроструктура) или языковом слое (микроструктура), детерминируется определенным лексическим окружением, т. е. набором лексических единиц, в пределах которого существует данное слово на конкретном этапе развития языка; изменение состава или свойств отдельных лексических единиц влечет за собой изменение состава соответствующего окружения и свойств входящих в него компонентов.

Необходимо отметить, что понятие одинакового окружения носит относительный характер, поскольку отдельный лексический ряд не является изолированной языковой категорией, существующей an und für sich, вне остальных языковых элементов и независимо от них. В пределах одного и того же языка обычно обнаруживается сложное диалектическое переплетение и взаимодействие отдельных лексических наборов. Данная микроструктура в близкородственных языках может быть неотъемлемой частью более крупной лексической группировки, которая по отношению к ней, естественно, является «другим» лексическим набором, а вместе составляет один. С другой стороны, в более крупный лексический набор может входить только часть элементов более мелкой структуры, а остальные элементы этого микронабора могут либо входить в другой, более крупный лексический ряд, либо оставаться исключительной принадлежностью данного набора. В связи с этим необходимо разграничивать разные окружения в пределах одного языка и разные окружения в пределах нескольких (близко- и неблизкородственных) языков (resp. различные уровни этимологического анализа) [7].

Отдельное слово на том или ином этапе развития языка выступает не только как неотъемлемая часть определенного лексического набора, вне которого оно немыслимо, но и как своеобразный сгусток различных языковых изменений, происходивших со словом в процессе истории его существования в пределах одинаковых или разных микро- и/или макронаборов данного языка (т. е. синхронный облик слова, его наличие или отсутствие на определенном этапе развития языка отражают весь исторический ход его развития в одном и том же или в различных лексических окружениях).

5. Лексический набор в нашем понимании не следует отождествлять с традиционным понятием семантического поля: в то время как лексический набор представляет собой естественную, реально существующую языковую структуру, ограниченную в своей протяженности тем или иным синхронным статусом языка, семантическим полям очень часто придается весьма искусственный и произвольный характер, они строятся в основном на логических принципах, что дает возможность беспредельно увеличивать или уменьшать их протяженность [8].

Независимо от того, имеем ли мы дело с традиционным описанием или исследование облекается в форму сложных структурных построений, ма-

---

[7] Ср.: Э. А. Макаев, Структура и стратиграфия общегерманской лексики, ВЯ, 1965, 5.

[8] Ср. учение о семантических полях И. Трира, развитое его многочисленными последователями (см.: J. Trier, Holz. Etymologien aus dem Niederwald, Münster—Köln, 1952; его же, Venus. Etymologien um das Futterlaub, Köln—Graz, 1963). Методы И. Трира в большой мере отразились, в частности, на этимологическом словаре Я. де Фриза (см.: Э. А. Макаев, А. Я. Шайкевич, [рец. на кн.:] J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, ВЯ, 1959, 5) Ср.: G. Kandler, Die Lücke im sprachlicher Weltbild, «Sprache—Schlüssel zur Welt. Festschrift für L. Weisgerber», Düsseldorf, 1959; W. Krogmann, Zur Annahme sprachlicher Homologie, «Zeitschr. für deutsche Wortforschung», XIX, 1—2, 1963.

лоэффективным следует признать установление различной ареальной дистрибуции ряда лексем (и соответствующих семантических рефлексов последних), связанных тематически (идеологически) или семантически.

Подобно атомистическому исследованию изолированных лексем в плане лингвистической географии, при таком подходе (в лингвистике он известен уже давно и применяется вплоть до наших дней, в частности в связи с исследованием диалектной принадлежности словаря древних переводных памятников языка) [9] наличие двух и более различных лексемных (resp. семемных) групп, соответствующих какому-либо понятию в двух диалектах, вовсе не отражает различия тех реально существующих в языке лексических наборов (окружений), в которые они входят (т. е. в этом случае, как и при наличии различных слов, обозначающих какое-либо понятие в двух диалектах, нельзя говорить о двух различных лексических системах); с другой стороны, из сходства лексемных и семантических групп никак не следует, что перед нами генетически идентичные лексические системы, ибо в этом, как и в предыдущем случае, не исключается возможность лексических и семантических инноваций как отдельных, так и нескольких лексем и семем[10]. Если учесть, что ни в одном диалекте, как бы мелок и незначителен он ни был, ни синхронно, ни диахронически, никогда не манифестируется только одна единственная лексико-семантическая система, легко понять, что при простом сложении лексемно-семантических конфигураций их элементы, естественно, распределяются по различным лексическим окружениям, в том числе и по генетически не связанным между собой. Любопытно отметить, что нередки случаи, когда часть рефлексов (лексемных, семемных) какой-либо лексико-семантической группы сходна в двух изучаемых диалектах, а другая часть несходна. Понятно, что при построениях подобного рода лексемные (и семемные) группы генетически близких диалектов нередко оказываются различными, и соответственно лексические конфигурации более отдаленно связанных между собой говоров оказываются сходными. Как и в случае отдельно взятых атомарных лексем, при оперировании ареально дифференцированными лексико-семантическими группами слов мы имеем дело не с лексическими наборами, генетически возникшими в результате аттракции, а с отдельными, изолированными синхронными проявлениями последних, взятыми в своей совокупности, независимо от набора, в которые они входят, независимо от их социально-территориальной принадлежности; в этом случае перед нами просто разрозненные лексические элементы с той или иной семантикой, искусственно вырванные из ткани языка и поэтому мертвые для исследователя.

6. Если, имея в виду все сказанное, подойти к решению конкретных этимологических проблем, указанных в нашем третьем разделе, то

---

[9] Работы, основанные на применении этого метода, настолько многочисленны, что здесь не представляется возможным привести их, тем более если учесть, что они выполнены на материале самых различных (германских, романских и др.) языков. Назовем некоторые работы, основанные на германском материале: F. G. Jung, Das Wort «trocken», Berlin, 1938; H. G. Weinand, Tränen, Bonn, 1958; сб. «Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen», Giessen, I — 1958; II — 1962; III — 1963. Ср. также последнюю работу, посвященную древнеанглийской лексической диалектографии: H. Schabram, Superbia. Studien zum altenglischen Wortschatz. I — Die dialektale und zeitliche Verbreitung des Wortguts, München, 1965 (рец. «Neophilologus», 50, 2, 1966.) Ср.: V. Skaličkа, Wortschatz und Typologie, сб. «Asian and African studies», I, Bratislava, 1965; M. Holmer, Comparative semantics, «Årsbok (slaviska Institutet), 1949—1950», Lund, 1956.

[10] Ср.: В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М., 1956, стр. 539 (§ 3); М. М. Маковский, Пути анализа лексических реликтов и инноваций при установлении изоглосс, ВЯ, 1965, 1.

для близкородственных языков представляется возможным сформулировать несколько следствий из теории лексической аттракции, которые ниже даны в виде ряда взаимообусловленных и взаимосвязанных правил идентификации слов при сопоставительном анализе.

1) а) На данном временно́м срезе развития языка в одинаковых окружениях идентичные в совокупности своих элементов семантические последовательности не могут быть представлены качественно различными инвариантами, ибо в противном случае окружения, в которые входят эти элементы, нельзя будет признать одинаковыми (разумеется, что в одинаковых окружениях не может быть различных вариантов того или иного инварианта). Специфика структурно определенных лексических окружений (наборов) именно в том и состоит, что одни и те же лексемы под воздействием всей совокупности конститутивных элементов данного лексического набора развиваются по строго определенной (общей для этих наборов) структурной модели и на данном временном срезе представлены языковыми единицами, имеющими строго ограниченную структурно-семантическую и функциональную нагрузку.

Примером могут явиться некоторые англско-герминонские параллели. Ср. др.-англ. *cwiδ* — баварск. *Kutteln* «Gedärme», совр. сев.-англ. диалектн. *kite* «belly»; др.-англ. *eawan* — швабск. *ābern* «offenbaren»; др.-англ. *hriδ* — швейц. *rīdelen*; др.-англ. *firen* — швейц. *firnig* «fehlerhaft»; др.-англ. *lempit* «patellas» — швейц. *Lamm*, *Lemb* «ущелье»; др.-англ. *sweot* — швейц. *Schwetti* «Haufen»; др.-англ. *sylaex* «cobsus» — швейц. *Sūle*^{n} «Ahle des Schusters»; др.-англ. *coδu* — совр. сев.-англ. диалектн. *coath*, швейц. *Chōg* «Viehseuche» (с подвижным *g* в конце слова); др.-англ. *glēaw* — совр. шотл. *gleg*, швабск. *glau*; др.-англ. *mah*, *gemah* — швейц. *mögelig* «begehrenswert», *gemöchtelig* «Lust erweckend»; др.-англ. *tulge* — швейц. *tuggeri*^{ch} «sehr groß, sehr lang» (с ассимиляцией); др.-англ. *maeg-(wlit)* — швейц. *Mauggere*^{n} «saures, finsteres Gesicht»; др.-англ. *tidre* «weak, fragile»—швейц. *tedelig* «weichlich, verzärtlich»; др.-англ. *swaes* «one's own» — швейц. *schwās* «heimlich»; др.-англ. *ƥistra* «coniuncla» — баварск. *Dunsel* «приспособление для связывания плота»; др.-англ. *rupe* «capillamente»—швейц. *rupp* «rauch- und kraushaarig»; др.-англ. *awoh* «bent, crooked»—баварск. *abech* «verkehrt», австр. *ābsch*; др.-англ. *ƥwahan* — баварск. *zwahen*, *zwagen* «waschen»; др.-англ. *wah* «fine» — швабск. *wāh* «schön, zierlich», *Wähe* «dünner Brotkuchen»; др.-англ. *cynce* «a small bundle» — баварск. *Kuenz* «Auswuchs», *Kunze*, *Kaizen* «sehr dicker Bauch; Knorren am Brotlaib», совр. сев.-англ. диалектн. *kinch* «a loop; a twist or doubling given to a rope»; др.-англ. *bucca* «tragos» — швейц. *Butz*, *Bögg*, совр. сев.-англ. диалектн. *boggie*; др.-англ. *gilp* «a furrow» — швейц. *Güfel* «natürliche Höhlung in einem Felsen»; др.-англ. *elfete* «a swan» — баварск. *Elbitz* «Schwann»; др.-англ. *snas* «veru» — баварск., швейц. *Schneisen* «Baumreis, woran mehrere gleichartige Dingezum Verkauf oder Gebrauch befestigt oder aufgereiht sind»; др.-англ. *lucan* «evellere» — совр. сев.-англ. диалектн. *lowk* «to weed» — швабск., баварск. *liechen* «rupfen»; др.-англ. *fadian* «ordinare, disponere»—совр. сев.-англ. диалектн. *fadge*, швейц. *fädig* «gerad», *fād(e)men* «fein einrichten, anstellen»; др.-англ. *ragu* «dichen» — швейц. *Rag* «мох»; др.-англ. *pad* — австр. *Pfaid* «Hemd»; др.-англ. *tig* «vestibuli, atrii» — совр. сев.-англ. диалектн. *tie*, *tye* «common pasture or field», баварск. *Tie* «Gemeinplatz im Dorfe; Vorstand der Turnanstalt»; др.-англ. *meoto* «thought» — швейц. *muedligen* «erforschen», *mäuggen*, *moggen* «пристально смотреть», др.-англ. *baer* «lapsus»: Pr. Gl. 862 (ср. нем. *Falle* «западня»), ср. швейц. *Bere* «сеть для ловли рыбы, птиц».

б) Идентифицироваться могут не только слова в одинаковых окружениях, но, при известных условиях, и лексемы в разных окружениях. По тем же соображениям, которые были изложены выше, можно утверждать, например, что если в близкородственных языках в разных окружениях на данном временном срезе представлены одинаковые семантические инварианты, то перед нами разные лексемы (ср. хотя бы случаи формального и семантического совпадения заимствованных и исконных слов), а если представлены разные инварианты, то мы имеем дело со словами одного корня (следовательно, несоотносимость значений в разных окружениях вовсе не

означает несоотносимости самих лексем). Если мы не имеем дело с константами, то первый из этих случаев имеет силу и для близкородственных и для неблизкородственных языков (примеры на неблизкородственные языки см. у И. Фридриха)[11], хотя понятно, что при этом не всегда можно говорить об инвариантах одного и того же семантического цикла. Примеры на второй случай: др.-англ. *gund* «гной, нарыв» — совр. сев.-англ. диалектн. *gound*, но швейц. *Gand* «груда (камней)»; др.-англ. *hreð* «ряд, фаланга», но швейц. *Hirt* «время»; др.-англ. *guð* «борьба», но швейц. *Gunten* «палка, шест, которым погоняют гусей»; др.-англ. *mæðm* «сокровище» (ср. гот. *maðms*: δῶρον), но швейц. *mädeln* «tauschen»; др.-англ. *gehadrian* «to constrain» — совр. лит. нем. *Hader* «Zank», но баварск. *Hader* «Haufen» (ср. семасиологическую параллель: греч. ὀχλεω «belästigen, wegdrängen» но ὄχλος «großer Haufen»»); др.-англ. *buta* «mulier» (ср. др.-англ. *bædel* «hermaphrodites, adreporesis»), ср. швейц. *budern* «klein und unansehnlich bleiben», *Buder* «kleines und dickes oder im Wachstum zurückgebliebenes, unansehnliches Geschöpf» (ср. семасиологическую параллель: лат. *mulier*, но лат. *molo* «beschlafe», *mollis* «weich»; ср. лемму в др.-англ. глоссе: *hwast* : *hermaphrodites*, *mollis*) [12].

Большую важность для идентификации слов имеет следующее положение: в одинаковых окружениях не может быть омонимов (ни в виде омонимичных инвариантов, ни в виде омонимичных вариантов последних), но могут быть синонимы: структурная целостность того или иного линейного лексического ряда возможна лишь при взаимной неравноценности входящих в него элементов не только по содержанию, но и по форме. Исключение составляют случаи наличия омонимичных констант в одинаковых лексических наборах. Все это означает невозможность множественности этимологических решений для слов, входящих в одинаковые окружения.

Приведем примеры. Первый компонент совр. англ. *sweetmeat*, видимо, не имеет ничего общего с совр. англ. *sweet* «сладкий», а восходит к др.-англ. *sweot* (ср. Leonhardi 189, 72: *sweotan vel burse*: *marsem*, ср. также др.-англ. *swebelan*: An Ox 27, 32: *swebelen*: *pinguis*). Ср. швейц. *Schwattere* «weicher schwappender Teil am Körper einer Beleibten» (Id. IX, 2244), н.-нем. *Schweder* «Kalbsmilch», голл. диалектн. *varkenswet* (Molema), вост.-фриз. *Schweterkes* «Drüsen oder Milchfleisch an Kopf und Herzen der Kälber». Ср. *swede*: *buccela* в гамбургских средненижненемецких глоссах («Jhrb. d. Verein für ndd. Spr.», 1875, стр. 21). В связи с этим, видимо, можно утверждать, что др.-англ. *swete* «сладкий» и *sweot* «burse; pinguis» входили в разные лексико-семантические наборы. В качестве другого примера можно указать на др.-англ. *wlanc* «splendid, proud, rich», с одной стороны, и швабск. *Lank* «Art und Weise» — Fischer, IV, 989 (*ein Mensch hat den Lank* «ist gewandt»), с другой. Последнее, видимо, не соотносится с нем. *lenken* и с лексическим набором, в который входит это слово (хотя значение «turnere» может дать семантический компонент «Art und Weise», ср. греч. τρόπος «manner», но τρέπω «turn»), ибо, как показывает фактический материал, значение «schön, brav» не может входить в цикл, семантическим компонентом которого является «turnere». Ср. семасиологические параллели соответствия др.-англ. *wlanc* — швабск. *Lank*: ст.-исл.

---

[11] J. Friedrich, Zufällige Ähnlichkeiten auf verschiedenen Sprach- und Kulturgebiete, IF, LX, 2, 1950.

[12] Подробный разбор приведенных англско-швейцарских соответствий с приведением семасиологических соответствий из других индоевропейских языков см.: М. М. Маковский, Германские ареальные параллели в свете этимологии, сб. «Этимология», III, М., 1966.

tīginn «vornehm, tüchtig», но *tigund* «Art und Weise»; гот. *haidus*, др.-англ. *hād* «rank, condition, kind», но др.-инд. *ketu-* «brightness, light, appearance».

В отношении идентификации вариантов в различных окружениях необходимо иметь в виду следующие соображения: варианты данного инварианта (при соответствующей близости фонетической структуры слова) мыслимы только в пределах того окружения, где до их появления (т. е. до определенного структурного изменения рассматриваемого окружения) существовал соответствующий инвариант. Если учесть, что одно и то же окружение в пределах одного языка в синхронии не может существовать дважды (не может также сосуществовать синхронно в одном языке первоначальный и видоизмененный состав одного и того же окружения), то необходимо отметить, что в близкородственных языках варианты одного и того же инварианта могут проявляться только в пределах временны́х[13] и территориальных разновидностей о д н о г о и т о г о ж е окружения, в то время как варианты инвариантов различных циклов проявляются либо в р а з л и ч н ы х (в синхронии и диахронии) окружениях (сюда относятся, в частности, случаи, когда совпадают варианты различных инвариантов одного и того же цикла, развивавшегося в разных окружениях, а также заимствования), либо синхронно внутри одного и того же окружения (сюда относятся, в частности, случаи, когда совпадают варианты инвариантов различных циклов, сосуществующих в пределах одного окружения). Так называемые многозначные слова, как нам представляется, следует рассматривать в соответствии с изложенным либо как разные лексемы, либо как временные и территориальные варианты того или иного слова.

Интересно отметить, что при заимствовании того или иного варианта или инварианта в другое окружение, его значение либо остается неизменным, либо претерпевает определенные сдвиги под влиянием нового окружения. Однако в процессе дальнейшего развития языка такие лексические элементы, попавшие в инородное окружение, уже не могут продолжить тот семантический цикл, из которого они вышли.

В качестве примера идентификации вариантов укажем, что мы должны признать вариантами одного и того же инварианта (последний представлен в др.-англ. *grēada* «sinus, gremium») швейц.-нем. диалектные формы *grodle*^{n} «dicht, voll sein» (Id. II, стр. 706) и *gröde*^{n} «ruhig sein» (*Du magst's au*^{ch} *niene gröde*^{n}), манифестирующиеся в различных кантонах Швейцарии. Ср. Prud. Gl. 878: *sinum*: *wununge*. Ср. швейц. *Senn* (=лат. *sinum*) «Hirt»[14].

С другой стороны, литов. *gēros* «gut» и литов. *gurus* «locker», *gurt* «ermatten» не могут идентифицироваться, так как встречаются синхронно в одном и том же лексическом наборе, подобно тому как гот. *qairrus* не имеет ничего общего с др.-в.-нем. *quernan*, так как они манифестируются в разных наборах.

Необходимо учитывать, что два слова, являющиеся опорными для разных окружений (а также различные инварианты и варианты последних), не могут встречаться в одном; если же два слова (не являющиеся константами) встречаются одновременно в одном окружении, то они не могут одновременно встретиться в другом.

Как показывает фактический материал, в процессе развития двух различных семантических комплексов в близкородственных языках возмож-

---

[13] Ср.: R. Ch. F r e n c h, A select glossary of English words used formerly in the senses different from their present, London, 1859.

[14] Семасиологическую параллель в славянских языках см.: «Word», XI, 4, 1955, тр. 613.

но появление не более о д н о г о общего для этих циклов семантического элемента (инварианта), причем элементы данного семантического цикла могут пересекаться с элементами только одного, а не двух и более семантических циклов.

Теоретически этот тезис вполне объясним в свете теории лексической аттракции. Из приведенного выше правила (1а) вытекает, что в пределах одинаковых окружений два разных семантических цикла не могут дать общего члена. Следовательно, можно полагать, что общие члены возможны между семантическими циклами, находящимися в разных окружениях. Допущение возможности возникновения двух и более общих членов циклов, находящихся в разных окружениях, неизбежно требует допустить в то же время, что по крайней мере в одном из этих окружений будут одновременно существовать два или более инвариантов одного и того же семантического цикла. Это, однако, оказывается невозможным, ибо разные инварианты в одном окружении непременно должны представлять два разных цикла, а не один и тот же. Если все же допустить наличие двух попарно совпадающих инвариантов различных семантических циклов в различных окружениях (или наличие двух элементов какого-либо цикла в одном окружении и совпадающего с одним из них элемента другого цикла в другом окружении), то мы неизбежно придем к contradictio in adjecto: при перекрестном соположении этих элементов (соположение последующих членов цикла вполне допустимо) окажется, что мы имеем дело с парами различных инвариантов в разных окружениях, т. е., в соответствии с нашим правилом (1б), с одинаковыми семантическими циклами, что не соответствует действительности, так как по условию мы допускали два различных семантических цикла в разных окружениях. Отметим, что семантические варианты в различных циклах никогда не совпадают ни между собой, ни с инвариантами другого цикла. К тому же не следует забывать, что количество компонентов каждого семантического цикла строго ограничено, а вероятность одновременного наличия и одинакового развития различных семантических циклов неодинакова для различных окружений.

Основное, что вытекает из приведенной закономерности для этимологического анализа, состоит в следующем: а) если в процессе развития двух различных семантических последовательностей произошло пересечение их элементов в одном из пунктов семантического цикла, то обе эти последовательности со всеми входящими в них компонентами (инвариантами и вариантами) должны быть исключены из дальнейших сопоставлений с элементами какой-либо третьей, четвертой и др. последовательностей, а также между собой; б) один и тот же семантический элемент какого-либо семантического цикла нельзя соотносить с несколькими элементами другого цикла.

2) Своеобразным «исключением» из приведенных правил (оно вполне объяснимо на основе теории лексической аттракции) являются так называемые константы, т. е. лексемы, обладающие максимумом стабильности в различных окружениях (в синхронии и в диахронии). Константы идентифицируются независимо от того, входят ли они в одинаковые или в разные окружения близко- и неблизкородственных языков (разумеется, речь идет только о тех случаях, когда те или иные слова являются константами во всех рассматриваемых окружениях). Неслучайно наиболее надежные этимологические соответствия, установленные еще в период зарождения сравнительно-исторического метода, были именно уравнениями констант [15] (которые представляют наиболее древний слой индоевропейской лекси-

[15] Ср., например, интересную работу: A. A l b a n u s, Verzeichniss Stamm- und Sinnverwandter hochdeutscher, lateinischer und griechischer Wörter, Riga, 1812.

ки). Понятно, что в окружениях, вообще не имеющих общих констант, вряд ли целесообразно искать слова, допускающие идентификацию.

Важное свойство констант состоит в том, что они не могут выступать как элементы семантических циклов (т. е. не могут иметь семантических вариантов или инвариантов ни в одинаковых, ни в разных окружениях): константы обычно остаются неизменными в своем значении независимо от окружения. Вследствие этого константы, идентифицируясь между собой, не могут сопоставляться ни с какими другими элементами лексического ряда. Учет указанного свойства при этимологическом анализе позволяет значительно сузить и ограничить возможности произвольных сопоставлений. Проиллюстрируем это на примере. Др.-англ. *gefynde* — лат. *capax*, которое соотносится обычно либо с нем. *finden*, англ. *to find* и др. (Босворт), либо с гот. *fijan*, нем. *Feind* и др. (Штауб — Тоблер). Поскольку, однако, обе лексемы, с которыми сравнивается др.-англ. *gefynde*, являются константами в сопоставляемых окружениях, идентификация этого слова ни с одной из этих лексем не представляется возможной. Ср., с другой стороны, дат. *fyndig* «powerful», *fynd* «strength, substance», совр. сев.-англ. диалектн. *findy* (EDD, s. v.) «firm, solid, full» (*A wet May and a windy makes a full barnyard and a findy*), швейц. нем. диалектн. *findlich* «heftig» (Id. I, стр. 847).

3) Отдельные компоненты тех или иных семантических континуумов могут появляться в каком-либо лексическом окружении только в строго определенной последовательности. Процесс развертывания семантического цикла в языке необратим. Мы можем ожидать, например, что сначала в языке какое-либо слово будет выступать в значении «бить» и лишь затем в значении «кожа», но не наоборот. Сначала мы будем наблюдать значения «лепить», «плести» и т. д. и лишь затем значение «горшок» (ср. лат. *texere*—*testa* и др.). Отсюда вытекает не только, что принадлежность двух и более слов к определенному лексическому комплексу (т. е. их идентификация) возможна при прослеживании последовательного исторического развития компонентов тех семантических циклов, в которые они входят, но также и следующее положение. Если (при прочих равных условиях) в одном из сравниваемых окружений, образующих единый микроряд, данное слово представлено более поздним (в прогрессивной последовательности) элементом семантического цикла, а в остальных окружениях более ранним семантическим членом того же континуума (выражаемым той же лексемой), то в первом из указанных окружений ряд других лексем должен быть представлен более поздними (в прогрессивной последовательности) семантическими элементами по сравнению с соответствующими лексемами второго окружения (семантическая маркированность). Если какие-либо слова из окружений второго типа в процессе развития языка попадают в окружение первого типа и становятся его опорными лексемами, то одновременно происходит прогрессивное «переключение» их семантики на один порядок вперед в рамках того семантического цикла, в который они входят (примеры см. выше — правило 1б). Интересно, что в древнеанглийском часто представлены более поздние элементы семантического цикла, а в соотносимом с ним окружении в швейцарских диалектах — более ранние.

Субституция элементов одного лексического ряда сходными по форме и семантике элементами другого (или замена одних слов другими в пределах одного набора) в процессе развития языка является свидетельством того, что такие элементы нельзя идентифицировать[16].

[16] Ср.: R. Abernathy, The problem of linguistic equivalence, «Proceedings of symposia in applied mathematics», X, Providence, 1961.

4) Количество связей той или иной лексемы (т. е. количество различных окружений, в которые она входит) на одном синхронном срезе развития языка в пределах одинаковых окружений должно быть одинаково, а в пределах разных — различно. Следовательно: а) в разных окружениях одни и те же слова не могут иметь одинакового количества связей, причем эти связи не могут быть и качественно идентичными; б) количество связей одной и той же лексемы в близкородственных и неблизкородственных языках не одинаково.

7. Как уже говорилось, лексические наборы в неблизкородственных и в близкородственных языках неравноценны. Близкородственные и неблизкородственные языки — это два иерархически связанных последовательных уровня идентификации. В отличие от близкородственных языков, в пределах лексических микросистем неблизкородственных языков, связанных лишь общими константами, не могут образоваться одинаковые, ареально-соотносимые окружения (одинаковые окружения возможны только в пределах близкородственных языков, но не в пределах одного языка в синхронии или в пределах неблизкородственных языков). Отметим, кстати, что лексемы, являющиеся константами в близкородственных языках, обычно не являются таковыми в неблизкородственных и, с другой стороны, лексемы, являющиеся константами в неблизкородственных языках, могут не быть таковыми в близкородственных. Вполне понятно, что в неблизкородственных языках, где по сравнению с родственными языками мы имеем дело с неизмеримо большим числом корней и семантических циклов в их взаимодействии и переплетении, вероятность случайного совпадения отдельных лексических и семантических элементов также намного больше, чем в родственных.

Важно учитывать еще и следующее обстоятельство: максимальные потенции развертывания каждого инварианта, проявляемые в той или иной последовательности (серии) семантических вариантов, столь же ограничены, как и возможности протяженности отдельного семантического цикла, частью которого являются эти инварианты. Как показывает фактический материал, полное развитие цикла того или иного инварианта (т. е. полный набор вариантов) обычно реализуется синхронно в пределах совокупности родственных языков и диалектов, ибо в них, как правило, представлены все возможные в данной макроструктуре окружения. С другой стороны, в диахронии в пределах одного или нескольких языков, естественно, реализуется тот же цикл вариантов, соответствующий одному инварианту. Полный набор вариантов, существующий и развивающийся синхронно в пределах совокупности нескольких родственных языков или диалектов, остается неизменным до тех пор, пока аналогичный набор не возникнет в диахронии; с другой стороны, после такого синхронно-диахронического уравновешивания никаких других вариантов данного инварианта, кроме наличных, возникнуть не может. Разумеется, что в процессе образования полного набора вариантов в синхронии, до пересечения синхронного (горизонтального) и диахронного (вертикального) комплекса, вполне возможно, что в том или ином языке или диалекте, в силу особенностей его развития, какой-то конкретный вариант может выйти из употребления и замениться другим вариантом; однако в этом случае выпавший вариант непременно возникает в другом наборе в пределах изучаемых родственных языков и/или диалектов, так что в сумме обязательно представлена вся совокупность вариантов, возникших вплоть до данного момента существования указанных языков и диалектов. Таким образом проявляется не только взаимная связь синхронной и диахронной плоскостей развития языка, но и закон равновесия языковых элементов в диахронии

Понятно, что если из всего многообразия предполагаемых вариантов одного и того же инварианта, встречаемых в неблизкородственных языках, определенная часть одновременно или диахронно представлена в пределах одного языка или по крайней мере в нескольких языках и/ или диалектах, близкородственных одному из анализируемых (входя при этом в одно и то же определенное окружение в его временных и территориальных модификациях), то вероятность идентичности комплекса этих лексем очень велика.

Используя этот прием идентификации в неблизкородственных языках, а также те правила, которые были приведены выше [1) если в разных окружениях манифестируются внешне сходные лексемы с одинаковым значением (но не константы), то они не могут идентифицироваться; 2) константы в неблизкородственных языках всегда должны идентифицироваться], не следует забывать, что весьма полезным может оказаться применение к каждому из сопоставляемых слов в неблизкородственных языках методов идентификации в близкородственных языках, изложенные в настоящей работе, и сопоставление полученных таким образом данных.

8. Вряд ли было бы серьезным и практически осуществимым стремиться к какой-то универсальной и окончательной кодификации этимологических решений: языковая реальность неизменно намного шире, сложнее и многообразнее любых теоретических канонов.

Вполне естественно, что если в том или ином конкретном случае фактический материал не отвечает приведенным правилам, это означает, что прежде чем отвергнуть соответствующую этимологию, необходимо произвести дополнительное исследование рассматриваемого случая, в частности:

а) Анализ структуры слова при учете филологических данных с целью выяснения наличия разного рода контаминации корней (ср., например, баварск. *zeiseln* «eilen» = *zu* + *eiseln*, ср. ст.-исл. *eisa*, др.-англ. *of-ost*, ср. также швейц. *Osen* «рвение, порыв»), ошибок при переписке рукописей и т. д.

б) Исследование истории слова, в частности всесторонний учет экстралингвистических данных (например, в плане «Wörter und Sachen», но без произвольных толкований) и выявление заимствований (при этом основное внимание прежде всего следует обращать на исследование слова в пределах окружений в родственных и близкородственных языках и лишь затем обращаться к данным неродственных языков). Ср. совр. швейц., швабск. *alchen* «gierig essen», швейц. *älen* «liebkosen», др.-в.-нем. *ilgi*, др.-англ. *alan* (ср. слав. *алчать*), но не имеющее к этим словам никакого отношения др.-евр. *achal*; др.-англ. *sweot* «troop», швейц. *Schwett* — то же, но франц. *esquadron*; совр. сев.-англ. диалектн. *soe* «ведро» (др.-англ. *sā*), но ничего общего с ним не имеющее франц. *seau* (<лат. *situlus*).

в) Исследование стилистического употребления слов в каждом из анализируемых языков (например, от семантических вариантов, которые являются неотъемлемой принадлежностью отдельных семантических циклов в рамках определенных лексических окружений, важно отличать, с одной стороны, переносное употребление различных инвариантов, которое сходно в ряде языков в связи с близостью или общностью выражаемых ими понятий, а с другой стороны — употребление одних и тех же инвариантов в различных контекстах).

г) Исследование не только так называемых «мнимых слов», но и «мнимых значений». В этой связи интересен случай OET, стр. 589: *halstan*: *cristalis*, где Г. Суит переводит *hal(stan)* как «кристалл». Латинскую лемму здесь, видимо, следует читать *crustalis*, ср. Wrt. Voc. 372, 17: *crustalis*: *healstanum*; 495, 28; *crustale* : *healstanes*; 216,5: *crustala* : *heista* (т. е.

helstan), ср. также Wrt. Voc. 393,31 : *et tortam panis*: *and hylstene hlafas*. На основе этой последней глоссы Холл постулирует др.-англ. *hylsten* «twisted». Значение *torta* в этих случаях, однако, становится ясным из CGL III, 574, 41: *passa i una torta*; III 596, 18: *uuapassa racemus tortus*, а также Num. II, 18, где Septuaginta ἐγκρυφίας передается через *tortulas* в латинском. Таким образом, *torta*, *tortulas* являются производными от *torrere*, а не от *torquere*. Ср. др.-в.-нем. Ahd. Gl. I, 463, 25; *turtam panis*: *leip protes* (др.- в.-нем. *leip*, др.-англ. *hlaf* в этимологическом отношении близки греческому κλίβανος); I, 585, 42: *tortura* : *leip*; видимо, *hal* — это то же слово, что и *al* в Wrt. Voc. 26,5: *aalgewerc* : *ignarium*; Wrt. Voc. 212, 24: *aal-fatu* : *cocule*; Wrt. Voc. 122, 25: *ol-fata*: *cocula*. Ср. совр. швабск.-нем. диалектн. *häl* «trocken» (Fischer, III, 1049); баварск. *häl* (Schmeller, I, 1073); то же в голландских диалектах (*hal*, *heal*): ср. van Haeringen, стр. 146; Halbertsma, s.v.; Bezoen, стр. 43; ср. также гамбургск. *hellig* «durstig»[17].

Интересен следующий пример. Др.-англ. *molegn* (лат. *galmum*, *calmum*: Wrt Voc 40, 63, 64; 1, 290, 34 и др.) в словаре Босворта-Толлера толкуется как «a thick substance made of curds», в словаре Холла как «curds» (?). Слово это имеет, однако, иное значение, а именно «кусок». Ср. Wrt Voc 197, 27, 28: *caluarium*, *strictura*, *uel calwerclimpe* (последнее слово состоит из лат. части *calwer* и др.-англ. *climp*, ср. *clump*); Wrt Voc II, 109, 54: *molegnstycce*: *galmulum*, где *stycce* является не компонентом слова *molegnstycce*, а одной из пояснительных глосс к *molegn* (ср. нем. *Stück*). Ср. швейц. *Molgen* «grosses Stück Brocken» (Id. IV, 212). В свете сказанного можно полагать, что *calwer* является испорченным лат. *calmaria*, т. е. для древнеанглийского выступает как мнимое слово (в большинстве словарей оно трактуется как др.-англ. слово со значением «творог»).

---

[17] Ср.: М. М. Маковский, Этимология и проблема филологической достоверности слова, сб. «Этимология», IV, М., (в печати).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

М. Д. СТЕПАНОВА

«СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЕ НА СОДЕРЖАНИЕ» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

«Словообразование, ориентированное на содержание» (inhaltbezogene Wortbildung), представляющее собой одну из областей применения и развития общей теории семантических полей, в значительно меньшей мере, чем последняя, освещено в нашей лингвистической литературе. Оно сравнительно редко интерпретируется и еще слабо используется и за рубежом, в том числе в работах лингвистов Западной Германии. Л. Вейсгербер, в основном разработавший эту теорию, как и его последователи, фактически ограничивается изложением ее ведущих положений и отдельными примерами: широкого и обоснованного применения данной теории в конкретных областях словообразования мы еще не находим.

Двумя главными понятиями, которыми оперирует «словообразование, ориентированное на содержание», являются понятия «словарной ниши» (Wortnische) и «словарного блока» (Wortstand) [1]. Оставив в стороне философские основы, связывающие «словообразование, ориентированное на содержание», с общими идеологическими предпосылками неогумбольдтианства (об этом см. ниже, стр. 49 и далее), можно определить эти два понятия с чисто лингвистических позиций. «Ниши» — это семантические подразделения внутри одного и того же словообразовательного типа (например, у моделей с префиксом *be-* или с суффиксом *-ling* в немецком языке), группы слов с общей словообразовательной структурой и общим категориальным значением. Так, Л. Вейсгербер выделяет три основные ниши у немецких глаголов с префиксом *be-*: нишу снабжения, т. е. орнативности в широком ее понимании (*beflügeln* «окрылять», т. е. «снабжать крыльями»; *bewaffnen* «вооружать», т. е. «снабжать оружием»); нишу глаголов, у которых подчеркивается осуществление и целенаправленность действия (*bedenken* «обдумывать», т. е. «напряженно думать», *bedienen* «обслуживать»); нишу приведения (предмета) в определенное состояние (*befeuchten* «увлажнять», т. е. «делать влажным»; *befreien* «освобождать», т. е. «делать свободным»)[2]. «Блок» объединяет ниши с общим содержанием, входящие в разные словообразовательные модели, т. е. представляет собой фактически словарное поле, реализуемое при помощи разных словообразовательных типов. Таким блоком является поле орнативности, в которое входит не только названная выше ниша глаголов с префиксом *be-* (типа *beflügeln*), но и ниши внутри других словообразовательных типов: «простых» глаголов (имеются в виду глаголы одноморфемные), например *kleiden* «одевать», т. е. «снабжать одеждой»; глаголов с суффиксом *-ig(en)*, например *bändigen* «усмирять», «обуздывать», т. е. переносно «снабжать оковами»; глаголов с другими префиксами и суффиксами, напри-

[1] Перевод обоих терминов на русский язык условен. «Wortnische» может быть также переведено термином «словарное гнездо».

[2] См.: L. Weisgerber, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, Düsseldorf, 1962, стр. 216.

мер *verglasen* «остеклить», т. е. «снабдить стеклом», *uniformieren* «обмундировывать», «одевать в военную форму», т. е. «снабжать формой» и т. д. [3].

Понятие ниши при употреблении соответствующего термина (semantische Nische) впервые раскрыто (на материале французского языка) К. Бальдингером [4]. Его книга, появившаяся в том же году, что и первое издание труда Л. Вейсгербера, содержащего основные положения разработанной им в дальнейшем теории, по свидетельству последнего, дала «значительный толчок» развитию «словообразования, ориентированного на содержание» [5]. Рассматривая общее понятие коллективности в его самом широком толковании, К. Бальдингер прослеживает его выражение при помощи разных суффиксов в истории французского языка и в его диалектах. При исследовании суффиксальных слов с коллективным значением, образованных от именных основ, Бальдингер выдвигает в качестве ведущего принципа «образование семантических ниш» (die semantische Nischenbildung), представляющее собой «подлинное выражение внутренней жизни каждого суффикса» [6]. Последняя часть книги посвящена обобщению выражения понятия коллективности при помощи разных суффиксов, присоединяемых к разным основам: здесь же рассматривается ряд других вопросов, как-то: конкуренция отдельных суффиксов, семантические разновидности слов, образованных от общих основ при присоединении разных суффиксов, семантические связи и переплетения суффиксов и т. д. [7]. Разрабатывая теорию ниш, К. Бальдингер фактически исходит из общего семантического поля коллективности, а в последней части вплотную подходит к понятию, которое Л. Вейсгербер называет «словарным блоком» (Wortstand), хотя и ограниченному, в данном случае, структурой суффиксальных слов.

Для работ Л. Вейсгербера характерно не только развитие и систематическое изложение теории словарных ниш и словарных блоков, но и их толкование в свете основных положений неогумбольдтианства: последнее особенно четко выявляется в его книге, посвященной основным этапам (ступеням), ведущим к познанию языков [8]. Рассматривая словообразование как часть научного изучения языка, распределенного по четырем этапам, Л. Вейсгербер связывает с первым из них изучение словарных ниш, непосредственно относящихся к структуре языка и в то же время ведущих к содержательной стороне словообразования. Установление действующих типов словообразования с точки зрения их звуковой формы особенно важно как первичная систематизация, отправная точка для дальнейшего познания языка. «Формальное словообразование» (formale Wortbildung) основных языков мира фактически изучено, но без необходимых пояснений и обобщений. Точное установление числа, объема и значения ниш дает возможность перейти к словообразованию, ориентированному на содержание [9]. Главным понятием, с которым на следующем — втором — этапе связано изучение словообразования, является понятие словарного блока. Л. Вейсгербер сопоставляет блок со словарным полем; речь идет о внутренней связи формально разных типов словообразования.

---

[3] L. Weisgerber, указ. соч., стр. 224—225.

[4] K. Baldinger, Kollektivsuffixe und Kollektivbegriff. Ein Beitrag zur Bedeutungslehre im Französischen mit Berücksichtigung der Mundarten, Berlin, 1950.

[5] L. Weisgerber, указ. соч., стр. 213.

[6] K. Baldinger, указ. соч., стр. 122.

[7] K. Baldinger, указ. соч., стр. 241 и сл. Краткие выводы, в которых особо подчеркивается роль в словообразовании, «семантических ниш», даны на стр. 268—270.

[8] L. Weisgerber, Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen, Düsseldorf, 1963.

[9] L. Weisgerber, Die vier Stufen..., стр. 49—50.

Выделение блоков играет ведущую роль в изучении словообразования и на дальнейших — третьем и четвертом — этапах познания языков, т. е. при изучении так называемого функционального словообразования (leistungsbezogene Wortbildungslehre) и энергетического словообразования (wirkungsbezogene Wortbildungslehre)[10], как и при «цельнонаправленном рассмотрении языка» (ganzheitliche Sprachbetrachtung). Блоки следует рассматривать как «языковые приемы» (sprachliche Zugriffe), принимающие непосредственное участие в процессе «вербализации мира» (das Worten der Welt), в восприятии внеязыковых факторов и творческом раскрытии внутреннего мира языка. В производных словах, например *rötlich* «красноватый», *Lehrer* «учитель», *bewaffnen* «вооружать» различаются в качестве элементов вербализации мира содержание производящих основ, относящихся каждое к своему полю, и содержание блоков, выявляемых в словообразовательных суффиксах. Единичное производное слово само по себе — внутриязыковой продукт: для его образования не требуется нового «внеязыкового толчка», его осмысленная направленность достаточно определена обоими взаимодействующими элементами. Реализация словообразовательных возможностей основана на особом направлении мысли, связанном с существованием блоков; это направление, повторяясь в десятках, сотнях единообразных структур, получает в языковом коллективе значение «рекомендуемого» масштаба: в определенные периоды расцвета (Blütezeiten) блок может получить почти неограниченное развитие[11].

Как видно из краткого изложения основных идей, раскрываемых в данной работе Л. Вейсгербера, представляющих собой повторение, развитие и подытоживание многих из высказанных им ранее положений, «словообразование, ориентированное на содержание», органически входит в концепцию неогумбольдтианства и подлежит общей критике данной концепции, не раз и достаточно глубоко осуществлявшейся в нашей специальной литературе[12]. Слово — в представлении Вейсгербера — это лишь внутриязыковой продукт, его значение не отражает предмета или явления реального мира; блоки — категории промежуточного мира языка, «духовные приемы» реализации мощи родного языка'[13]. Не случайно в одной из своих более ранних работ Л. Вейсгербер подчеркивает, что главным итогом рассмотрения блоков следует считать то, что фактический состав словообразовательных типов позволяет судить о внутренней (т. е. оторванной от реального мира) структуре языковых смыслов, т. е. атрибутов промежуточного мира: этой возможности Вейсгербер приписывает важнейшую роль в познании языка, наряду с постулируемыми им законами «знака» и «поля»[14]. Такова теоретическая задача, которую Вейсгербер пытается разрешить, развивая основные положения «словообразования, ориентированного на содержание».

Отвлекаясь от общей методологии Л. Вейсгербера и связанных с ней целей исследования, следует рассмотреть теорию «ниш» и «блоков» с точки зрения возможности и допустимых границ ее применения при изучении

---

[10] Перевод Э. А. Макаева. Термин Л. Вейсгербера «inhaltbezogene Wortbildung» Э. А. Макаев переводит как «семантическое словообразование».

[11] L. Weisgerber, Die vier Stufen..., стр. 73—74; 100—104; 133—136; 215—233.

[12] См.: А. А. Уфимцева, Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка, сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961; М. М. Гухман, Лингвистическая теория Л. Вейсгербера, там же; А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы, М., 1962; Л. С. Ермолаева, Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании, сб. «Проблемы общего и частного языкознания», М., 1960 и другие работы.

[13] L. Weisgerber, Die vier Stufen..., стр. 224 и сл.

[14] L. Weisgerber, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik..., стр. 230.

словообразования. Небезынтересен тот факт, что зарубежные лингвисты — последователи Вейсгербера в этом направлении — по существу используют методику «словообразования, ориентированного на содержание» именно как своеобразный прием лексикологического анализа. Так, интерпретируя понятие «блоков», В. Порциг подчеркивает, что они имеют не только историческое значение в развитии словарного состава, но и выполняют важные функции в живой языковой действительности. Особое внимание В. Порциг уделяет тому явлению, которое Вейсгербер называет «развертыванием» (Fächerung) языкового поля, объединяя слова, связанные между собой и этимологически и семантически, как, например, *verständig*, *verständlich*, *verstandesgemäß* (все три слова восходят к основе слова *Verstand* «разум, понимание») [15]. В грамматике современного немецкого языка под редакцией П. Гребе понятие «блока» раскрывается на примере слов, обозначающих профессию. В качестве исходной точки анализа взята модель с суффиксом *-er* (*backen* «печь», *Bäcker* «пекарь», *lehren* «учить», *Lehrer* «учитель» и т. п.). Наряду с суффиксом *-er* в тех же целях используются его варианты *-ler* и *-ner*, а также функционируют другие словообразовательные типы — ср. «простые» слова *Bote*, *Hirte*, *Koch*, *Schmied*; сложные слова со вторым компонентом *-mann*, как-то *Hauptmann*, *Kaufmann* и т. д.; заимствования, особенно греческого, латинского, но также и французского происхождения (*Geologe*, *Graphologe*, *Archivar*, *Astronom*, *Direktor*, *Chauffeur*, *Fabrikant* и ряд других). В этой работе поясняются оба термина: «ниша» — термин, введенный К. Бальдингером, напоминает ниши, т. е. особые углубления в постройках, слово «блок» (Wortstand) — заимствовано у Л. А. Штольтенберга, употреблявшего его с несколько иным значением как название «словообразовательного типа» [16]. Неясно, утвердятся ли в дальнейшем эти «непривычные» выражения; важно, однако, что найден принцип выделения крупных семантических единств, в которых взаимодействуют разные средства словообразования. Дальнейшие исследования должны выявить смысловые оттенки и внутри «блоков»; последние не могут рассматриваться просто как объединения одинаковых по значению «ниш». Особое внимание уделяется в грамматике и понятию «развертывания» (Fächerung) поля на примере слов, обозначающих цвета (*rot — rötlich*, *das Rot*, *die Röte*, *die Rötung*, *röten*, *sich röten*, *erröten*) [17]. Попытку применить на практике теорию «ниш» и «блоков» мы находим в статье Г. Крамера. Критически рассматривая современные работы по словообразованию В. Хенцена, Х. Коциоля, М. Д. Степановой, Г. Крамер подчеркивает, что эти авторы исходят в своих исследованиях из средств и способов словообразования, т. е. описывают его с формальных позиций. Так, например, в книге В. Хенцена имена действия рассматриваются в разных разделах, и только при помощи предметного указателя можно ответить на вопрос: «Как обозначает язык события, мыслимые предметно?» (применяя корневые слова, суффиксальные образования, субстантивации). Такое расположение материала «разрывает то, что должно быть вместе и объединяет разнородное». «Синхронную классификацию по значениям» автор статьи связывает с задачей разграничения словосложения и словопроизводства, внутри которых способы образования слов описываются по отношению к разным семантическим группировкам [18].

---

[15] W. Porzig, Das Wunder der Sprache, 3, Aufl., Bern—München, 1962, стр. 134.

[16] Ср.: L. A. Stoltenberg, Der Wortstand auf *-tum*, «Wissenschaftliche Beihefte der deutschen Sprachvereins», L, 1938, стр. 116.

[17] «Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache», Mannheim, 1959, стр. 412—414.

[18] G. Kramer, Zur Abgrenzung von Zusammensetzung und Ableitung, PBB, LXXXIV, 3, 1962.

Ознакомление с применением словообразовательной теории «ниш» и «блоков» в современной германистике показывает, что, как уже отмечалось, речь идет в основном лишь об изложении приемов анализа и об отдельных примерах, и что, как правильно отмечает В. Порциг, «широкие исследования словообразовательных групп с этой (плодотворной, по его мнению.— *М. С.*) точки зрения еще отсутствуют» [19].

*

В настоящее время теории семантических полей, хотя и в определенных границах, заняли достаточно прочное место в лексикологических исследованиях. Как представляется, теория «ниш» и «блоков» должна рассматриваться именно с этих позиций. При этом обращает на себя внимание тот факт, что выделение «блоков» связано с более объективными и обозримыми факторами, чем выделение «полей» в практически необъятном словарном составе, при опоре только на одну семантику. Хотя «блоки» в учении о словообразовании, по мысли Л. Вейсгербера, и соответствуют «полям» в учении о словарном составе [20], их не следует выделять только на основе семантики; они подсказаны теми семантическими категориями, которые легко выделить в словообразовании, т. е. значениями группировок («ниш») внутри словообразовательных моделей. Исходя из таких ниш в составе каждой отдельной части речи, можно выявить и более крупные блоки, объединяющие структурные типы разных частей речи (например, вещественности у существительных, прилагательных, глаголов; негативности, уменьшительности, усиления в разных категориях слов и т. д.). Следующим условием соблюдения объективности при подходе к словообразованию является осторожное и тщательное исследование «ниш» как основы выделения «блоков». За пределами продуктивных и частотных категорий почти в каждом случае остаются единичные или очень немногочисленные примеры (в качестве таковых Вейсгербер приводит, например, глаголы *behaupten*, *bedingen*, не входящие ни в одну из «ниш» глаголов с префиксом *be*) [21]. Иными словами, применение теории «ниш» и «блоков» возможно только на основе тщательного исследования законов словообразования со всеми их деталями.

В одной из областей словообразования применение теории «ниш» и «блоков», безусловно, должно стать плодотворным. Речь идет о сравнительно новом подходе к изучению лексики — о рассмотрении «внутренней» валентности слова и ее соотношении с его внешней валентностью, т. е. сочетаемостью с другими словами в словосочетании и предложении. «Внешняя» валентность слова относится к числу наиболее популярных вопросов современной лингвистики и изучается со стороны семантической (ср. понятие «авто-» и «синсемансии» слова, лексического характера сочетаемости и т. д.), морфологической (с точки зрения грамматических форм соединяемых слов), синтаксической (с точки зрения обязательности — необязательности сцепления слов с другими, количества требуемых «партнеров» и т. д.). В общем и целом эти вопросы входят в проблему «синтаксических полей», по терминологии В. Порцига, противопоставляющего их полям «паратактическим» (вернее было бы сказать «парадигматическим») [22], иначе — «отношения знаков к другим знакам на синтагматической оси»,

[19] W. Porzig, указ. соч., стр. 134.
[20] L. Weisgerber, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik..., стр. 223.
[21] Там же, стр. 210.
[22] См.: W. Porzig, Das Wunder der Sprache, стр. 117—137, особенно стр. 120 и 124—125.

по выражению Ю. Д. Апресяна [23]. Известная неустойчивость терминологии (наряду с термином «валентность» [24] продолжает употребляться термин «сочетаемость», например, в работах В. Г. Адмони, исследования которого много способствовали раскрытию самой проблемы [25]) не мешает плодотворности соответствующих исследований. Что касается «внутренней» валентности слова, под которой следует понимать закономерности сочетаемости отдельных лексических и грамматических морфем друг с другом, морфем с лексическими основами слов (независимо от одно- или многоморфемного состава последних), лексических основ в составе одной сложной основы, то этот вопрос находится еще на начальной стадии рассмотрения. Способы сочетания морфем, как грамматических, так и лексических, кратко рассматриваются Г. Глисоном (в качестве иллюстрации приводится описание системы турецкого глагола) [26], Е. Найда, употребляющего термин «внутренняя дистрибуция» (в отличие от «внешней дистрибуции») [27], в некоторых других дескриптивных работах, главным образом в связи с принципами чисто морфемного анализа. В качестве одного из типов валентности внутренняя валентность освещается с позиций прикладной лингвистики [28]. В настоящей статье речь будет идти о внутренней валентности в связи с словообразовательным анализом, т. е. о потенциальной сочетаемости непосредственно составляющих лексической основы слова, которые могут совпадать, но могут и не совпадать с лексическими морфемами. Прежде всего следует подчеркнуть, что внутренняя валентность слова принципиально отличается от его внешней валентности. Внешняя валентность выявляется в непрерывном и неповторяемом (для каждого отдельного случая) процессе реализации синтагматических потенций; любая синтаксическая модель — это лишь схема, заполняемая лексикой согласно строгим закономерностям, но не обеспечивающая закрепления данного состава в языке (естественно, если мы не имеем дела с фразеологическим сочетанием). Что касается внутренней валентности, то она одновременно характеризуется процессом актуализации словообразовательной модели и свойствами уже готовой единицы языка, существующей независимо от контекста и способной появляться в разных контекстах, в зависимости от соответствующих синтагматических

[23] Ю. Д. Апресян, Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963, стр. 106. Ю. Д. Апресян говорит, что это отношение может быть названо «синтаксическим значением или валентностью».

[24] См. работы: L. Tesnière, Éléments de syntaxe structurale, Paris, 1966; его же, Esquisse d'une syntaxe structurale, Paris, 1953; H. Brinkmann, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung, Düsseldorf, 1962; J. Erben, Abriß der deutschen Grammatik, Berlin, 1965, стр. 231, и некоторые другие работы зарубежных лингвистов; у нас — С. Д. Кацнельсон, О грамматической категории, «Вестник ЛГУ», 1948, 2, а также ряд появившихся за последние годы диссертационных работ и статей.

[25] В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958; 1; его же, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1956; его же, Основы теории грамматики, М.— Л., 1964, особенно § 2, 3, 5; в переводе на немецкий язык В. Г. Адмони употребляет термины «Fügungswert» — «Fügungspotenz», см. его «Der deutsche Sprachbau», М.—Л., 1966, стр. 80 и далее; ср. у И. Эрбена термин «Wertigkeit» наряду с «Valenz», этот же термин применяется в работе: W. Schmidt, Lexikalische und aktuelle Bedeutung, Berlin, 1963, стр. 14 и сл.

[26] Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, 1959, стр. 163 и сл.

[27] E. A. Nida, Morphology. The descriptive analysis of words, An Arbor, 1961, стр. 110 и сл.

[28] Ср.: Л. Н. Засорина, В. П. Берков, Понятие валентности в языке, «Вестник ЛГУ», 1961, 8, 2

закономерностей: будучи образованным по законам внутренней валентности, слово в качестве «готовой» единицы, подвергается действию законов внешней валентности. Особенности внутренней валентности проявляются в целых рядах слов, созданных по сходным моделям и в образовании новых слов, непрерывно пополняющих тот или иной ряд [29].

Внутренняя валентность слова определяется закономерностями фонетическими, морфологическими и семантическими: эти закономерности в той или иной мере затрагиваются в имеющихся работах по словообразованию, в том числе и современных, но без достаточной систематизации и последовательности. Теория «ниш» и «блоков», как представляется, создает предпосылки для разработки этой немаловажной проблемы. Следует тотчас оговорить, что мы будем рассматривать з а к о н о м е р н о с т и м о р ф о л о г о - с е м а н т и ч е с к и е, оставив в стороне звуковые законы сочетаемости, изучение которых, несомненно, чрезвычайно важно, но относится к принципиально иной области исследования и требует специального изучения.

Выделяя «ниши» у модели глаголов с префиксом *be*, Л. Вейсгербер связывает семантическую сущность этих ниш с морфологической природой производящих основ. Так, ниша «орнативности» предполагает соединение префикса *be* с основой существительного (ср. *bewaffnen* «вооружать» и *die Waffe* «оружие»; *beflügeln* «окрылять» и *der Flugel* «крыло» и т. д.). Такая же морфологическая валентность наблюдается у соответствующих ниш глаголов с *ver* (*verglasen* «остеклять» и *das Glas* «стекло»; *vergolden* «позолотить» и *das Gold* «золото»); глаголов с *ein-* (*einfetten* «смазывать жиром» и *das Fett* «жир») и т. д. [30]. Если морфологическую валентность мы свяжем с валентностью семантической, то установим, что основы таких глаголов должны быть основами существительных, обозначающих п р е д м е т, к о т о р ы м м о ж е т б ы т ь с н а б ж е н д р у г о й п р е д м е т. Глаголы с *be-* с фактитивным значением образуются от основ прилагательных, н а з ы в а ю щ и х п р и з н а к, к о т о р ы й м о ж е т б ы т ь п р и д а н п р е д м е т у, и л и с о с т о я н и е, в которое он может быть приведен (ср. *befreien* «освободить» и *frei* «свободный», *bestärken* «укреплять»; «подтверждать» и *stark* «сильный; крепкий»), а глаголы типа *bekämpfen* «побороть; подавлять», *beherrschen* «владеть; господствовать» и др. показывают, что соответствующее действие (выраженное производящей основой) целенаправлено и доводится до определенного предела [31]. Развивая мысль о том, что производное слово определенным образом «предугадано» (vorbetastet) производящей основой [32], Л. Вейсгербер имеет в виду лишь морфологическую природу последней, но, как видно из приведенных выше рассуждений, речь может идти и о семантическом согласовании префикса и производящей основы, т. е. о морфолого-семантической валентности. Не всегда семантическая валентность полностью совпадает с морфологической. Так, ниши моделей существительных с суффиксом *ling* разделяются по значению, не обязательно связанному с морфологическим признаком: в «нишу детского возраста» (*Kleinkind-Nische*) входят слова с разными производящими основами: *Säugling* «грудной ребенок», производное от *säugen* «кормить грудью», *Fläschling* «тот, кого кормят из бутылки; искусственник» от *Flasche* «бутылка», ср. далее — *Zwillinge* «двойняшки» от *zwei* «два», *Drillinge* «тройняшки» — от *drei* «три» [33]

[29] См. по этому поводу: W. P o r z i g, Das Wunder der Sprache, стр. 132.
[30] L. W e i s g e r b e r, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 216.
[31] Интерпретируемые нами примеры принадлежат Л. Вейсгерберу: см. его «Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik», стр. 215.
[32] L. W e i s g e r b e r, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 215.
[33] Там же, стр. 216—217.

и т. д.; однако семантика основ во всех случаях соответствует общему значению ниши. Таким именно путем может быть проанализировано большинство моделей префиксальных и суффиксальных слов того или иного языка, с выделением в них ниш, обусловленных не только семантикой и вхождением в тот или иной блок, но и морфолого-семантической или непосредственно-семантической валентностью, т. е. внутренним согласованием словообразовательной морфемы (соответственно тому или иному аспекту ее категориального значения) и производящей основы. Это согласование является базой образования неологизмов и писательских окказионализмов. Естественно, что во всех случаях речь идет о производных словах с незатемненной мотивацией, легко относимых к соответствующим нишам.

Вопрос о соотношении внутренней и внешней валентности непосредственно вытекает из анализа примеров ряда ниш и блоков. Нетрудно заметить, что блок орнативности на материале немецкого языка в качестве обязательного признака включает переходность: она характеризует соответствующие ниши глаголов с префиксами *be-*, *ver-*, *er-*, с суффиксами *-igen*, *-ier(en)* и ряд других. Префиксы *be-*, *ver-*, *er-* создают переходные глаголы, функционируя и в других нишах: фактитивности (*befeuchten*), целенаправленности действия (*bekämpfen*); в последнем случае они присоединяются к основам непереходных глаголов, транзитивируя их (ср. *kämpfen — bekämpfen*, *herrschen — beherrschen*, *dienen — bedienen — verdienen*, *fliegen — erfliegen*, *schmelzen — erschmelzen* и т. д.). Но этот лексико-грамматический признак включает лексико-семантические варианты. Так, в нишах со значением орнативности могут быть выделены глаголы, требующие дополнения, обозначающего живое существо, у́же — человека (ср. *bewaffnen*, *betiteln*, *benachrichtigen*, *uniformieren* и т. д.[34]) или предмет (*vergolden*, *verglasen*, *befedern*, *belüften* и т. п.); то же касается фактитивных глаголов (ср. *einen Menschen befreien*, *die Erde befeuchten*) и др. Этот вид валентности определяется, в основном, значением производящей основы. Менее четко связь внешней и внутренней валентности выявляется у производных именных частей речи, при этом не связанных с глагольными основами; однако и здесь семантика слова обусловлена взаимодействием категориального значения ниши и значения производящей основы, а семантика слова, вместе с соответствующими грамматическими показателями окружающих его слов, определяет его внешнюю валентность. При этом могут быть выявлены и показатели более частного порядка. Так, слова, относящиеся к блоку усиления (ср. *Unmenge*, *Ungeld* «огромное количество; громадные деньги»; *urkomisch*, *uralt* «очень комичный; очень древний»), не допускают уточнений, выражающих количественный признак (внутренняя валентность исключает соответствующую внешнюю валентность); прилагательные, выражающие некоторые конкретные признаки, как-то: вещественности (*golden* «золотой», *eisern* «железный»), времени (*nächtlich* «ночной», *jährlich* «ежегодно»), не могут быть в своих основных значениях соотнесены с обозначением человека (здесь речь идет и о категориальном значении ниши и о значении основы) и т. д.

Следует подчеркнуть, что определение внутренней валентности слова, как и ее связей с его внешней валентностью, требует осторожного подхода

[34] Глаголов именно данного типа возникает много в современном немецком языке. Это обстоятельство правильно подметил Л. Вейсгербер, однако сделал из него необоснованный гносеологический вывод об «аккузативации мира» — превращении человека в орудие. «Аккузативация мира», по Вейсгерберу, с одной стороны, обусловлена сдвигами в общественной жизни, развитием техники; с другой стороны, на нее влияет и язык, создающий переходные глаголы (см.: L. Weisgerber, Der Mensch im Akkusativ, «Wirkendes Wort», Sammelband I — Sprachwissenschaft, Düsseldorf, 1962; его же, Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen, стр. 215—233).

(как, впрочем, и выделение самих ниш и блоков). Речь может идти лишь о том, чтобы подметить основные тенденции, что не исключает влияния моментов не только спорных, но и полностью выпадающих из общих закономерностей. Такие случаи связаны с наличием единичных образований, сдвигов значений основ при словопроизводстве (т. е. с затемнением мотивации или с возникновением новой мотивации). Что касается «предсказания» возможности образования новых единиц на основе внутренней валентности и определения их внешней валентности, то нельзя забывать действия языковой традиции и законов чувства языка, определяющих границы использования модели. Так, журнал «Sprachpflege» предостерегает от чрезмерного увлечения созданием орнативных глаголов с префиксом *be-*. «Если бы начали „остулевать" (*bestühlen*) залы и „окранивать" (*bekranen*) верфи, то, наверное, вскоре двинулась бы целая лавина подобных образований. Стали бы „обмеблировывать" (*bemöbeln*) и „окресливать" (*besesseln*) комнаты, „окустовывать" (*besträubern*) сады, „озанавешивать" (*bevorhängen*) окна и т. д. Однако надо надеяться, что языковая практика охранит нас от такого „обогащения" словарного состава» [35].

Особого интереса заслуживают вопросы внутренней валентности у сложных слов; в то же время их разрешение связано с очень большими трудностями. Л. Вейсбергер, и другие современные германисты, разбирая теорию «ниш» и «блоков», рассматривают словосложение с точки зрения его использования для пополнения блоков наряду с другими способами словообразования. Помимо этого, мы встречаем и отдельные замечания, непосредственно касающиеся теории словосложения. Л. Вейсгербер посвящает ему небольшой раздел в связи с изложением принципов «словообразования, ориентированного на содержание», отмечая, с одной стороны, ту существенную роль, которую оно играет в данной теории, с другой стороны, невозможность «сказать здесь что-либо определенное», благодаря «невероятно большому количеству» (ungeheure Masse) сложных слов в современном немецком языке, а также трудностям, связанным с установлением моментов, релевантных для их значимой стороны. В дальнейшем изложении Л. Вейсгербер ограничивается констатацией известного в лингвистике факта несовпадения значения сложного слова и суммы значений его частей, а также большей «наглядности» (Anschaulichkeit) сложных слов по сравнению с производными: ср. *Bäckerei* «булочная», *Gärtnerei* «садоводство», с одной стороны, и *Blumenhandlung* «цветочный магазин», *Fleischerladen* «мясная лавка» — с другой [36].

Г. Бринкман, на которого неоднократно ссылается Л. Вейсгербер, стремится связать словосложение с теорией словарных полей. «Поле» в данном случае обозначено вторым «компонентом» (Grundglied). При соединении с первым компонентом второй получает новый смысл: он называет не определенное понятие, а словарное поле. Так, *Schmerz* «боль» в словосложении превращается в многократно расчлененное поле, ср. *Kopf-*, *Hals-*, *Leibschmerzen* и т. д. В то же время в одном и том же поле могут существовать разные семантические типы; ср. в поле *-arbeit* «работа»: с одной стороны, *Hand-*, *Kopfarbeit* «ручная; головная работа», с дру-

---

[35] E. F. K a d e n, Es gibt keinen Stillstand in der Entwicklung der Sprache, «Sprachpflege», 1957, XII, стр. 181.

[36] L. W e i s g e r b e r, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 240—244. Характерно то, что и в данном случае, исходя из правильного языкового факта, Л. Вейсгербер делает неправильный в теоретико-познавательном отношении вывод о более высоком уровне миропонимания немца по сравнению с народами, в языке которых словосложение не получает такого развития, как в немецком языке (L. W e i s g e r b e r, Das Gesetz der Sprache, Düsseldorf, 1951, стр. 216).

гой — *Land-*, *Fabrikarbeit* «полевая работа; работа на фабрике» [37]. Соглашаясь с Г. Бринкманом, Л. Вейсгербер считает нужным дополнить его пояснение соотношением сложных слов с блоками. Так, в слове *Junggeselle* «старый холостяк» содержание сложного слова не определяется ни компонентом *geselle*, ни компонентом *jung*, а лишь его «оппозициями» в соответствующем поле: *Ehemann* «супруг», *Witwer* «вдовец» и т. д. [38].

Нельзя не согласиться с тем, что семантический анализ словосложения связан с большими трудностями. Анализ должен исходить из многообразия типов словосложения, рассматриваемого с разных точек зрения.

С точки зрения семантики, сложные слова могут быть разделены на три больших категории, из которых каждая включает много подразделений: их следует учитывать при более подробном и всестороннем анализе, чем то может иметь место в рамках небольшой статьи. Наша задача заключается в том, чтобы выявить самое общее семантическое соотношение сложных слов, словарных полей и блоков, а также тенденции внутренней валентности сложных слов, связанные с выделением полей.

К сложным словам, входящим в первую из трех семантических категорий, относятся соединения полностью переосмысленные, с мотивацией либо совсем затемненной (например, *Ohrfeige* «пощечина»; ср. *Ohr* «ухо» и *Feige* «винная ягода, фига»; таковы и многие писательские окказионализмы, совсем непонятные вне контекста, и мало понятные в контексте, например, *Vernunftdoktor* у Г. Гейне, *Nebelherr*, *Nebeldame* у И. Бехера и др.), либо не соответствующей значению слова, иногда лишь отдаленно напоминающей его (например, *Meerkatze* «мартышка», *Ameisenlöwe* «муравьед», *standhalten* «устоять; быть самостоятельным», *insreinebringen* «выявить» и т. д.). Помимо определительных сложных слов, к которым относятся приведенные выше примеры, в эту же семантическую категорию входят императивные имена, например *das Vergißmeinnicht* «незабудка», *der Springinsfeld* «шалун; ветрогон», *der Packan* — прозвище собаки). Слова, относящиеся к этой категории, разнообразны по степени и характеру переосмысления, но в общем и целом характеризуются тем, что ни один из их компонентов не может рассматриваться как обозначение словарного поля, к которому относится слово в целом. Так «пощечина» (*Ohrfeige*) не связана с полем винных ягод, «мартышка» (*Meerkatze*) не относится к породе кошек, «выявить» (*insreinebringen*) несоотносимо со значением «приносить»; тем более невозможно найти обозначение «поля» у компонентов императивных имен. Однако каждое из таких слов в целом занимает определенное место в том или ином поле, благодаря наличию соответствующих «оппозиций»: это может быть поле жеста (*Ohrfeige*), животных (*Meerkatze*), цветов (*Vergißmeinnicht*), прозвищ человека (*Vernunftdoktor*, *Springinsfeld*) и т. д. Внутренняя валентность у таких слов либо совсем не ощущается (при полном затемнении мотивации), либо существует независимо от значения слова в целом: в таком случае она определяется тем образом, который лег в основу переосмысления.

Вторая семантическая категория, как бы полярная по отношению к первой, объединяет контекстуально окказиональные сложные слова, не имеющие никакого переосмысления и полностью дублирующие словосочетания. Наличие таких сложных слов относится к специфике именно современного немецкого языка. Ср. «...und derart flossen zwei Großstadtjahre ereignislos an ihr vorüber (St. Zweig, Novellen) «и таким образом протекли без всяких событий *два года в столичном городе*» — ср. «zwei Jahre

[37] H. Brinkmann, Die Zusammensetzung im Deutschen, «Sprachforum», 2. Jg., 3/4, 1956/1957; его же, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung, Düsseldorf, 1962, стр. 76.

[38] L. Weisgerber, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 243.

in der Großstadt»; «Die Zugehörigkeit... zu diesem unerbittlichen, menschenverachtenden maschinellen Organismus...» (H. Mann, Der Untertan) «Принадлежность к этому неумолимому *презирающему людей механизму*» — ср. «die Menschen verachtenden»... В таких сложных словах, хотя и по другим причинам, по сравнению с первой семантической категорией, нельзя выделить обозначаемого вторым компонентом словарного поля («года» в первом, «чувства презрения» во втором примере). Эти сложения факультативны, единичны, переменны в той же степени, что и синонимичные им свободные словосочетания. Поэтому характер валентности, определяющей соединения компонентов, соответствует внешним, синтаксическим связям между членами предложения.

К третьей, наиболее многочисленной категории сложных слов немецкого языка, как и большинства сложных слов других языков, относятся соединения неидиоматичные (в обычном понимании термина «идиоматичности» как «образного» переосмысления), но все же выявляющие некоторые сдвиги значения по сравнению с соответствующим словосочетанием (ср. примеры, приводимые Г. Бринкманом: *Sonnenwärme* «солнечное тепло» — определенное действие, не то же, что *Wärme der Sonne* «тепло от солнца», т. е. указание на происхождение тепла, *Waldvögel* «лесные птицы», не то же, что *die Vögel des Waldes* «птицы, живущие в лесу» и т. д. [39], или же сложные слова, в той или иной степени синонимичные соответствующим словосочетаниям, но обладающие характером штампа, общеупотребительные или же легко сменяющие свое наполнение согласно стандартным структурно-семантическим моделям, например, *Gold-*, *Silber-*, *Kupfermünze* «золотая, серебряная, медная монета»; *Goldmünze-*, *-ring*, *-uhr*, *-zahn* «золотая монета; золотое кольцо; золотые часы; золотой зуб». *Frühlings-*, *Winter-*, *Herbst-*, *Sonntagsmorgen* «весеннее, зимнее, осеннее, воскресное утро»; *Frühlingstag*, *-abend*, *-nachmittag*, *-sonne* «весенний день, весенний вечер, весенний полдень, весеннее солнце; *hell-*, *dunkel-*, *himmelblau* «светло-, темно-, небесно-голубой»; *dunkelblau*, *-rot* «темно-синий, темно-красный»; *weg-*, *zurückgehen* «уходить, возвращаться»; *weggehen*, *-fahren-laufen* «уходить, уезжать, убегать», и т. д. Для этой третьей семантической категории сложных слов характерно то, что второй компонент может обозначать семантическое поле, к которому относится слово в целом (ср. примеры Бринкмана: поле «боли», поле «работы»; в приведенных нами выше примерах можно выделить поле «монет» и шире — включающее его поле «денег»; поле «синего» и шире — включающее его поле цвета; поле «движения» и др.). Первый компонент называет категориальный признак предмета или явления: в наших примерах — металл, из которого выполнен предмет (*Gold-*) и шире — признак вещественности; темный оттенок (*dunkel-*) и шире — оттенок вообще; направление движения от чего-то (*weg-*) и шире — направление вообще и т. д. В немецком языке повторение как второго, так и первого компонента — факт чрезвычайно распространенный.

Для сложных слов, относящихся к данной категории, характерны определенные закономерности сочетания компонентов. Естественно, что к полю «боли» относятся слова, обозначающие боль той или иной части тела, к полю «монет» — наименования монет из определенного металла, к полю «синего» — прилагательные, определяющие его оттенки, к полю «движения» — глаголы, связанные с его различными видами, и т. д. Все эти уточнения выражаются соответствующим первым компонентом. С другой стороны, обозначение признака, названного первым компонентом, связано с такими предметами и явлениями, которые могут им характеризоваться (из металла может быть сделано кольцо, но не платье, направле-

[39] H. Brinkmann, Die Zusammensetzung im Deutschen, стр. 229—230.

ние может характеризовать движение, а не спокойное состояние и т. д.), что определяет характер сменности вторых компонентов при общем первом компоненте. Таким образом, по характеру валентности сложные слова данного типа в какой-то мере соотносимы с производными. Однако выделение «ниш» в них не носит столь определенного характера, как то имеет место при словопроизводстве, благодаря открытому характеру словосложения, невозможности учесть все виды соединений, а также благодаря многообразию отношений между компонентами.

В ту же (третью) семантическую категорию сложных слов входят многие сочинительные соединения, встречаемые в составе существительных (*Elsaß-Lothringen*; *Dichter-Komponist* «писатель-композитор»; *Hemdhose* «комбинезон» и т. д.) и прилагательных (*taubstumm* «глухонемой» и т. д.). Они характеризуются вхождением в то же словарное поле, которое обозначено каждым из их компонентов, а их внутренняя валентность определяется отношением равенства: ни один из компонентов не превалирует над другим, они взаимно дополняют друг друга.

Вопросы соотношения внутренней валентности сложных слов и их внешней валентности очень сложны и требуют специального рассмотрения. Речь здесь должна идти именно о сложных словах, относящихся к последней из рассмотренных категорий: слова, включенные в первую категорию, ведут себя как монолитные единицы, их внутренняя валентность не влияет на внешнюю; у слов, относящихся ко второй категории, внутренняя валентность есть по существу валентность внешняя. Что же касается соединений третьего типа, то здесь внешняя валентность должна определяться и лексико-грамматической характеристикой слова в целом, и значением первого и второго компонентов, и отношениями между ними. Большую роль в данном случае играет валентность, «занятая» первым компонентом (так, слово *Waldblume* не может иметь при себе определения, связанного с понятием леса, *Goldring* — определения, связанного с понятием золота и т. д.), а также недопустимость семантической противоречивости первого компонента и синтаксического конкретизатора: существительное с первым компонентом *morgen* (например, *Morgenstunde*) не может иметь определения, обозначающего другое время суток (например, *nächtlich*); глагол *emporsteigen* может получить локальную характеристику, связанную с направлением «вверх» (например *zum Himmel*), но не «вниз» (например *nach unten*) и т. д. Все эти вопросы могут быть разрешены путем конкретного исследования большого и разнообразного материала [40].

Теория «ниш» и «блоков» имеет ряд существенных недостатков, из которых основным следует считать то, что, преследуя цели анализа содержательной стороны языка, ее представители (прежде всего Л. Вейсгербер) неверно трактуют самую сущность этой стороны, отрывая ее от отражения действительности. Однако отдельные положения, раскрытые в соответствующих работах, и прежде всего приемы конкретного анализа, заслуживают внимания, могут применяться при исследовании вопросов словообразования, в частности, при изучении внутренней валентности слова. При этом обязательным условием является правильное понимание и освещение вопросов семантики, ее неразрывной связи со структурными закономерностями функционирования языка.

[40] Среди немногих работ, в которых ставятся и освещаются вопросы внутренней валентности, следует назвать: Л. Г. Левитене, Валентные связи в глагольном словообразовании современного немецкого языка (на материале предложно-наречных соединений с *aus-*, *bei-*, *mit-*, *nach-*, *zu-*). Канд. диссерт., М., 1965 (в этой работе освещается и внешняя валентность соответствующих глаголов); В. С. Вашунин, Словообразование в немецком языке с точки зрения процесса актуализации валентностей, сб. «Вопросы германской филологии и методики преподавания иностранного языка», Пермь, 1965

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

Н. Н. СЕМЕНЮК

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ РАЗНЫХ ЖАНРОВ ПИСЬМЕННОСТИ

(*На материале немецкого языка*)

Сравнительное исследование языка отдельных видов письменности дает возможность ставить различные проблемы, имеющие общелингвистическое значение. При этом, кроме собственного стилистического аспекта, могут быть выделены и иные направления исследования. В частности, на материале отдельных жанров письменности могут изучаться разные типы функциональной дифференциации языка. Вопросы эти — особенно по отношению к различным историческим периодам и разным лингвистическим ситуациям — не получили еще достаточного освещения, хотя необходимость их исследования подчеркивалась неоднократно [1].

В задачи исторического изучения языка входит не только реконструкция основных элементов языковой системы определенного периода, но и выяснение общего характера ее «бытия». Однако все многообразие процессов функционирования языка получает в различных видах письменности соответствующей исторической эпохи лишь весьма неполное отражение. Учитывая данное обстоятельство, существенно усложняющее задачу изучения функциональной дифференциации языка в историческом плане, нужно, по-видимому, исследовать первоначально какие-то отдельные стороны данной проблемы. В этой связи в общую характеристику изучаемых исторических процессов должны включаться данные об их модификации в зависимости от жанровых признаков исследуемых памятников.

Характер дифференциации языка разных жанров письменности, безусловно, имеет в различные исторические эпохи определенную специфику. На материале истории немецкого языка целесообразно рассмотреть в этом плане некоторые процессы, связанные со становлением литературных норм и не вполне синхронно отражавшиеся в различных видах письменности.

Прежде чем непосредственно обратиться к материалу, необходимо, однако, остановиться на том понимании сущности литературной н о р м ы и н о р м а л и з а ц и о н н ы х п р о ц е с с о в, которого мы придерживаемся и которое в значительной степени определит самый подход к интересующему нас вопросу.

Изучение литературных языков как определенной исторически обусловленной формы существования языка должно носить, с нашей точки зрения, преимущественно комплексный характер, т. е. строиться на основе исследования некой совокупности их структурных и функцио-

---

[1] См., например: В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблемы социальной диалектологии, ИАН ОЛЯ, 1964, 2.

нальных характеристик. Однако если задачи, связанные с изучением языковой структуры, несмотря на все многообразие возможных направлений, в принципе довольно ясны, то круг вопросов, определяющий характеристику литературного языка с функциональной точки зрения, еще нуждается в известных пояснениях и систематизации [2].

Как представляется, функциональная характеристика литературного языка должна складываться из двух аспектов: а) в н е ш н е г о аспекта, куда относятся следующие моменты: формы реализации литературного языка (устная, письменная); территориальная и социальная сферы его использования; соотношение литературного языка с другими формами существования определенного национального языка; б) в н у т р е н н е г о аспекта, который включает: характеристику способов реализации структурных потенций данной языковой системы; характеристику степени стабильности этих реализаций и — соответственно — диапазона их варьирования для разных уровней языка.

Вместе с тем должен приниматься во внимание и характер распределения и использования различных лингвистических средств, связанных с территориальными и социальными дифференциациями в рамках литературного языка, а также с его функционально-стилистическим членением.

Вся совокупность функциональных характеристик языка может быть включена, с нашей точки зрения, в понятие н о р м ы, которое является для современного языкознания одним из необходимых общелингвистических понятий, использующихся при изучении языка [3].

С одной стороны, норма, по-видимому, определяет характер реализации тех структурных потенций, которые заложены в его системе: степень продуктивности, распределение и функционирование возможных для данного языка моделей в определенной степени обусловливается именно его нормами. Вместе с тем, функционирующей языковой системе свойственна известная избыточность формальных лингвистических средств, ведущая к появлению вариантности. С этим обстоятельством связана другая важная функция нормы, определенным образом ограничивающей, а также регулирующей использование и употребление в языке различных изофункциональных средств [4].

Как же, однако, данное общее понятие языковой нормы может быть соотнесено с более узким и специальным понятием л и т е р а т у р н о й н о р м ы, которое, по общему признанию, является одним из центральных признаков развитого литературного языка [5]? Установив для языковой нормы две тесно связанные между собой основные функции, которые можно условно определить как функцию р е а л и з а ц и и и

[2] По данному вопросу следует особенно выделить работы пражской школы лингвистов, обобщающий обзор которых см. в статье А. Едлички (A. J e d l i č k a, Zur Prager Theorie der Schriftsprache, «Travaux linguistiques de Prague», I, 1964).

[3] См. например: Э. А. М а к а е в, Понятие давления системы и иерархия языковых единиц, ВЯ, 1962, 5, стр. 48.

[4] Ср.: Э. К о с е р и у, Синхрония, диахрония и история, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 170, 172, 174, 175.

[5] Кроме цитируемой выше работы А. Едлички, см., например: B. H a v r á n e k, Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft, в кн.: J. V a c h e k. A Prague school reader in linguistics, Bloomington, 1964; В. В. В и н о г р а д о в, Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи, «Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 7—8, 26; М. М. Г у х м а н, От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, I, М., 1955, стр. 7; ср. также: Р. Г е л ь г а р д т, О языковой норме, сб. «Вопросы культуры речи», III, М., 1961, стр. 21, 37; В. И ц к о в и ч. О языковой норме, «Р. яз. в нац. шк.», 1964, 3, стр. 14, и др.

функцию распределения, следует, по-видимому, искать специфику норм современных литературных языков прежде всего в высокой степени стабильности этих реализаций, в значительном ограничении допустимых при этом колебаний и вариантов, а также в особом характере распределения имеющихся вариантных средств в зависимости от территориальных, социальных и стилистических дифференциаций, связанных с полифункциональностью развитого литературного языка национальной эпохи [6].

Перечисленные выше признаки нормы, безусловно, не являются одинаковыми для отдельных этапов развития литературного языка. Изучать их изменения можно с различных точек зрения. Исходя из общего понимания сущности нормы, возможно, например, рассматривать нормативные сдвиги как процессы изменения и перераспределения вариантности. Чтобы отчетливее охарактеризовать специфику использования вариантности в тот или иной период развития изучаемого литературного языка, следует ввести понятие диапазона варьирования, включающее представление о сфере, объеме и специфических условиях использования имеющихся в языке вариантов. Применяя данное понятие, можно попытаться представить сам процесс становления литературных норм как ряд преобразований, ведущих к постепенному изменению характера и диапазона варьирования; последнее проявляется, например, в ограничении общего числа вариантов, сужении сферы их использования, распределении вариантов по разным функциональным сферам и т. д. [7]. Вместе с тем, как показывает материал, даже в пределах одного и того же исторического периода диапазон и характер вариантных реализаций может быть неодинаков для языка разных жанров письменности, а темпы преобразования вариантности также могут довольно значительно колебаться [8].

При изучении распределения отдельных вариантов по текстам различных изданий в принципе должны приниматься во внимание как качественный, так и количественный моменты. Оба возможные при этом аспекта исследования соответствуют двум основным типам распределения вариантных форм и конструкций.

Наличие или отсутствие определенных вариантов может быть не столько общим признаком литературного языка изучаемого периода, сколько специфической приметой его использования в определенных жанрах письменности. Таким образом, сам факт варьирования может носить в отдельных случаях избирательный характер, т. е. иметь определенные жанровые ограничения. К разряду подобных вариантов относятся в языке изучаемого периода, например, вариантные словоформы *sind/seind* (1 и 3-е лицо мн. числа наст. вр.), представленные для восточносредненемецкого района преимущественно в текстах газет и историко-политических журналов (I и III типы). Вплоть до середины XVIII в.

---

[6] См.: A. Jedlička, указ. соч., стр. 49; ср. также у В. В. Виноградова понятие «поливалентности» литературного языка национальной эпохи (указ. соч., стр. 20, 27).

[7] Подробнее об этом см.: Н. Н. Семенюк, Некоторые вопросы изучения вариантности, ВЯ, 1965, 1.

[8] Для доказательства этого положения мы приведем ниже некоторые данные, связанные с распределением отдельных грамматических вариантов в различных видах немецкой периодической литературы первой половины XVIII в. Будут сопоставлены тексты, извлеченные из газет (тип I), научных журналов (тип II), историко-политических журналов (тип III), а также литературной журналистики (тип IV), представленной в интересующий нас период морально-дидактической периодикой.

в политической периодике сохраняется также варьирование сильной и слабой флексии мн. числа прилагательного в составе атрибутивных словосочетаний (после определенного артикля). Напротив, варьирование сильной и слабой флексий в аналогичной конструкции после *alle* являлось в середине XVIII в., главным образом, признаком языка литературных журналов (тип IV).

Следующая группа расхождений в использовании вариантов в текстах различных изданий связана уже не с наличием или отсутствием здесь тех или иных вариантных форм и конструкций, но с некоторыми колебаниями в их продуктивности. В этих случаях известные жанровые ограничения накладываются не на сам факт варьирования, а лишь на диапазон использования определенного варианта в различных видах письменности.

Обращаясь именно к этому последнему типу распределения вариантов, приведем некоторые количественные характеристики для отдельных грамматических вариантов, представленных в немецком литературном языке первой половины XVIII в. и — в ряду прочих явлений — составляющих в изучаемый период его специфику.

К числу избранных нами для анализа явлений относятся: 1) варьирование «полной» и синкопированной флексий у словоформ глагола; 2) вариантное использование различных типов придаточных определительных предложений, вводимых синонимическими служебными лексемами; 3) вариантные типы структурного оформления придаточных предложений.

1. Попытаемся прежде всего проследить на нашем материале, каково количественное соотношение между вариантными словоформами для 3-го лица ед. числа наст. вр. (типа *lebet/lebt*) и для слабого причастия II слабых глаголов (типа *gelebet/gelebt*), оформленных вариантными флексиями *-et/-t*. Количественные сдвиги в соотношении соответствующих вариантных форм, наблюдающиеся в течение первой половины XVIII в., схематично представлены в табл. 1.

Таблица 1

Явление / Период [1]	3-е лицо ед. ч. наст. вр.		Прич. II сл. гл.	
	-et	*-t*	*-et*	*-t*
1	3,2	1	5	1
2	1,7	1	2,7	1
3	1,5	1	2,6	1

Таблица 2

Явление / Тип издания	3-е лицо ед. ч. наст. вр.		Прич. II сл. гл.	
	-t	*-t*	*-et*	*-t*
I, III	2,4	1	4,5	1
II	1,5	1	1,6	1
IV	0,8	1	0,9	1

[1] Данные периоды выделены нами условно для более отчетливой демонстрации хронологических сдвигов в количественном соотношении вариантных форм: 1-й период охватывает время с конца XVII в. по 1720 г.; 2-й — 1720—1740 гг.; 3-й — 1740—1750 гг.

Следует отметить известную условность приведенных количественных соотношений, полученных на основе изучения определенной совокупности текстов (подсчеты велись на 50 и 100 страниц каждого отдельного текста). Всякая другая их совокупность безусловно даст несколько иные цифровые данные. Однако проведенные выборочно проверки показали, что колебания, наблюдающиеся в пределах одного издания, все же не очень значительны и не изменяют существенно среднего количественного соотношения изучаемых вариантов для изданий определенного типа.

На основании приведенных в табл. 1 данных можно сделать два заключения: во-первых, число форм с «полным» вариантом флексии к середине столетия последовательно уменьшается для обеих словоформ; во-вторых, для причастия II этот процесс реализуется несколько медленнее, чем для финитных форм. Вместе с тем следует обратить внимание на то обстоятельство, что уменьшение продуктивности словоформ с *-et* совершается для разных типов изданий не вполне равномерно; ср. табл. 2, где суммированы соответствующие данные по различным восточносредненемецким изданиям третьего периода.

На основе материала табл. 2 можно утверждать, что вытеснение словоформ с несинкопированным вариантом флексий для обоих явлений проходит наиболее интенсивно в литературной периодике и наименее активно — в политических изданиях. Научная литература занимает в указанном отношении промежуточное положение, характеризуясь и в одном и в другом случае средними данными.

Сходные процессы наблюдаются для восточносредненемецкого типа литературного языка, представленного в северонемецких периодических изданиях. Приведенные ниже данные по третьему периоду свидетельствуют, однако, об известной замедленности здесь вытеснения словоформ с полным вариантом флексии (ср. табл. 3).

Таблица 3

Явление / Район	3-е лицо ед. ч. наст. вр.		Прич. II сл. гл.	
	-et	*-t*	*-et*	*-t*
Восток	1,5	1	2,6	1
Север	2,3	1	2,5	1

Таблица 4

Явление / Район	3-е лицо ед. числа наст. вр.	
	-et	*-t*
Юг, запад	2,3	1

Вместе с тем, хотя общее направление преобразовательных процессов в восточносредненемецком и южнонемецком типах литературного языка в данном случае совпадает, число словоформ с полным вариантом флексии в южнонемецких и западносредненемецких изданиях для 3-го лица ед. числа в среднем также несколько больше, чем на востоке (ср. для середины столетия данные табл. 4).

Ср. также соответствующие соотношения с учетом расхождений по типам изданий (табл. 5).

2. Обратимся к распределению по разным типам изданий вариантных придаточных определительных предложений, вводимых синонимичными служебными элементами *die*, *welche* и *so* (типа: *Ein Mann, der.../Ein Mann, so.../Ein Mann, welcher...* , т. е. «Человек, который...»).

Восточносредненемецкие издания дают количественные соотношения вариантных конструкций по отдельным периодам, которые приведены нами в табл. 6.

Табл. 6 отражает, таким образом, последовательный рост продуктивности придаточных определительных предложений, вводимых *die* и *welche* и — соответственно — весьма значительное уменьшение продуктивности придаточных, вводимых *so*.

Прослеживая распределение соответствующих видов придаточных определительных по изданиям разных типов, относящимся к третьему периоду, можно и здесь обнаружить известные жанровые градации в распределении вариантных конструкций (ср. табл. 7).

Таблица 5

Район	Тип издания	3-е лицо ед. ч. наст. вр.		Прич. II сл. гл.	
		-et	*-t*	*-et*	*-t*
Восток	I, II, III	2	1	3	1
	IV	0,8	1	0,9	1
Север	I, II	2,3	1	2,5	1
	IV [1]	0,6	1	1,3	1
Юг, запад	I, II, III	2,5	1	—	—
	IV	1,4 [2]	1	—	—

[1] В текстах одного из морально-дидактических журналов «Der Einsiedler» («Отшельник»), изданного в 1741 г. в Кенигсберге, число словоформ с полным вариантом флексии резко преобладает (см. данные, приведенные на стр. 63 настоящей статьи), что связано, видимо, с намеренной архаизацией языка журнала. Поэтому при выведении средних данных, ограженных в табл. 5, это издание было нами исключено.

[2] Заметим, впрочем, что для текстов швейцарского морально-дидактического журнала «Der Helvetische Patriot» (Basel, 1755) соотношение *-et*: *-t* = 0,4 : 1, т. е. оно весьма близко к средним данным по IV типу изданий, выведенным для других районов.

Таблица 6

Период \ Явление	Придат. определит. предложение		
	с *die*	с *welche*	с *so*
1	1,8	4	1
2	3,4	3,2	1
3	11,7	7	0,8

Таблица 7

Тип изданий \ Явление	Придат. определит. предложение		
	с *die*	с *welche*	с *so*
I, III	2,9	7,9	1
II	6,3	6	1
IV	27	7,5	0,5

Таким образом, для текстов политической периодики характерно вплоть до середины века значительное преобладание типа с *welche*, для научных изданий придаточные определительные с *die* и *welche* дают примерно равное количественное соотношение, тогда как в восточносредненемецкой морально-дидактической литературе уже отчетливо преобладает тип с *die*.

Нижненемецкие периодические издания обнаруживают при изменении количественного соотношения соответствующих вариантных типов придаточных определительных предложений сходные тенденции. Однако соотношение типов с *die* и *welche* обнаруживает здесь к концу периода известное равновесие, причем последний тип придаточных определительных в количественном отношении даже несколько преобладает (ср. табл. 8).

Таблица 8

Район		Восток			Север		
Явление		*die*	*welche*	*so*	*die*	*welche*	*so*
Период	2	3,3	1,4	1	4,4	4,8	1
	3	11,7	7	0,8	19	23	1

Сопоставим те же явления по разным типам изданий восточносредненемецкого и нижненемецкого районов для третьего периода (ср. табл. 9).

Табл. 9 отражает не только общий несколько замедленный темп ограничения употребления придаточных определительных, вводимых *welche*, наблюдавшийся в нижненемецкой периодической литературе в целом, но и другое любопытное обстоятельство: если для восточносредненемецких

Таблица 9

Район		Восток			Север		
Явление		*die*	*welche*	*so*	*die*	*welche*	*so*
Тип издания	I, III	2,9	7,9	1	6,6	7,5	1
	II	6,3	6	1	21,3	14,3	1
	IV	27	7,5	0,5	25	46	1

изданий этот процесс протекает наиболее интенсивно в текстах литературных журналов, то на севере у соответствующего типа изданий вплоть до середины века все еще преобладал количественно тип с *welche*. Активнее последний тип придаточных вытеснялся на севере в научной периодической литературе.

В заключение раздела отметим, что на юге и западе немецкой языковой области вплоть до середины века, согласно средним данным, наибольшую продуктивность сохраняют придаточные определительные, вводимые *welche* (ср. *die* : *welche* : *so* = 2,6 : 7 : 1). Для изданий I и II типов, относящихся к середине века, данное соотношение выражено еще весьма отчетливо (ср. 2 : 7, 7 : 1), тогда как для изданий IV типа к концу изучаемого периода может быть уже отмечено известное количественное равновесие обеих конструкций (ср. 4,6 : 5 : 1).

3. Обратимся, наконец, к последнему из избранных нами для рассмотрения явлений, а именно к вопросу о количественном соотношении двух вариантов в структуре придаточных предложений. Как уже отмечалось выше, вариантность создавалась здесь наличием или отсутствием спрягаемой формы глагола в составе глагольного сказуемого, употребленного в перфекте или плюсквамперфекте актива и пассива (типа: *Der Mensch, der das Buch gelesen hat./Der Mensch, der das Buch gelesen.*— «Человек, который прочитал книгу») [9].

Анализ текстов восточносредненемецких периодических изданий дает количественное соотношение вариантных структур по периодам, приведенное в табл. 10.

Таблица 10

Явление / Период	Финит.	Афинит.
1	1	14
2	1	3,7
3	1	4

Таблица 11

Явление / Тип изданий	Финит.	Афинит.
I, III	1	7
II	1	6
IV	1	0,27

[9] Данное обстоятельство побудило В. Г. Адмони обозначить изучавшиеся им вариантные структуры предложения как «финитную» (здесь финит.) и «афинитную» (здесь: афинит.); см.: В. Г. Адмони, Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, Л., 1966.

Если учитывать разграничения в распределении вариантных структур, наблюдающиеся по отдельным типам изданий третьего периода, то получаем данные, приведенные в табл. 11.

Итак, среднее количественное соотношение финитной и афинитной структуры придаточного предложения для разных типов изданий середины века (1 : 4) свидетельствует о постепенном и весьма значительном уменьшении продуктивности афинитной конструкции, на что ясно указывает сравнение со средними данными, выведенными нами для первого периода (1 : 14). Однако вплоть до середины столетия у I, II и III типов изданий продолжает преобладать конструкция без спрягаемой формы глагола. Резкое увеличение числа финитных структур обнаруживается отчетливо лишь в литературной журналистике (IV тип).

Средние данные, выражающие соотношение финитной и афинитной структуры придаточных предложений в текстах восточносредненемецких и северонемецких изданий, весьма близки (см. табл. 12).

Таблица 12

Район		Восток		Север	
Явление		финит.	афинит.	финит.	афинит
Период	2	1	3,7	1	3,6
	3	1	4	1	2,6

Обратимся теперь к соотношению соответствующих структур по разным типам изданий в пределах третьего периода (ср. табл. 13).

Таблица 13

Район		Восток		Север	
Явление		финит.	афинит.	финит	афинит
Тип изданий	I, II, III	1	6,6	1	3,2
	IV	1	0,27	1	0,4[1]

[1] И в этом случае из средних данных, приведенных в табл. 13, исключен материал журнала «Der Einsiedler», где резко преобладают афинитные структуры (см. далее, стр. 68).

Проведенное сопоставление свидетельствует о том, что общая тенденция к уменьшению продуктивности афинитных структур на севере, так же как и на востоке, реализуется по разным типам изданий неравномерно. Вместе с тем и в этом случае данная тенденция проявляется в наиболее сильной степени в восточносредненемецких литературных журналах. Научная и политическая журналистика все еще довольно широко использует афинитные конструкции.

Следует отметить также, что южнонемецкие и западносредненемецкие издания второго и третьего периодов в своей совокупности обнаруживают стойкое преобладание афинитных структур. Здесь для второго периода соотношение финит.:афинит. = 1 : 6,7, а для третьего периода = 1 : 6. Заметим, что данные эти выведены, главным образом, на основе анализа текстов изданий I и II типов, так как литературные журналы на юге и западе вообще представлены единично. Так, например, для середины века нами учитывались тексты лишь одного морально-дидактического журнала («Der Helvetische Patriot», 1755), где соотношение финитных

и афинитных структур равно 1 : 0,25, тогда как средние данные по всем остальным типам изданий за тот же период равняются 1 : 7,5.

4. Пытаясь охарактеризовать избранные нами грамматические признаки в их совокупности, рассмотрим теперь, каково распределение соответствующих грамматических вариантов в разных изданиях определенного типа. В качестве примера приведем некоторые данные по текстам отдельных восточносредненемецких и нижненемецких морально-дидактических журналов (ср. табл. 14).

Таблица 14

Район	Явление / Издание	3-е л. ед. ч.		Прич. II		Придат. определит.			Финит.	Афинит.
		-et	*-t*	*-et*	*-t*	*die*	*welche*	*so*		
Восток	«Die vernünftigen Tadlerinnen», 1738	1,3	1	1,6	1	1,75	1	0,25	1	0,5
	«Die Belustigungen ..», 1745	1	1	1,5	1	7	1	—	1	0,14
	«Der Jüngling», 1747	0,08	1	0,2	1	1,6	1	—	1	0,14
Север	«Der Zerstreuer», 1737	4,5	1	5,5	1	4,1	1	1,6	1	0,5
	«Der Einsiedler», 1740	8	1	6,6	1	1,87	1	0,43	1	3,5
	«Der Freidenker», 1741	1	1	1,6	1	0,6	1	0,013	1	0,27

На основании приведенных в табл. 14 данных можно сделать несколько выводов:

1. Даже в пределах изданий одного и того же типа реальное соотношение рассматриваемых вариантных форм и конструкций значительно колеблется.

2. При сравнении распределения соответствующих вариантов в нижненемецких и восточносредненемецких изданиях IV типа следует отметить, что во всех восточносредненемецких изданиях количественные соотношения вариантов относительно компактны, тогда как для разных нижненемецких изданий диапазон колебаний в количественном распределении вариантов значительно больше.

3. Нижненемецкие литературные журналы обнаруживают в целом несколько более замедленный темп реализации нормативных сдвигов.

Таким образом, существующая зависимость между количественным распределением вариантов и типом издания носит довольно свободный характер. Поэтому в жанровых разграничениях изучаемого периода не следует видеть строго фиксированных лингвистических дифференциаций, а лишь определенные тенденции к подобным разграничениям.

Заметим также, что выделенные выше лингвистические признаки, на которых базируются жанровые разграничения, не отличаются однозначностью, а большей частью пересекаются с теми различиями, которые возникают в языке в связи с воздействием на него факторов времени[10] или пространства.

[10] Ср. о сходных явлениях на материале русского языка: М. В. Панов, О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики), сб. «Развитие современного русского языка», М., 1963, стр. 33.

Подобную соотнесенность временных и жанровых разграничений можно показать, например, на восточносредненемецком материале. Данные, выражающие здесь соотношение вариантных словоформ 3-го лица ед. числа наст. вр. и причастия II сл. гл., приведенные для I и III типов изданий третьего периода (2,4 : 1 и 4,5 : 1), довольно близки к средним цифрам, характеризующим в указанном отношении все издания первого периода (3,2 : 1 и 5 : 1). С другой стороны, средние данные, выведенные нами для форм 3-го лица ед. числа наст. вр. по второму и третьему периодам, также в значительной степени совпадают с соответствующими данными, полученными для изданий II типа, относящихся к середине века (1,7 : 1 и 1,5 : 1, ср. 1,6 : 1). Лишь литературная журналистика середины века дает по всем группам явлений количественные соотношения, значительно отличающиеся от средних данных всех трех периодов, что свидетельствует о сильном продвижении нормализационных процессов именно у данного вида изданий (ср. для 3-го лица — 0,8 : 1; для причастия II — 0,9 : 1; для придаточных определительных — 27 : 7,5 : :0,5; для финитной и афинитной структур — 1 : 0,27). Таким образом, отдельные жанровые разграничения в рамках литературного языка могут интерпретироваться как различия хронологического порядка, переключенные в процессе формирования литературного языка в функциональный план.

*

Рассмотрев характер реализации нормативных сдвигов, наблюдавшихся в немецком литературном языке первой половины XVIII в., следует отметить, что они прослеживаются в периодических изданиях разных типов и различных районов. Однако при сопоставлении распределения вариантов по отдельным изданиям довольно отчетливо выявляются центральные и периферийные сферы действия данных процессов.

В территориальном аспекте их центром являлся восточносредненемецкий район: рассмотренные выше изменения начинались в восточносредненемецких изданиях, как правило, раньше и протекали здесь наиболее интенсивно и последовательно. В несколько более ослабленной форме нормативные сдвиги отражались в периодических изданиях севера Германии и особенно — в периодике южных и западных районов.

Степень воздействия нормализационных процессов на отдельные виды периодической литературы также была несколько различной, что создавало между языком разных жанров ряд дополнительных лингвистических разграничений, перекрещивавшихся с дифференциациями функционально-стилистического плана.

Так, например, грамматическая система, представленная в литературной журналистике (IV тип) восточносредненемецкого района, характеризовалась наиболее быстрыми темпами осуществления нормализационных процессов. К числу отчетливо намечающихся здесь преобразований относятся: резкое увеличение числа словоформ с вариантной флексией *-t* для 3-го лица ед. числа наст. вр. и для причастия II слабых глаголов, значительное увеличение продуктивности придаточных определительных предложений, вводимых *die*, прочно занимающих к середине столетия первое место по числу употреблений; преобладание в придаточных предложениях глагольных конструкций, включающих спрягаемую форму глагола.

Для политической периодики (типы I и III) был характерен, напротив, значительно более замедленный темп нормативных изменений: вплоть

до конца исследованного периода здесь, как правило, преобладают вариантные словоформы с *-et* в 3-м лице ед. числа наст. вр. и в причастии II слабых глаголов; преобладает также количественно тип придаточных определительных с *welche*, а число афинитных конструкций в придаточных предложениях по-прежнему очень велико.

Промежуточное положение по целому ряду признаков занимала, как правило, научная журналистика (тип II): в 3-м лице ед. числа наст. вр. и в причастии II слабых глаголов сохраняют известное преобладание (хотя и не столь значительное, как в текстах I и III типов изданий) словоформы с полным вариантом флексии; продуктивность придаточных определительных, вводимых *die* и *welche*, в среднем является здесь приблизительно равной; афинитные конструкции так же, как и для I и III типов изданий, здесь резко преобладают.

Таким образом, для восточносредненемецкой области наиболее активными носителями нормативных тенденций были, бесспорно, литературные журналы.

Однако, хотя на нашем материале и наметились известные зависимости между степенью интенсивности нормализационных процессов и типами периодических изданий, связь между развитием определенных жанров письменности и характером нормативных сдвигов не является стабильной: она в значительной степени определяется и корректируется складывающейся в том или ином районе исторической ситуацией. Следует, например, обратить внимание на то обстоятельство, что хотя данные, отражающие соотношения грамматических вариантов в текстах периодических изданий восточносредненемецкого и нижненемецкого районов разных типов в целом весьма близки, выше уже были отмечены и некоторые расхождения в характере распределения некоторых вариантов. Эти расхождения проявляются, во-первых, в разной степени «компактности» количественных данных, характеризующих отдельные типы изданий: в нижненемецких изданиях обследованные признаки комбинируются друг с другом несколько более свободно, чем в восточносредненемецкой периодической литературе, где большинство признаков дает по разным изданиям довольно однотипные соотношения. Во-вторых, некоторые нормализационные тенденции выявляются в северонемецких периодических изданиях весьма активно не только в литературной журналистике, но также в научной периодической литературе (ср., например, материал, связанный с распределением в нижненемецких изданиях придаточных определительных предложений).

Заметим вместе с тем, что в южнонемецких и западнонемецких районах, где нормализационные процессы протекали в изучаемый период в самой ослабленной форме, данные ведущие типы периодики были вообще представлены весьма ограниченным числом изданий. Именно слабое развитие литературной научной журналистики на юге и западе немецкой языковой области в известной мере и определило, с нашей точки зрения, общий замедленный темп нормализации литературного языка в данных районах, в чем, по-видимому, проявляется непосредственная связь определенных культурно-исторических и лингвистических явлений и фактов.

Таким образом, отметив неравномерность реализации нормативных сдвигов в различных жанрах письменности, наблюдающуюся в период активного становления литературных норм, следует в заключение подчеркнуть еще один момент, а именно двусторонний характер зависимости между степенью интенсивности нормализационных процессов и развитием определенных жанров письменности.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Я. МЫРКИН

ГЕНЕЗИС ГЕРМАНСКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ С АРЕАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Предпринимаемая в данной работе попытка уточнить генезис личных местоимений в германских языках исходит из тезиса ареальной лингвистики о лингвистической непрерывности и контактном развитии территориально соприкасающихся языков. Применительно к нашему материалу методические постулаты формулируются следующим образом: 1) германский язык в древнейшее историческое время граничил на востоке с балтийскими, на юго-востоке с иллирийским (мессапским) и венетским, на юге с италийскими, на западе с кельтскими языками. К числу издревле пограничных языков можно отнести также и финский язык на севере [1]. Предположительно эта расстановка соответствовала mutatis mutandis ситуации в период вычленения германского языкового континуума из группы смежных индоевропейских диалектов [2]; 2) поскольку протогерманский язык формировался в орбите названных языковых групп, будучи центральным среди них, то теоретически мы вправе ожидать, что обнаружим, в частности, изоглоссы германских личных местоимений в этих пограничных языках; 3) анализ же изоглоссовых форм личных местоимений в негерманских языках может пролить дополнительный свет на генетическую структуру германских личных местоимений, учитывая их вероятностную общность происхождения и развития.

Какие же изоглоссы германских личных местоимений можно установить в указанных языках?

1. Балтийские языки. Литов. *jūs*, др.-прусск. *joūs* «вы» — общегерм. **jūz* > гот. *jus*. Ср. также тох. A *yas*, тох. B *yes*, авест. *jūš*, др.-инд. *yūy-ám*. Литов. *vèdu* «мы (двое)», *jùdu* «вы (двое)» — общегерм. **wet^{w}a* > **wet* > гот. *wit*; общегерм. **jut^{w}a* > **jut* > гот. *jut*. Несмотря на возражения звукового порядка против подобной реконструкции последних германских форм [3], именно ареальные мотивы играют здесь решаю-

[1] По мнению Т. Карстена, приблизительно с 1000 г. до н. э.; см.: T. Karsten, Die alten nordischen und germanischen Völkerbeziehungen Finnlands im Lichte der neueren Forschung, Helsingfors, 1941.

[2] Бесспорно, конечно, что «если речь идет о доисторическом состоянии или первоначальном состоянии индоевропейских диалектов, приходится принимать в соображение возможность совершенно иной локализации индоевропейских языков» (Э. А. Макаев, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.— Л., 1964, стр. 39), но мы можем и должны пользоваться имеющимися позитивными данными. Ср. аналогичное высказывание В. Пизани, что «образование индоевропейских, семитских и т. д. диалектов является результатом конвергирования многих диалектов, которые раньше группировались совершенно иначе и участвовали в образовании совершенно другой сети изоглосс» (сб. «Общее и индоевропейское языкознание», М., 1956, стр. 19[1]).

[3] См.: W. Streitberg, Urgermanische Grammatik, Heidelberg, 1896, стр. 263—264; F. Holthausen, Wortdeutungen, Germ. *wit*, *jut*, IF, XXXIX, 1921, стр. 67.

щую роль. Имеет значение и факт типологической распространенности подобной модели личных местоимений дв. числа: «мы + два», «вы + два». Ср. в языке Маршалловых островов (Микронезия): *kij* «мы», *kij-ro* «мы (двое)» и *ruo* «два» [4]; в некоторых австралийских языках: *ńu-bal*, *yu-ball* «вы (двое)» и *bulla(r)* «два» [5]; ср. также окказиональные формы аналогичной модели в др.-исл. *vit báÞer*, в др.-англ. *wit twēzen* «мы (двое)» и т. п. [6]. Что касается затруднений в объяснении конца слова в германском, позволим себе ограничиться одной аналогией: индоевропейская энклитическая усилительная частица **-kṷe* (=лат. *que*, др.-инд. *ca*) > гот. *-(u)h*.

2. Иллирийский язык. Г. Краэ указывает на иллирийскую форму вин. падежа притяжательного местоимения: *veinan* «своего» < **sṷeį̄-no-m* или **sṷe-nā-m* [7]. Германские притяжательные местоимения ед. числа (имеющие в корневой части структуру, тождественную с личными местоимениями род. падежа) обычно реконструируются аналогичным образом: либо **meį̄-no-*, где к индоевропейской форме локатива присоединяется суффикс прилагательного *-no-* (Г. Краэ, В. Краузе, Э. Кикерс и др.), либо **me-īno-*, где *-īn-* суффикс относительного прилагательного (Ф. Клуге, Э. Прокош и др.). Мне, однако, приемлемей представляется другая точка зрения, исходящая в интерпретации генезиса германских форм из региональной индоевропейской модели личного местоимения 1-го лица ед. числа род. падежа **me-ne* (балто-славянский и индоиранский ареалы). Эта мысль была выдвинута еще Ф. Боппом [8], а затем прозвучала еще раз в интерпретации В. Пизани, видевшего в герм. **mīn* контаминацию **mī* < **meį̄* с индоевропейской основой род. падежа **mene*; из формы **mīn* форматив *-n* был по аналогии перенесен на основы **Þī* и **sī* [9]. Мотивы пространственного порядка: латинский род. падеж *mei* < **meį̄/moį̄* с одной стороны германского ареала и литовский род. падеж *manè* < **mene* с другой стороны этого ареала говорят в пользу гипотезы В. Пизани. В изоморфном плане можно указать на древнелатинский род. падеж *mīs*< < **meį̄-s*, где перед нами также двойной показатель падежа.

Что касается конечного *-a* в гот. *mein-a* и т. д., то, помимо распространенного в германистике мнения, что это *-a* является искони именным окончанием им. и вин. падежей ср. рода мн. числа и.-е. *-ā* > герм. *ō* (Г. Хирт, Ф. Дитер, Г. Краэ, Э. Кикерс и др.), следует напомнить точку зрения А. Торпа, отождествлявшего *-a* в *mein-a* с конечным *-a* в гот. *it-a*, *Þat-a* и т. п. [10], и точку зрения А. Вальде, который реконструировал германскую форму в виде **meį̄-nē*, где *-nē* равно лат. *nē* в *super-nē* «сверху», т. е. является показателем движения откуда-то, принявшим, по мнению А. Вальде, функцию род.-отложит. падежа [11]. С учетом готских наречий на *-a* (*utana* «снаружи» и т. п.), а также возможного происхождения окончания готского дат. падежа *-a* из *-ē* (ср. готский дат. падеж *hwamma*, но

---

[4] A. Thalheimer, Beitrag zur Kenntnis der Pronomina personalia und possesiva der Sprachen Mikronesiens, Stuttgart, 1908, § 129.

[5] P. W. Schmidt, Die Personalpronomina in den australischen Sprachen, Wien, 1919, § 91.

[6] Ср. попытку С. Бугге таким же образом реконструировать древнеиндийские формы личных местоимений дв. числа *āva-* «мы (двое)» (**vāva-*< **va-dva* и т. д. (KZ, IV, 1855, стр. 254).

[7] H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954, стр. 106.

[8] Fr. Bopp, Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, Berlin, 1858, стр. 142.

[9] V. Pisani, Studi sui pronomi delle lingue indoeuropee, «Rivista IGI», IX, 1925, стр. 61.

[10] A. Torp, Beiträge zur Lehre von den geschlechtslosen Pronomen in den indogermanischen Sprachen, Christiania, 1888, стр. 29.

[11] A. Walde, Die germanischen Auslautgesetze, Halle, 1900, стр. 91.

hwammēh [12]), можно предположить наречное происхождение окончания *-ā* < *ē* в германских личных местоимениях род. падежа: протогерм. **meį-n-ē* > общегерм. **mīna*.

3. Венетский язык [13]. Зафиксированные в одной надписи венет. *eXo* «я» и *meXo* «меня» соответствуют в рифмической концовке германским формам, представленным готскими *ik* — *mik*, что побудило Ф. Зоммера в 1924 г. сделать вывод о происхождении *-k* в герм. *mik* по аналогии с им. падежом *ik* (или **megom* по **egom* [14]). Мне не кажется трактовка Ф. Зоммера убедительной: в венетских формах парадигматическое выравнивание несомненно, но почему обязательно допускать выравнивание *me-Xo* по *e-Xo*, а не *meX-o* по *eX-o* [15]? Самый, однако, факт существования в смежном ареале формы личного местоимения вин. падежа с гуттуральным элементом многозначителен, ибо снимает изолированность германского вин. падежа *mik* < протогерм. **me-ge* среди пограничных языковых групп (ср. греч. ἔ-με-γε, хет. *ammug*).

4. Италийские языки. Лат. *egŏ* «я» — общегерм. **eka(n)*. Хотя гот. *ik* может в равной степени восходить к и.-е. **eg*, наличие скандинавских рунических форм *-eka*, *-ika* делает возведение к и.-е. **egom* предпочтительней, тем более, что мы имеем параллель фонетического развития в виде общегерм. **stainan* (вин. падеж) > рун. *staina* (Туне и Рё) > гот. *stain*.

Лат. *mi-hī* «мне» — общегерм. **me-k(e)* «меня». Обычно, однако, латинский дат. падеж *mihī* отождествляют с древнеиндийским дат. падежом *máhyam*, но не с готским вин. падежом *mik*, хотя мысли о тождестве частицы с гуттуральным (придыхательным или непридыхательным) элементом индоевропейских личных местоимений им., вин. и дат. падежей высказывались неоднократно [16]. В функциональном плане в качестве праиндоевропейской модели можно рассматривать хет. *ammug* «я, меня, мне» (ср. также тох. А *ñuk* «я, меня, мне» < **e-me-ge*?). В латинском и древнеиндийском языках роль «катализатора» сыграли, по-видимому, формы дат. падежа 2-го и 3-го лица **te-bhe*, **se-bhe*, ориентируясь по которым форма 1-го лица личного местоимения обобщила функцию дат. падежа и придыхание гуттурального в функциональном формативе. О соответствии латинского род. падежа *meī* — общегерм. **mī-(nē)* см. выше. Ср. также соответствие: латинский род. падеж *nos-trī* (притяжательное местоимение *nos-ter*) — общегерм. **uns-er-* (ср. еще греческое притяжательное местоимение ἡμε-τερ-ος).

Древнелатинский вин. падеж *med* — общегерманский дат. падеж **mez*. Объединение данных латинской и германской форм весьма проблематично, однако возможно. Э. Стертевант считал латинский отложительный падеж *mēd* и германский дат. падеж **mes* различной реализацией индоевро-

---

[12] W. Streitberg, указ. соч., стр. 187—188.

[13] Большое значение венетскому языку в формировании германского придавал, в частности, З. Файст; см.: S. Feist, The origin of the Germanic languages and the Indo-Europeanising of North Europe, «Language», VIII, 4, 1932, стр. 245—254.

[14] F. Sommer, Zur venetischen Schrift und Sprache, IF, XLII, 1924, стр. 131. Эта гипотеза поддержана Г. Краэ, В. Краузе, Э. Прокошем и мн. др. Ср. возражения Ф. Зоммеру: E. Hermann, Alte Probleme aus dem Gebiet des Personalpronomens, IF, LII, 1934, стр. 216.

[15] Ср.: V. Pisani, Zum armenischen Personalpronomen, IF, L, 1932, стр. 31.

[16] См.: K. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, 2, Strassburg, 1892, стр. 81; W. Petersen, The inflection of Indo-European personal pronouns, «Language», VI, 2, 1930, стр. 190; F. Specht, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1947, стр. 364—365; O. Szemerényi, Hittite pronominal inflection and the development of syllabic and nasals, KZ, LXXII, 1955, стр. 57.

пейского аблатива на **-tos/-ts*[17]. Мне представляется предпочтительней мнение Ф. Шпехта, что древнелатинский вин. падеж *med* и готский дат. падеж *mis* отражают индоевропейские деиктические частицы *t/d* и *s*[18], а неясная по условиям альтернация этих дентальных известна в индоевропейских языках. Лат. *is* «он» — общегерм. **iz* (>гот. *is*, др. -в. -нем. *er*).

5. Кельтские языки. Кельт. **swēs* «вы» (бритт. *chwi*) — общегерм. **i-zwez* (>гот. *izwis*). Генетическое тождество кельтской и германской форм едва ли должно вызвать сомнение, хотя относительно гот. *izwis* существуют и другие точки зрения, анализ которых, пожалуй, выходит за рамки данной статьи[19]. Другое дело, что общегерм. **i-zwez* входит в известное противоречие с западногерманскими формами (др.-в.-нем. *iu*, др.-англ. *ēow*). Я склоняюсь, однако, к мнению С. Бугге, что в указанных западногерманских формах произошло уподобление *z* последующему сонорному: **izw-* > **iu(u)-*[20] (ср. гот. *mizdō* «плата» — др.-англ. *mēd* (также и *meord*), др.-сакс. *mēda*, др.-в.-нем. *mēta*, *miata*, несмотря на возражение многих исследователей, что такая фонетическая корреспонденция не доказана. Я не вижу другой возможности объяснения геминированного *ww* в др.-в.-нем. *iuwih*<**iu(w)*, кроме объяснения посредством ассимиляции [21].

Иногда в интерпретации германского дат. падежа — гот. *mis*, др.-в.-нем. *mir* и т. д. указывают на усилительные энклитические частицы в кельтском: др.-ирл. *-se*, *-su*, *-sa*, часто присоединяемые к личным местоимениям, ср. *meisse* «я же», *tussu* «ты же» и т. п. [22].

Таковы изоглоссы германских личных местоимений в смежных языковых группах [23]. Не упомянуты были повсеместные индоевропейские основы личных местоимений 2-го лица ед. числа **tŭ* (им. падеж), **te-* (косв. падеж), 1-е лицо мн. числа **ns* (косв. падеж). Не имеет соответствия в соприкасающихся ареалах единственная германская основа гот. *weis* «мы» (ср. др.-инд. *vayám*, хет. *weš*, тох. В *wes*).

К явлению последнего рода некоторые исследователи относят и гот. *þuk* «тебя», *þus* «тебе», указывая в качестве генетической изоглоссы на хет. *tug*[24]. Тем не менее здесь почти бесспорно перед нами независимые друг от друга отклонения от индоевропейского узуса, причем возникшие, надо полагать, в совершенно разное время [25].

---

[17] E. H. Sturtevant, The ablative in Indo-European and Hittite, «Language», VIII, 1932, стр. 8—9.

[18] F. Specht, указ. соч., стр. 365.

[19] Можно указать на работу обобщающего характера: H. Flasdieck, Ae. *ēow*, «Anglia», LVII, 2, 1933, стр. 208—215; см. также: «Сравнительная грамматика германских языков», III, М., 1963, стр. 346—347.

[20] S. Bugge, Die Formen der geschlechtslosen persönlichen pronomina in den germanischen Sprachen, KZ, IV, 1855, стр. 252.

[21] Ср. объяснение геминаты в данных западногерманских формах Э. Прокошем из закона Хольцмана; см.: Э. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 310.

[22] См.: F. Dieter, Laut- und Formenlehre der altgermanischen Dialekte, II, Leipzig, 1900, стр. 551, примеч. 2.

[23] Из контактных явлений более позднего периода я обратил бы внимание на др.-ирл. *hé* «он» и др.-англ. *hē*, на фин. *hän* «он» (<* *sān*) и др.-швед. *han* (< *hen?*), хотя, вероятнее всего, это всего лишь совпадения.

[24] Ср., в частности: G. Bonfante, Encore de la place du hittite parmi les langues indo-européennes, IF, LV, 1937, стр. 131.

[25] Обычно гот. *þuk*, *þus* объясняют изменением гласного по аналогии с им. падежом *þu*; ср. также попытку фонетической интерпретации готских форм: G. Liebert, Die indoeuropäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie, Lund, 1957, стр. 67, примеч. Что касается хет. *tug*, то объяснение здесь еще затруднительнее, поскольку в им. падеже мы имеем в хетском беспрецедентную форму *zig* «ты». Э. Стертевант, постулируя протоиндохеттское состояние, считал, что огласовка *u* была характерна для косв. падежа, а *e* для им. падежа личного местоимения 2-го лица (E. H. Sturtevant, E. A. Hahn, A comparative grammar of the Hittite lan-

И, наконец, совершенно не имеет соответствий в других индоевропейских языках общегерм. **unkez* (>гот. *ugkis*) и **inkwez* (>гот. *igqis*) — личные местоимения дв. числа косв. падежа, считаемые германскими новшествами, которые следовали в своей структуре соответствующим местоимениям мн. числа $\frac{in\text{-}s\text{-}is}{iz\text{-}w\text{-}is} = \frac{un\text{-}k\text{-}is}{in\text{-}k\text{-}w\text{-}is}$ где *-k-* из местоимения вин. падежа ед. числа **me-k* (так в грамматиках В. Штрайтберга, Г. Краэ, Р. Лёве, В. Краузе и др.). Несколько иначе трактует данные формы В. Пизани. По его мнению, в германском существовали индоевропейские основы местоимений дв. числа **ne* (1-е лицо) и **ue* (2-е лицо). Но модифицированная в германском основа 1-го лица **unk* стала осознаваться как показатель дв. числа безотносительно к лицу. Поэтому она была префигирована к основе 2-го лица **ue*: **unk-ue* и лишь впоследствии начальный гласный в форме 2-го лица дв. числа был преобразован по форме 2-го лица мн. числа: **unku-* > **enku-* > **inkū-* [26]. Существует и другая, на мой взгляд, интересная гипотеза, впервые предложенная С. Бугге, который исходил и в объяснении основы 1-го лица дв. числа **unk-* из основы на **u-*. С. Бугге правильно подметил, что интервокальный *-u-* часто переходит в германских языках в *kw*, *k*, а носовой инфикс нередко появляется перед гуттуральными [27]. Не будем цитировать приводимые С. Бугге примеры, ибо указанное им явление теперь хорошо известно под именем «Verschärfung» и решается, хотя далеко не бесспорно, на основе ларингальной теории. В этом плане можно указать на построение прагерманской формы личного местоимения 2-го лица дв. числа Г. Либертом: **iwH* > **ik(k)* и т. п. [28]. Но в целом такое решение вопроса лежит пока за пределами досягаемого.

*

Итак, германские личные местоимения в подавляющем большинстве хорошо вписываются в смежные языковые группы, что дает дополнительные возможности в исследовании генезиса данного класса слов. Между тем этот факт служит частным свидетельством того, что германский языковой континуум мог формироваться на территории, ограниченной рассматриваемыми языками, и что «вычленение германской языковой общности из западного ареала индоевропейских языков имело место в относительно позднее время» [29].

---

guage, I, New Haven, 1951, § 170 b). Э. Бенвенист продолжил эту мысль, предположив, что контраст *e* : *u* имел в древности морфологическое значение соответственно для им. и косв. падежей, включая и личное местоимение 1-го лица («Language», XXIX, 3, 1953, стр. 260). Более осторожно трактует суффикс *-u-* В. В. Иванов, считая, что он в общеиндоевропейском имел «скорее деривационное, чем реляционное значение» (В. В. Иванов. Хеттский язык, М., 1963, стр. 138)

[26] V. Pisani, Studi..., стр. 58—59.

[27] S. Bugge, указ. соч., стр. 253—254.

[28] G. Liebert, указ. соч., стр. 105. Следует заметить, что к построениям Г. Либерта в указанном сочинении следует подходить с большой осторожностью и критичностью.

[29] «Сравнительная грамматика германских языков», I, М., 1962, стр. 18.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

Г. М. РАЙХЕЛЬ

ВЫРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К КЛАССУ ОДНОРОДНЫХ ПРЕДМЕТОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Описательные грамматики, как и специальные исследования дают большой материал о фактическом употреблении каждого из двух английских артиклей — определенного и неопределенного. Однако уже при толковании значений каждого из этих артиклей, а также случаев «отсутствия» артикля возникают трудности, приводящие или к отказу от теоретического осмысления проблемы артикля, или к самым различным взглядам на его природу.

Теория артикля предполагает ответы на следующие основные вопросы: 1) каково значение каждого артикля?; 2) принадлежит ли это значение собственно артиклю или сообщается им существительному?; 3) имеет ли данный артикль одно и то же общее значение в различных случаях функционирования?; 4) имеется ли в каждом из артиклей общее всем артиклям значение? Ответы на эти вопросы приводят к выводам относительно того, является ли артикль единицей лексики или грамматики, а также и относительно количества артиклевых значений (и артиклей) в английском языке.

Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой в основе различения артиклей лежит значение определенности — неопределенности (О. И. Москальская, М. М. Галинская, И. Крамский, А. М. Мухин, Дж. Керм, О. Есперсен, Е. Крейзинга и др.).

С другой стороны, многие исследователи отмечают неудовлетворительность этой концепции и пытаются выявить иную основу артиклевых значений. Так, М. В. Никитин полагает, что в артиклях выражается категория частного и общего [1]; для Г. Н. Воронцовой артикль указывает «на характер ситуативной отнесенности обозначения (имени) к обозначаемому (предмету)» [2]; Г. П. Богуславская пытается найти решение вопроса, соотнося артикли с понятиями общего, отдельного и единичного [3]. П. Кристоферсен соотносит артикли со значениями известности (familiarity) и единения (unity) [4].

Теория определенности — неопределенности, а также и другие попытки найти основание для членения артиклевых значений не представляются убедительными, поскольку они исходят из наличия д в у х артиклей-

---

[1] М. В. Никитин, Категория артикля в английском языке, Фрунзе, 1961, стр. 56.

[2] Г. Н. Воронцова, Об артикле в английском языке, сб. «Иностранные языки в высшей школе», 3, М., 1964, стр. 40.

[3] Г. П. Богуславская, К вопросу о категории определенности и неопределенности (на материале английского языка), «Уч. зап. Чарджоуск. пед. ин-та», 4, 1958, стр. 185.

[4] P. Christophersen, The articles, Copenhagen, 1939, стр. 70.

слов и потому оставляют вне системы артиклей многие случаи, когда существительное выступает без *a(n)* или *the* [5].

Многие исследователи сходятся на том, что определенный артикль указывает на выделение предмета из класса однородных предметов. Именно выделение предмета является единственным значением определенного артикля. Желательно говорить о выделении, избегая выражений типа «указание на предмет» (А. Ф. Родионов) и даже «индивидуализация предмета» (Ф. А. Литвин и др.), потому что противопоставление указательность — неуказательность туманно, а индивидуализации противостоит обобщение, которое не передает значения неопределенного артикля. Однако если выделение из класса есть значение определенного артикля, то случай, когда *the* употреблено с существительным, указывающим на «предмет как знакомый, без выделения его из числа однородных» [6], нельзя признать случаем употребления определенного артикля. И в лексике, и в грамматике одна и та же материальная (звуковая) единица в двух различных значениях (в данном случае: выделение — невыделение) образует два слова (омонимы) или две омонимичные формы (морфемы). Поэтому нельзя видеть в определенном артикле два различных значения. Очень ясно это противоречие выступает в книге А. И. Смирницкого: «Он (определенный артикль. — *Г. Р.*) характеризует предмет, обозначаемый существительным, как известный конкретный предмет [7], выделяемый из всего класса однородных с ним предметов» (разрядка моя.— *Г. Р.*) [8]. Известность — неизвестность не являются основой различения артиклей. И существительное с неопределенным артиклем может называть «известный предмет». «Известный» не обязательно «выделенный из класса», хотя «выделенный» можно понимать как известный. Понятие об известном предмете оказывается более широким, чем понятие «выделенный из класса», и эти понятия не могут вместе служить характеристикой того же артикля. Поэтому мы полагаем, что в случаях, где нет выделения из класса (*the sun*, *the moon*, *the North* и пр.), *the* не является определенным артиклем. Вопрос о том, как понимать *the* в *the sun* и пр. закономерен и во всех других случаях, где «определенный артикль» есть, а выделения из класса нет, как в *the Thames*, *the United States* или *the beautiful*.

Б. А. Ильиш находит, что в *the Crimea* и т. п. артикль стал «бесспорно лексическим элементом» [9], а А. Ф. Родионов полагает, что в *the beautiful* артикль «выступает как средство словообразования» [10]. Это свидетельствует о необходимости отграничить артикль от случаев, когда *the* нельзя считать артиклем. При отграничении различных *the* друг от друга мы должны помнить о решающем влиянии содержания на грамматическую природу материальной формы. Определенный артикль (*the*) можно усматривать только там, где *the* передает его значение — выделение из класса однородных предметов. В других случаях следует определить природу этого *the*.

---

[5] Г. П. Богуславская говорит о трех артиклях, однако понятие общего у нее выражается двумя артиклями — определенным и нулевым; с другой стороны, определенный артикль выражает два понятия — общего и единичного (см.: Г. П. Богуславская, указ. соч., стр. 186 и др.), и основа артиклевого деления оказывается неясной.

[6] Б. А. Ильиш, Современный английский язык. Теоретический курс, 2-е изд., М., 1948, стр. 121.

[7] Ср. у П. Кристоферсена «знакомость» предмета (P. Christophersen, указ. соч., стр. 70) или у Г. Н. Воронцовой «ситуативная связанность», когда «предмет оказывается знакомым» (Г. Н. Воронцова, указ. соч., стр. 42).

[8] А. И. Смирницкий, Морфология английского языка, М., 1959, стр. 380.

[9] Б. А. Ильиш, указ. соч., стр. 123.

[10] А. Ф. Родионов, О взаимодействии артикля с семантикой существительного в современном английском языке, «Уч. зап. [Курск. пед. ин-та]», 6, 1957, стр. 163

В *the beautiful* или *the wounded* «the» — словообразовательная морфема. В *the Hague* или *the Thames* «the» — своеобразный элемент, без которого слово не существует. Нелегко определить взаимоотношение частей такого слова. Для нас важно установить, что в этих случаях *the* не артикль. Но в случаях *the horse is a domestic animal*, где *the horse* = «лошадь вообще» (биологический вид), т. е. класс лошадей, *the Browns* (вероятно, и *the Alps*) мы видим определенный артикль и именно потому, что здесь перед нами прежде всего выделение из класса подобных (отношение вида к роду: лошадь — животное), а потом уже обобщение, описательность и пр.

Значение неопределенного артикля — «классификация», т. е. выражение принадлежности предмета, названного существительным, к классу однородных предметов. Существительное с неопределенным артиклем называет класс предметов, к которому относится данный предмет (предметы). Такое или сходное понимание значения неопределенного артикля мы находим в указанных работах А. И. Смирницкого, Б. А. Ильиша и др., а также у П. Кристоферсена и Дж. Бартона [11].

Является ли предмет, названный существительным, новым для слушающего или известным, находился ли этот предмет до этого в поле его зрения или нет, осведомлен ли слушающий об этом предмете или нет — все это не имеет никакого отношения к значению неопределенного артикля. Именно поэтому существительное с неопределенным артиклем может называть предмет «находившийся до этого в поле его зрения», о котором слушатель вполне осведомлен: «I faced the horror of the evening with more bravery than I expected because *a new dress* and all made me feel...» (L. Baker, The boy next door) «Ужасную ситуацию, сложившуюся на вечере, я встретила с большей отвагой, чем ожидала, так как *новое платье* и все прочее заставляло меня чувствовать...». Здесь *a new dress* называет платье, которое было на девушке, т. е. вполне определенный предмет.

Итак, основа артиклевого противопоставления выявляется как различное отношение предмета, названного существительным, к классу однородных предметов; при этом определенный артикль выделяет, а неопределенный — относит предмет к классу однородных предметов. Выделение из класса и отнесение к классу — два различных частных значения общего значения отношения к классу.

Обычно неопределенный артикль отождествляется с материальной формой *a* (*an*). Однако нельзя не видеть, что то же значение «отнесения к классу», т. е. значение неопределенного артикля, может выражаться и в существительном в форме мн. числа, перед которой артикль *a*(*an*) не может употребляться. От того, как понимать эту «безартиклевую форму» зависит решение всех ключевых вопросов проблемы артикля. Между тем исследователи часто ничего не говорят об артикле в форме мн. числа существительного (как в книге А. И. Смирницкого), или видят здесь отсутствие, опущение артикля [12], или же пытаются обосновать понимание «безартиклевой формы» мн. числа существительного. Т. Н. Сергеева занимает в этом вопросе двойственную позицию, усматривая в указанном случае «значащее отсутствие артикля», но отмечая, что «этот случай можно также осмыслить и как нулевую форму неопределенного артикля» [13]. Однако фактически здесь речь идет о разных вещах: «значащее отсутствие» имеет в виду отсутствие двух артиклей (определенного и неопределенного) и их значений, а «нулевая форма» утверждает присутствие неопределенного артикля, но в

[11] J. Barton, L'emploi de l'article en anglais, «Traduction automatique et linguistique appliquée», Paris, 1964, стр. 231.

[12] Ср.: J. Barton, указ. соч., стр. 238.

[13] Т. Н. Сергеева, О значащем отсутствии артикля перед именами существительными в современном английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1953, 1.

нулевой форме. Б. А. Ильиш близко подходит к пониманию нулевой формы неопределенного артикля: «...отсутствие артикля при существительном во множественном числе соответствует неопределенному артиклю при существительном в единственном числе» [14]. Мы вправе говорить о нулевой форме неопределенного артикля именно потому, что существительное во мн. числе имеет такое же артиклевое значение, что и существительное с неопределенным артиклем в ед. числе: в обоих случаях предмет (предметы) относится к классу однородных предметов, разница между *a* и нулем звука — в дополнительном значении числа. Это две числовые формы неопределенного артикля.

Переходим к вопросу о природе артикля. Большинство исследователей считает артикль словом или служебным словом. Б. А. Ильиш полагает, что «... служебной функции в строе предложения он (артикль.— *Г. Р.*) также, по-видимому, не выполняет, а поэтому причисление его к служебным словам вызывает сомнения» [15]. Б. А. Ильиш колеблется между двумя крайними взглядами на природу артиклей, хотя система трех артиклей-морфем и представляется ему более предпочтительной [16]. М. В. Никитин говорит «о категории артикля как о грамматической категории существительного», но считает артикль «отдельным словом по той причине, что артикль способен выступать отделенным от существительного...» [17]. Можно указать и на случаи категорического отнесения артикля к морфемам. Это известная теория Ж. Вандриеса [18]. В советском языкознании сделана попытка обосновать сущность артикля как морфемы в статье М. Д. Фридмана, который полагает, что «грань между отдельным словом и морфемой слова нужно проводить... в зависимости от того, может ли данная грамматическая единица сама быть эллиптическим предложением» [19]; если да, то это слово. Но этот критерий весьма ненадежен. Как быть со многими союзами (*и*, *но*, *или* пр.), разве это морфемы? Артикль действительно не может быть эллиптическим предложением. Но одной отрицательной характеристики недостаточно для определения существа явления. П. Кристоферсен говорит о словах *a* и *the*, но он близко подходит к признанию трех артиклей-морфем, утверждая, что имеются три возможные формы существительного: нулевая форма, *a*-форма и *the*-форма. Он отказывается рассматривать вопрос о природе артикля, но сочувственно относится к взглядам Вандриеса и Ельмслева, считающих артикли морфемами [20].

Если иметь в виду не только «положительные» артикли (*the* и *a*), но и нулевую форму неопределенного артикля, то система:

	ед. ч.	мн. ч.
неопределенный артикль	*a* (*n*)	нуль
определенный артикль	*the*	*the*

может быть понята только как система морфем. Разумеется, артикль — не обычная морфема, которую мы привыкли видеть в синтетических языках.

Следует отметить, что попытки А. И. Смирницкого доказать, что нулевой артикль — тоже слово, оказались неубедительными, причем и некоторые критики этой концепции вместе с теорией трех артиклей-слов «выбросили» и теорию трех артиклей. В книге А. И. Смирницкого нулевой артикль

[14] B. Ilyish, The structure of modern English, M.— L., 1965, стр. 59.
[15] Б. А. Ильиш, Значение и функции слов в предложении, «Труды Горьк. ГПИИЯ», XX, 1960, стр. 231.
[16] B. Ilyish, The structure of Modern English, стр. 61.
[17] М. В. Никитин, указ. соч., стр. 49, 55, 56.
[18] Ж. Вандриес, Язык, М., 1934, стр. 137.
[19] М. Д. Фридман, О морфемном характере артикля, ВЯ, 1962, 5, стр. 112.
[20] P. Christophersen, указ. соч., стр. 22—24, 80—81.

характеризуется следующим образом: «Нулевой артикль употребляется тогда, когда предмет, обозначаемый существительным, берется вне какого-либо соотнесения и сопоставления с классом предметов (разрядка моя. — *Г. Р.*), то есть тогда, когда отсутствует как момент классификации, так и момент индивидуализации»[21]. «Момент классификации» — это то, что мы называем отнесением к классу, т. е. это значение неопределенного артикля; «момент индивидуализации»—это то, что следовало бы называть выделением из класса, т. е. это значение определенного артикля, а «вне какого-либо соотнесения и сопоставления с классом предметов» — это значение нулевого артикля. Таким образом, вырисовывается то общее значение (категориальное), которое лежит в основе частных значений каждого из трех артиклей — это отношение предмета, названного существительным, к классу однородных предметов.

Определенный и неопределенный артикли выражают каждый по своему положительное отношение предмета к классу однородных предметов, нулевой артикль выражает отрицательное отношение предмета к классу предметов. Получается система артикля как грамматической категории существительного, представляющей собой абстракцию от трех частных грамматических значений.

Эта система артикля отражает очевидный факт современного английского языка: ни одно существительное не выступает в речи без артиклевого значения. Английское существительное или оформленно артиклем, или же артиклевое значение выражается с помощью лексического значения местоимений или числительных. Здесь нас интересует только оформление существительного артиклями. Любой случай употребления одного из трех артиклей объясняется изложенной выше системой артиклевых значений. Однако язык находится в постоянном развитии и возможны переходные случаи, когда артиклевое значение существительного не ясно. При неопределенном артикле таких трудностей почти нет (здесь следует отграничить неопределенный артикль от случая, когда *a* сохраняет значение числительного «один»). О необходимости отграничивать определенный артикль (*the* [1]) от его омонима (*the* [2]) мы говорили выше. Что же касается нулевого артикля, то его нужно отграничить от других случаев «без артикля». О нулевом артикле можно говорить только тогда, когда существительное называет предмет, мыслимый вне связи с классом однородных предметов. Поэтому сюда подходят, с одной стороны, абстрактные существительные или названия веществ (в общем виде), а с другой стороны — случаи крайней индивидуализации: имена собственные, обращения. При анализе случаев «отсутствия артиклей» перед предметными существительными следует к случаям нулевого артикля относить только то, что соответствует его содержанию.

Итак, определенное и неопределенное артиклевые значения существительного — частные значения грамматической категории отношения к классу однородных предметов. Оба эти значения, каждое по своему, выражают положительное отношение предмета к классу однородных. Отрицательное отношение к классу однородных предметов — третье частное значение упомянутой грамматической категории. В этом случае существительное оформлено нулевым артиклем.

[21] А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 385.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

В. В. КОЛЕСОВ

УДАРЕНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ СОЧЕТАНИИ С «ЕРОВЫМ» ПРЕДЛОГОМ

В русской акцентологии хорошо известна оттяжка ударения с флексии на корень в предложно-падежной форме с односложным предлогом, содержавшим |ъ| — в форме дательного падежа единственного числа имен существительных женского рода*-*а*-основ: ср. *къ зи́мѣ*, но *по зимѣ̀*. На этом явлении останавливался Л. Л. Васильев, приведя некоторые примеры из древнерусских памятников[1]. Он сделал справедливый вывод, что в сочетании с «еровым» предлогом в древнерусских и современных русских говорах[2] сохраняется древнее общеславянское ударение. Действительно, в некоторых говорах сербскохорватского языка подобное ударение выступает и без предлога: дат. ед. *во̏ди*, *зе̏мљи*, *го̏ри* — *гла̂ви*, *ду̂ши*, *руци* [3].

Сербскохорватские данные служили решающим аргументом (в то время, когда сербский материал клался в основу реконструкции общеславянской акцентологической системы), например для А. А. Шахматова [4], а Ф. Е. Корш на этом основании даже реконструировал ударение дательного падежа в тексте «Слова о полку Игореве»: *го́ловѣ*, *зе́мли* (также *по́ земли*)[5].

Для древнерусского языка, как и для современных русских говоров, характерно сохранение старого ударения в сочетании с предлогом *къ*, ср.: *к во́дѣ* Ч. 64а [6] (но *по водѣ̀* Пч. 84б, Каз. 39 и др.), *к го́рѣ* у П. Берынды и Зизания, *къ до́рѣ* Зап. 166, 223б (ср. *к дорѣ̀* Св. 209, 210), *к зе́мле* Др. I. 576, *к зе́мли* Шум. 286, Сб. 1464 : 77, Пч. 140б (ср. беспредложный датель-

---

[1] См.: Л. Л. Васильев, К истории звука ѣ в московском говоре в XIV—XVII вв., ИОРЯС, X, 2, 1905, стр. 213—214.

[2] Примеры из современных русских говоров см. в книге: С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, I — Единственное число, Л., 1927, стр. 264—265.

[3] Подборку материала см. в двух статьях А. Пецо: Акценат именица женскога рода типа *гла́ва*, *ви́ла* («Наш језик», Нова серија, XII, 1—2, Београд, 1962); Акценат именица женскога рода типа *во̀да*, *ко̀за* (там же, XII, 7—10).

[4] А. А. Шахматов, К истории звуков русского языка, ИОРЯС, VI, 4, 1901, стр. 270: в древнерусском языке таких примеров «было значительно больше», чем в современных русских диалектах.

[5] Ф. Е. Корш, «Слово о полку Игореве», СПб., 1909, стр. XXXIV. Исконность ударения на основе в дательном падеже предполагали многие ученые; ср., однако, сомнения Н. Ван-Вейка в книге «Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssystem», 2 Aufl., 1958, стр. 48, 76.

[6] В статье приняты следующие сокращения для древнерусских рукописей: Ав.— Житие протопопа Аввакума (автограф), Б-ка АН СССР (БАН), собр. В. Г. Дружинина № 746; Арифм.—Арифметика XVII в., Гос. публичная б-ка им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Q, IX, 43; В.— Вкладная и кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, начало XVII в., ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря (Кир.-Бел.) 78/1317; Новг. — Голицынский том Лицевого свода XVI в., ГПБ, F, IV, 225, Гр. — Грамматический сборник XVI в., Кир.-Бел. 91/1168; Д.— Хождение игумена Даниила, последняя четверть XVII в. (Сенная Губа), БАН, собр. Г. Ф. Нефедова № 3; Дом.— Коншинский список Домостроя XVI в., ГПБ, Q, XVII, 149; Др. — Летописец Древний, вторая половина XVI в., I и II части, БАН, 31 7.30; Ж.— Житие Павла Обнорского XVII в., ГПБ, собр. Н. Я. Колобова № 488; Зап.— Записная книжка монаха, конец XVI — начало XVII вв. (Кубенское озеро), ГПБ, Q, XVII, 67; Каз.— Казанская история XVII в., ГПБ, Q, IV, 170; Кар.— Сборник конца XVII в. из Карелии, Ин-т

ный: *еже быти тобѣ въ спсние до послѣдних зе́мли* Ч. 68а, *стоитъ пупъ есть всеи зе́мли* Кор. 3б — а также оттяжку в примерах типа *легъ по́ земли* Кор. 168, 191б), *к зи́мѣ* Ведомости 1703, 149 (ср. в «дательном самостоятельном»: *понеже зи́мѣ належащи...* Сб. 1393: 63, но *зимѣ* Ч. 78 г, Дом. 69, Пч. 183 и др.), ударение *къ Мо́скве* последовательно во всех русских памятниках до XVIII в. (примеры многочисленны), *к ро́тѣ* Новг. 376, Каз. 89 (при обычном *ходятъ к ротѣ*, *зовут ротѣ* и под.), *к ру́ке* Ав. 238б (два раза), Ведомости 1703, 211 (ср. *по рукѣ* Ав. 278б, *по руцѣ* Х. 392), *к сто́роне* Учение и хитрость ратнаго строения Пехотных людей 9б, 109б, 150, *к сте́не*, Леч. 179 (ср. *по стенѣ* Пал. 120б и др.); любопытно колебание (двойное ударение) в двух рукописях, исследованных В. Р. Кипарским: *звѣздѣ* и *рѣцѣ* (автор не указывает контекста) [7].

Высказывались предположения, что и в некоторых иных формах подвижной парадигмы ударение на корне могло быть первоначальным, по крайней мере в некоторых словах мужского рода в форме местного падежа единственного числа. Л. Л. Васильев, сопоставляя такие примеры с ударением в словенском языке, допускал, как исконное, ударение в случаях типа *въ ско́тѣ*, *въ ство́лѣ* [8]. Ср. также некоторые примеры с именами существительными женского рода в том же падеже: *в во́дѣ* Ч. 41г (*на водѣ* Ав. 309б, М. 307, *о водѣ* Леч. 14, 27 и под.), *в зе́мли* Ч. 62г, 63а, 67в. Х. 324, Новг. 262, 372б и др., но (оставаясь в пределах тех же рукописей) *на земли* Ч. 59г, 151а, Х. 235б, 429, Голиц. 827 и под., *в зи́ме* Сб. 23: 160, но *о зимѣ* Ч. 141б, а также в беспредложном локативе: *взяша градъ... зи́мѣ мсца февраля* Др. 1. 97б, *нощию зи́мѣ Х.* 581б, *да зи́мѣ игуменъ и старцы ездили на Москву* В. 2б, 3б, также 3,4 (примеры из В. — в записи за 1521 г.); *в рѣцѣ потопи* Кар. 69б, но *на рецѣ* Др. I. 391б, 640б и т. д. Все эти примеры интересны тем, что наряду с общей для древнерусских памятников особенностью (сохранение старого ударения в сочетании с «еровым» предлогом) здесь нахо-

русской лит-ры, Кар. 6; Кор.— Хождение Трифона Коробейникова XVII в., Ин-т русской лит-ры, УЦ № 6; Курб.— Сочинения А. Курбского XVII в. ГПБ, Q, IV, 54; Кормч. — Кормчая 1517 г. (Тверь), ГПБ, F, II, 74; Л. Лечебник XVII в., ГПБ, собр. П. Н. Тиханова № 697; Лапт.— Лаптевский том Лицевого свода XVI в., ГПБ, F, IV, 233; Леч. — Лечебник XVII в. (Шуя), ГПБ, собр. Н. Я. Колобова № 649; М.— Минея, середина XVII в. (Пинега), собр. автора; Мудр.— Повесть о семи мудрецах, середина XVII в., БАН, 45.9.13; Нв.— Новгородская летопись начала XVII в., БАН, 34.4.32; Новг.— Голицынский список IV Новгородской летописи XVI в., ГПБ, Q, XVII, 62; Об.— Обиход Кирилловского монастыря конца XVI в., ГПБ, собр. Софийской б-ки (Софийск.) 1516; П.— Иконописный подлинник XVII в., ГПБ, Q, XVII, 36; Пал.— «История...» Авр. Паленицына XVII в., ГПБ, Q, IV, 352; Пс. — Псалтырь XV в., ГПБ, собр. М. П. Погодина (Погод.) № 86; Пт.— Псалтырь XVI в., ГПБ, Софийск. 69; Пч.— Пчела 1640 г. (Вологда), ГПБ, Кир.-Бел. 114/1191; Сб. 1409 — Сборник XVI в., ГПБ, Софийск. 1409; Сб. 1464 — Сборник XVI в., ГПБ, Софийск. 1464; Сб. 1393 — Сборник XVI в. (Соловки), ГПБ, Софийск. 1393; Сб. 1611 — Сборник XVII в. с сочинениями Пересветова, ГПБ, Погод. 1611; Сб. 23 — Сборник XVII в., F, XVII, 23; Св. — Стоглав 1551 г., 1645 г. (Серпухов), ГПБ, Q, II, 102; Сг. — Стоглав 1551 г. XVII в., ГПБ, Q, II, 80; Сим.— Симеоновская летопись XVI в., БАН, 16.8. 25; Соф.— Софийская I летопись середины XVI в. (Вологда), БАН, 34. 2. 31; У.— Соборное уложение 1649 г., рукописный список 1728 г., ГПБ, F, II, 11; Уст.— Жития Прокопия и Иоанна устюжских конца XVII в. (Великий Устюг), БАН, 45. 10. 2; Фл.— «История...» Иосифа Флавия второй половины XVII в., БАН, Арх. Д., № 447; Х.— Хронологический том Лицевого свода XVI в., БАН, 17. 17. 9; Хр.— Хронограф второй половины XVI в., ГПБ, Погод. 1404а; Ч — Чудовский новый завет 1355 г. (Москва); Шум.— Шумиловский том Лицевого свода XVI в., ГПБ, F, IV, 232.

[7] См.: V. Kiparsky, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962, стр. 207, 215.

[8] См.: Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков, Л., 1929, стр. 112 и 114.

дим древнейший беспредложный локатив, сохраняющий, очевидно, исконное ударение, как это обычно для слов наречного характера. Поэтому, между прочим, приходится отказаться от мнения, согласно которому ударение *къ зи́мѣ* возникает как необходимость различать формы дательного и местного падежей (*зимѣ̀*) [9]: обе формы отражают древнейшую баритонезу как с предлогом, так и без него. Решительно говорить об исконной принадлежности формы местного падежа единственного числа к «сильным» падежным формам на основании только приведенных примеров было бы рискованно, однако баритонеза отдельных имен существительных в местном падеже возможна и доказывается переносом ударения на предлог, ср. *на́ земли* Ч. 104а, 111б и мн. др., Др. I. 104б, Лапт. 310, Хр. 11б, 233, св. 221 и мн. др.[10], а также *стояше ... о̀ рецѣ* Др. II. 731б, приводимое М. А. Колосовым олонецкое *на́ горе* и под. [11].

Изучение достаточно обширного древнерусского материала показывает, что все приведенные примеры представляют собою частный случай более широкой закономерности: в древнерусском языке оттянутое на корень ударение возможно при любом «еровом» предлоге в любой форме имени существительного. «Еровым» для краткости называется здесь односложный предлог с исконным /ъ/; к предлогам *въ*, *къ*, о которых уже шла речь, добавляется, таким образом, еще один, именно предлог *съ*.

I. При «еровом» предлоге сохраняется исконное ударение в словах, принадлежащих к баритонированной акцентной парадигме: *с кра́я* Лапт. 806б, П. 26, 113б, *с кра́ю* Зап. 189, П. 198б, но — *от де́нного края̀* П. 191б, *от другого края̀* П. 191б, *до края̀* Фл. 174, 283, ср. в более ранней рукописи *до кра́я* Ч. 23в и ударение в чакав. (Нови) *krȁja* [12]; *с у́тра* Св. 180б, Пал. 241, Леч. 170, но *от утра̀* Сб. 1409: 180б, ср. чакав. *jȕtra* [13]; *с го́стемъ* Арифм. 109б, но *первымъ госте́мъ* Арифм. 119, ср. чакав. *gȍstōn* [14]; *бу́ря с ви́хромъ и з гра́домъ* Др. II. 864б, но *уби́ градо́мъ* Пс. 105 [15]; *в ро́сты даютъ* Сг. 38(2), 186б, но *лихоимание и росты́* Зап. 60б, *илѝ росты̀ или мыта̀ всякия неподобныя дъла̀* Дом. 41; ср.: кайкав. *rȁosta*; (жить) *немятежно в ро́ды и роды̀ во многие лѣта* Зап. 217б, ср. в *ро́ды и ро́ды* Св. 278б при обычном в древнерусских памятниках ударении *ро́ды*, это имя существительное также в твор. мн. с *ро́ды* Новг. 115, Сг. 35, хотя уже в Ч. *роды̀* 125 г, но во всех позднейших рукописях *ро́ды*, то же в *ро́дѣхъ* Пс. 682, но о *родѣ́хъ* Фл. 11 и под., в сербских кайкав. и чакав. (Нови) баритонеза этого слова; *к го́стемъ* Дом. 100, но *госте́мъ новгородцемъ* Шум. 509, ср. чакав. *gȍstōn*, *в го́стехъ* Дом. 113, но *о гостѣ́хъ* Сг. 122б (2), ср. чакав. *gȍstīh*; *къ му́жемъ* Ч. 65б и др., также Курб. 123, но *муже́мъ и дѣ́темъ* Курб. 172б (также: *недостоитъ му́жемъ рыцарскимъ сваритися* Курб. 174) и т. д. (без предлога обычно ударение на флексии), в сербских кайкав. и чакав. баритонеза, ср. дат. мн. чакав. *mȕžōn*, кайкав. *mȍužem*; такая же баритонеза в этих говорах у существительного *око*, ср. в *о́чахъ* Леч. 30, 34, но *на оча́хъ* Леч. 9, 11б, *о оча́хъ* Леч. 5б, 41б (чакав. *ȍcih*).

II. При «еровом» предлоге сохраняется исконное ударение в некоторых формах подвижной парадигмы: *в го́ру* Ч. 14г. 44б, 45в, *чл҃вка з го́ру* Зап. 115б, *в го́ру* Пал. 116, но *на гору̀* Ч. 44а, Зап. 51б, 134б, Пал. 77, 240; *в ы́збу* Ав. 209, Ср. 55, Ж. 110, но *в свою избу̀* Ав. 198, *в пустую избу́* Ав. 222; *воврещѝ в рѣ́ку* Соф. 405, но *за реку̀* Соф. 337, 412б, *по рѣку̀* Соф. 452б, *в полную рѣку̀* Соф. 360б и под.; ср. чакав. *rêku*; иногда это слово относят к окситонированной парадигме или выделяют в качестве особого

[9] См.: П. Я. Черных, Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия, I, Иркутск, 1927, стр. 64.

[10] Поэтому мнение Л. А. Булаховского о вторичности болгарского *на́земи* неверно; см.: Л. А. Булаховский, Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XVII, 1959, стр. 26.

[11] См.: Л. Л. Васильев, О значении каморы..., стр. 33.

[12] См.: В. Кипарский, указ. соч., стр. 56, также — Л. А. Булаховский, Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению, ВСЯ, 4, Львов, 1955, стр. 15, но иначе: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 176.

[13] См.: В. Кипарский, указ. соч., стр. 239—240; С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 248; М. Г. Долобко, *Ночь — ночесь, осень — осенесь, зима — зимусь, лето — летось*, «Slavia», V, 4, 1927, стр. 691.

[14] См.: В. Кипарский, указ. соч., стр. 48.

[15] О праславянском колебании ударения в этом слове см.: M. Hartmann, Studien über die Betonung der Adjektiva im Russischen, Berlin, 1936, стр. 59.

типа подвижной парадигмы (с ударением на основе лишь в им.-вин. мн.)[16]; в древнерусском и современном северновеликорусском баритонеза, но как и в двух предыдущих типах, она вряд ли является исконной; *въ сре́ду и в пятокъ* Уст. 201б, также Сг. 67б, 103, 104 и др. (*в сре́ду* в значении «день недели» во всех рукописях с ударением на корне, ср. еще *в сре́ду* Шум. 118б, 170, 277, 600, но *на среду̀* Шум. 715б), но *на среду̀ собора* Ср. 31б, также 56, Уст. 193 и под.; в этом значении слова ударение на окончании, даже при предлоге *въ*, ср. *привести в среду̀ ихъ* Сб. 23 : 81, хотя может быть и *в сре́ду бѣды твоя* Курб. 99б; *в у̀голъ* Ав. 270, М. 215, но *подъ... угóлъ* Ав. 202б, ср. чакав. *vùgal* [17]; *в ве́чере* Л. 71, Леч. 111 и под., но в беспредложном употреблении *вече́ре* Св. 117б, 180б, Л. 51б, 122, ср. также *при вечерѐ... а на утро* Др. I. 795 (также в род. ед.: *съ ве́чера* Сим. 247б, но *до вече́ра* Кормч. 428б, *до вечера̀ загорѣся* Шум. 687)[18]; *в дóму* Кормч. 233, Х. 353б, 406б (как и *в дóмѣ* Сб. 23 : 72), но *на дому̀* Ч. 145 (древнерусские рукописи указывают на окситонезу); *в ме́ду пресномъ* Леч. 130, но *о пресномъ меду̀* Леч. 15, 17б, ср. чакав. *u mèdu*; *далече в мóри* Д. 9б, но *на узцем морѝ* Д. 6; *сеи в пи́ру* Пч. 131 (ср. *на том пи́ру̀* Мудр. 101б), но *на пиру̀* Др. II. 47, Каз. 84, *на твоемъ пиру̀* Курб. 93, ср. чакав. *p̂iri*; *в смѣсѣ* Пч. 156б, но *о смѣсѣ* Пч. 156б; *въ снѣгу сташа* Лапт. 471б, но *лежа на снѣгу̀* Ж. 110б[19]; *в дóски* (вин мн) В. 189б, Пс. 662, но и *дскы̀ опроверже* др. II. 321, *дскѝ* Зап. 33б, Сг. 90б, ср. чакав. *dàske*; *къ дóмомъ* М. 285, но *по домóмъ* Др. II. 187, Шум. 838 и др., ср. кайкав. и чакав. *dȍmōn*; *къ стáномъ* Сб. 1611 : 179, но *по станóмъ ихъ влачаху* Пал. 48, ср. чакав. *stânȍn*; *къ сы́номъ* Хр. 79, Х. 103б, но *сынóмъ израилевымъ* Пс. 11б, ср. кайкав. и чакав. (Нови) *sȋnȍn*; *в у́шахъ* Леч. 17, 26б и др., но *о ушáхъ* Леч. 46б (в этом слове иногда предполагают исконную двойственность ударения [20], имея в виду чакав. *ùho* : *ùha* и *ūhò* : *ūhà* у Неманича, а также русское диалектн. *ухò* : *у́хà* при литерат. *у́хо* : *у́ха*).

III. Оттянутое ударение в некоторых формах подвижной парадигмы обнаруживаем в следующих случаях: *к бóгомъ* Хр. 79, но *послужи́ша богóмъ* Хр. 142, *тои есть богъ богóмъ* Хр. 148б (обычно в рукописях в обоих случаях ударение на флексии: *богóмъ* и *къ богóмъ*, но ср. чакав. *bȍgōn*); *к бѣ́сомъ* Дом. 39, но *жряху бѣсóмъ* Зап. 136; Ав. 337б и под., также *з бѣ́сы* Сб. 1611 : 39, но *нечистыми бесы̀* Об. 320б, *над бесы̀* Кор. 220б, *з бѣсáми* Ав. 271б и под.; *ко звѣ́ремъ* Фл. 257б, но *псóм и звѣрéмъ* Фл. 140[21]; *в брóдех* Нв. 631б, но *на бродѣ́хъ* Д. 116б (в сербскохорватских говорах это слово относится к баритонированной парадигме, но такое отношение может быть вторичным [22]); *в вóдѣхъ опаривая* Зап. 6б при обычном ударении на исконной флексии: *на водáхъ* Леч. 13б, *о водáхъ* Леч. 29, *при водáхъ* Сб. 1464 : 85б и т. д. (свое значение имеет в данном случае характер окончания); *а болел кáмчюгою в ногах* Шум. 428 при *о трехъ ногáхъ* Др. I. 82б, *на ногáхъ* Ав. 245б и под. (оттяжка ударения при исконном окончании, в отличие от предыдущего примера); *въ крóви* (местн. ед.) Пт. 26б, Св. 158, Курб. 10, 108, но *о кровѝ* Ч. 39б, Леч. 12, 28, 43, 44 и мн. др. при чакав. *krvi*; *в нóчи* Голиц. 902, Пал. 276, с другим предлогом только *при нощи́* Сб. 1611 : 64, ср. чакав. *nȍcȉ*; в рукописях XVI в. в сочетании «именем такой-то» почти последовательно ударение на флексии: *имене́мъ* (Иван, Адриан и под.) Др. II. 13, 20, 43, Шум. 26б, 106б, также Голиц., Лапт. и др., но *с и́менемъ* Др. II. 381б, 626б, 818б, Голиц. 380б и под., *имене́мъ* встречается еще в XVII в., ср. Курб. 67б, Пч. 62; *с мóщьми* В. 334, но *мощьмѝ* В. 184б (в других рукописях либо *мóщьми* Пал. 220 и т. д., либо *мощьмѝ* М. 54, 154 и т. д. независимо от наличия или отсутствия предлога).

IV. Оттянутое ударение наблюдается в некоторых формах окситонированной парадигмы: *в бѣ́ду велику* Сб. 23 : 93, *ввель дьяволь в бе́ду* Ав. 313, но *другую беду̀* Ав. 322б, *положити бѣду̀* Фл. 17 и мн. др. (в Фл. также колебание *и всяку бѣду̀ обидятъ* 67); *в ви́ну ему того не ставити* У. 166б, но *за ту его̀ сину̀* У. 2 и др. (в древнерусских рукописях колебание ударения, ср. *за злую свою вѝну* Пч. 60б, *первую ви́ну отпустят* Мудр. 46, но и *вину̀* Мудр. 10, 134 и под.); *в дли́ну* Арифм. 84, 176б при обычном *в длину̀* Каз.

---

[16] См.: L. Sadnik, Slavische Akzentuation, Wiesbaden, 1959, стр. 44.

[17] Ударение на окончании лишь в местн. ед., см.: Л. А. Булаховский, Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению, стр. 13.

[18] Предполагают исконное ударение **vecèrъ*, см.: М. Г. Долобко, указ. соч., стр. 688; об окситонезе говорит Л. Садник (указ. соч., стр. 55 и др.); возможно влияние ударения со стороны **večèrь*.

[19] Иногда предполагают окситонезу, см.: Г. Гартман, указ. соч., стр. 46; ср. чакав. род. ед. *snêgà*, *до снегу̀* Др. I. 616, местн. ед. чакав. *snȋzi* (Нови), но и *sȋnīgù* (Хвар), *snéhu* (Риека) (см. ниже).

[20] См.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 317.

[21] См.: J. Kuryłowicz, L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 203.

[22] См.: В. М. Иллич-Свитыч, Именная акцентуация в балтийском и славянском, М., 1963, стр. 140; В. Р. Кипарский указ. соч., стр. 84.

11 и под., ср. колебание в *дли́ну* Д. 121б, но *в длину̀* Д. 18б, 36б, а также в Кор. *дли́на* 165, но в *длину̀* 155б, *в ка́зну* В. 300б при обычном *в казну̀* В. 297б, 300, Каз. 44, Ж. 42 и под.; *в тю́рму* У. 116б при обычном *в тюрму̀* У. 122, Ав. 205б и под.; сюда же, возможно, следует отнести и ударение *въ це́рковь* Сим. 398, 515 при *тю́ю це́рко́вь* Др. 1. 550, Кормч. 144, 231 и под. (в более поздних рукописях устанавливается последовательное ударение на корне, ср. *на це́рковь* Фл. 202б и под.); окситонеза этого слова довольно последовательно отражена в русских памятниках XVI в., хотя Р. Брандт написание *церко́вь* считал чудовищным смешением произношения и сербской графики [23], а В. Р. Кипарский говорит об отношении данного слова к баритонированной парадигме [24].

При обычном и распространенном ударении *с жено́ю* в М. находим характерное колебание с *же́/но́ю* 67 (при переносе, второй знак над *о* поставлен позже); что это не простая описка, подтверждается колебанием в Св. *с же́но́ю своею* 140 и 318б — в сочетании с тем же предлогом; *пла́стырь до́блаемъ в му́кѣ овся́ной* Леч. 63б при ожидаемом и обычном *в мукѣ̀* Леч. 63, *в муцѣ̀* Ч. 8в и под., ср. чакав. *tūzî*; в *ту́зѣ* и *скорбй* Соф. 444, *в печа́ли и в ту́зѣ* Каз. 158 при обычном *в тузѣ̀* Курб. 50, М. 45, ср. чакав. *tūzi*; *къ гру́дем* Леч. 150, *к гру́дямъ* Леч. 103б, но *по́лзуетъ грудя́мъ* Леч. 120 [25]; *к но́здремъ* Х. 1439б при обычной окситонезе этого слова в древнерусских рукописях, ср. *заткнувше ноздрѝ* Пал. 118 и под.; *к су́дямъ* Св. 124б, но *судья́мъ своимъ* П. 65, Пч. 25б, 48б, Сг. 142б и др., ср. также *к судиямъ* М. 189; во многих рукописях колебание в вин. мн. *досе́ри* и *дверѝ* (в Ч. только *дверѝ* 66г, 68 г и др., что в сопоставлении с инославянским материалом может указывать на исконное наконечное ударение), ср., однако, в Об.: *все дверѝ* 74, но *в две́ри* 333б; *въ гру́дехъ* Лч. 9б, 14б, 21б и мн. др., *въ гру́дяхъ* Леч. 31, 35б, 46б и др., но *о грудя́хъ* Леч. 21, 25б (также *в грудяхъ* Леч. 149б при новой флексии); во фразеологическом сочетании *целовати в ро́тахъ* «давать клятву» Св. 202б, 203, 206б и др. при обычной окситонезе этого слова в данном значении, ср. *ротится рота́ми* Фл. 58б и под. (*рота* «воинское подразделение» с ударением на корне во всех формах мн. числа, ср. им. мн. *ро́ты* Пал. 285).

С ве́рху̀ Леч. 102б, Зап. 225, но *до верху* Ч. 28б, также *до края верха̀* Фл. 283 и *с верху̀* Курб. 29б, Фл. 102 и др., ср. с.-шток. *вр̀ха* и чакав. *vrhà*; *к ве́рху ноги* Ж. 118б, также Сб. 23 : 71, Зап. 225, по *по верху̀ ходити* М. 79б, *по верху̀ пу́па* Леч. 158б и под., ср. чакав. *vrhȕ*; *ко двору* Ав. 201, Сб. 1409 : 161б, но *двору̀* Пал. 81, 102, Фл. 247б и др. (также *ко двору̀* Ав. 209, Курб. 31), ср. чакав. *dvorȕ*, указывающее на исконное ударение (относительно современного русского *по́ двору* существуют известные сомнения [26], однако иногда предполагают праславянскую дублетность в ударении этого слова [27]); *удари в ли́це* Др. I. 793б, также Др. I. 682, II. 104 и др., но *лицѐ одирая* Др. I. 563б, *на лицѐ свое* Др. II. 20б (но также *ли́це свое деру́ще* Каз. 125), ср. чакав. *lȉcȅ*; *в ло́но* Зап. 73 (также *за ло́но* Зап. 92), но *на лнд* Ч. 36б, М. 272б, то же *въ ло́нѣ* Зап. 29, Уст. 245, Леч. 9б, но *на лонѣ* Ч. 48г, Пч. 124б [28].

Съ блу́домъ Новг. 63 при *блудо́мъ* Св. 53б может быть и не показательно, ибо в Новг. и *блу́да* 64 при обычном в древнерусских текстах *блудà*, ср. чакав. *blûdon* (Неманич), а в древнерусском, таким образом, колебание ударения в данном слове; *с дбждемъ* Хр. 236, но *дождо́мъ* Нв. 394, 475б (на колебание ударения указывают с.-шток. *дȁжд* : *дȁжда* при *дáжд* : *дȁжда*), а в древнерусском и современных русских говорах встречается ударение на основе, ср. *не быть до́жда до сентября* Шум. 959б и под.; *с бдромъ* Сб. 1393 : 85б, но *предъ одро́мъ* Фл. 36, как *ко бдру* Др. II.515, Х. 803б при обычном *ко одру̀* Уст. 155б, Ж. 116б, ср. с.-шток. *ддар* : *ддра* с исконным наконечным ударением; *с плодомъ* Леч. 82б, но *плодо́мъ* Дом. 42б (в с.-шток. *плȍд* : *плȍда*, на основании чего А. Лескин относил слово к баритонированной парадигме, считая русскую окситонезу вторичной [29], в других случаях колебание [30], но В. М. Иллич-Свитыч определенно относит слово к подвижной парадигме [31]; в древнерусских памят-

[23] См.: Р. Брандт, Начертание славянской акцентологии, СПб., 1880, стр. 38.

[24] См.: В. Кипарский, указ. соч., стр. 99.

[25] Об окситонезе этого слова говорит, например, В. Кипарский (указ. соч., стр. 24).

[26] См.: Л. Л. Васильев, О значении каморы.... стр. 112.

[27] См.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 318.

[28] Исконную принадлежность слова к окситонированной парадигме определяет, например, З. Н. Веселовская (см.: Особенности восточнославянского ударения конца XVI — начала XVIII в., «Уч. зап. Харьковск. пед. ин-та иностр. яз.», 5, 1959, стр. 56); ср., однако, чешск. *lůno*.

[29] См.: A. Leskien, Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen, «Abhandlungen der philol.-hist. Klasse des königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft», XIII, 1893, стр. 536.

[30] См.: Л. Л. Васильев, О значении каморы..., стр. 111; В. Кипарский, указ. соч., стр. 74.

[31] См.: В. М. Иллич-Свитыч, указ. соч., стр. 143.

никах ударение на корне может встречаться во всех формах, кроме местн. ед.); *отряди... Ивора с по́лкомъ* Нв. 491б, но *(с) своимъ полко́мъ* Нв. 491б (два раза), *стояше полко́мъ* Нв. 494б (русская окситонеза обычно считается вторичной [32], хотя и не без колебаний [33]; Л. А. Булаховский предполагал праславянскую дублетность ударения [34]); *съ по́помъ* Сб. 1424 : 248б, но *попо́мъ* Ав. 267б, Курб. 145, *за попо́мъ* П. 129б, как и *въ по́пѣхъ* Ав. 197б (два раза), но *о попѣхъ* Св. 35, 308; в Кормч. это слово с ударением на корне, кроме дат. ед. *попо́ви*; С. М. Кульбакин как будто даже сомневается, является ли это слово исконно окситонным [35]; *с у́момѣ* Сб. 1393: 70б, 94б, но *умо́мъ* Сб. 1393 : 146б, как и *во у́мѣ* Др. II. 719б, Сб. 1393 : 75, но *во умѣ* Каз. 144, *на умѣ* Сб. 23 : 43.

В до́брѣ а не во зло́ М. 59б. но *о добрѣ и о лихе* Шум. 264 при таком же колебании в твор. ед., но с.-шток. *добро* < **дòбрò*; *в ко́нцѣ* Гр. 209, но *на концѣ* Гр. 202б; *в ли́цѣ* Пт. 99б, *в ли́це* Голиц. 333 (местн. ед.), но *на лицѝ своемъ* Ч. 39а, Об. 401б, Зап. 54б и др. при колебании в древнерусском и во всех формах ед. числа и при характерном перемещении ударения в современных пинежских говорах: *пестрина на ли́це*: *на лицѝто*, ср. чакав. *līcȉ*; *в по́стѣ* Др. I. 790, Сб. 1424 : 85, но *о посте́* Об. 292б, Зап. 174 и др., ср. чакав. *postȉ* (Нови), но и *pȍstu* (Хвар); предполагается исконная баритонеза [36], в древнерусском колебание во всех формах ед. числа; при обычном ударении на окончании в местн. ед. (*в раю* Ав. 317) Аввакум однажды пишет: *хорошо в ра́ю* Ав. 315 (позже чьей-то рукою проставлено второе ударение на окончании), но *о раю* Соф. 355, Зап. 134 и др., ср. колебание в чакав. говорах: *rȁji* (Нови), *u râju* (Хвар) и *rajȕ* (Риека); поскольку несомненна исконная акутовая интонация корневого гласного, слово обычно относят к баритонированной парадигме (Г. Гартманн — к окситонированной парадигме), в некоторых случаях колеблются, а С. П. Обнорский [37] говорит об исконной дублетности ударения (в древнерусском также колебание по всем формам ед. числа); в *ро́вѣ* Сб. 23 : 47, но *о рвѣ* Шум. 495, 685 — при колебании в древнерусском и в других славянских языках (ср. с.-шток. *рȏв* : *рдва* и *рдв* : *рдва*); А. Лескин считал исконной баритонезу этого слова [38]; *в ско́тѣ* Сб. 1464 : 49, Палея XVI в. 49, но *о скотѣ* Леч. 24 — исконную акутовую интонацию корня на основе с.-шток. *скȍт* : *скòта* предполагал Н. Ван-Вейк [39], о колебаниях в праславянском говорил Г. Гартманн [40], но Е. Курилович настаивает на праславянской окситонезе слова [41]; *в смѣсѣ* Пч. 156б, но *о смѣсѣ* Пч. 156б (также *о смѣсѣ* Пч. 1б в киноварном заголовке) — окситонеза в чакав. *smîh* : *smîhà* ... *smîhȕ*, но баритонеза в серб.-шток. (исконную окситонезу или по крайней мере древнейшую дублетность ударения в этом слове допускал Л. А. Булаховский [42]; *въ снѣгу сташа* Лапт. 471б, но *лежа на снѣгу* Ж. 110б — в древнерусском колебания в род. и местн. ед., ср. чакав. *snîzi* (Нови), *snêhu* (Риека), но и *snīgȕ* (Хвар); мнения о принадлежности слова к определенной акцентной парадигме в праславянском прямо противоположны: если А. Лескин склоняется к баритонезе, то Г. Гартманн говорит об окситонезе [43]; *въ сто́лѣ* Хр. 52, но *на... столѣ* Фл. 50б, 271 и под., в род. и дат. ед. колебание ударения в древнерусском и современных русских диалектах, но равнодействующая всех взглядов склоняется к признанию окситонезы в праславянском; наконечное ударение в имени существительном *страх* в род. ед. может быть только без «еровых» предлогов: *от страхà* Пт. 54б, М. 111, *без страхà* М. 100, *страхà божия* М. 228б, ср. в местн. *въ стра́сѣ* Каз. 107б, Курб. 90б, Сим. 89, как и в древнейшем источнике Ч. 84а, но *о страсѣ* Пч. 1, М. 209 и под. (имеются высказывания о возможной окситонезе этого слова наряду с подвижным типом ударения [44]); *къ жи́домъ*

[32] См.: А. Лескин, указ. соч., стр. 574; Ф. Е. Корш, «Слово о полку Игореве», стр. XXXI; В. Кипарский, указ. соч., стр. 75.

[33] Исконную окситонезу слова предполагал Г. Гартманн (указ. соч, стр. 48).

[34] См.: Л. А. Булаховский, Акцентологические особенности праславянских заимствований из германских языков, «Наукові записки. Праці науково-дослідної кафедри европейської культури», III, 1929, стр. 148.

[35] См.: С. М. Кульбакин, Заметки о словянском количестве и ударении, ИОРЯС, XI, 4, 1906, стр. 288.

[36] См.: А. Лескин, указ. соч., стр. 536; Г. Гартманн, указ. соч., стр. 58.

[37] См.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 175—176.

[38] См.: А. Лескин, указ. соч., стр. 535.

[39] См. N. van Wijk, Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen..., AfSlPh, XXXVI, 3—4, 1916, стр. 341.

[40] Г. Гартманн, указ. соч., стр. 49.

[41] См.: J. Kuryłowicz, L'accentuation des langues indo-européennes, стр. 234.

[42] См.: Л. А. Булаховский, Порівняльно-історичні уваги до українського наголосу, «Збірник Центр. держ. курсів українознавства», III, Харьків, 1930, стр. 28.

[43] См.: А. Лескин, указ. соч., стр. 536; Г. Гартманн, указ. соч., стр. 46.

[44] См.: В. А. Редькин, К ударению имен прилагательных с суффиксом *-н-*, «Славянская филология», V, 1963, стр. 75.

Хр. 149, Кормч. 232, но *убийцамъ жидо́мъ* Сб. 23 : 83б, также *жида́мъ* «Ведомости» 1706, 17 (в древнерусском часто колебание ударения в этом слове, не имевшем значения verächtlich, как полагает В. Кипарский [45]); *къ ско́томъ* Хр. 278, Сб. 1409 : 235б, но *имена далъ всемъ ското́мъ* Сб. 23 : 7б, также Пс. 65 и др.; *к та́темъ* Сб. 1611 : 142б, но *чинить тате́мъ* У. 300; *нача̀ пруды̀ дѣлати* Нв. 626, но *камень... сыпати в пру́ды* Нв. 626 — окситонезу этого слова предполагают А. Лескин и В. Кипарский [46], хотя в древнерусском колебание ударения во всех формах ед. числа; *с колиемъ и с ме́чи* М. 312б, но *вси изсѣчени быша мечѝ* М. 321б, также 98, 208б и др.— в древнерусском колебание в ед. числе; *сно́жми* Ч. 39в (также *с ножѝ* Ч. 15а), но *инии изрѣзашася ножѝ* Фл. 226 и под. при чакав. *nōžì*; *nóži*; *в ра́бѣхъ* Пт. 66, но о *рабѣ́хъ* Пт. 90б, 104 и под. в древнерусском последовательное ударение на окончании, но иногда говорят об исконности баритонезы [47], ср. чакав. (Неманич) *ràb* : *ràba*; ср. еще ударение *во дво́рѣхъ* Нв. 496б при обычном ударении на окончании — и т. п.

Отсутствие достоверных сведений о характере ударения в некоторых словах древнерусского языка затрудняет отнесение отдельных примеров к определенной группе. Так, слово *полк* можно отнести не только к первой, но и к четвертой группе примеров, хотя сравнение с сербским и некоторые другие соображения заставляют предполагать исконную принадлежность слова к баритонированной парадигме. Также неясно соотношение между такими парами, как *в по́лонъ поведоша* Др. II.164б, но *поло́нъ* Др. II.170. Предполагают, что современное русское ударение *поло́н* из *по́лонъ* [48], хотя окситонеза этого слова широко представлена в древнерусском матери́але, и ничто не мешает принять древнейшую окситонезу его (ср. еще русск. *соро́м* при *со́ром*).

Оценивая приведенные факты, необходимо учитывать те ограничения, которые были сделаны при их подборе. Первое ограничение диктуется ограниченностью материала для сравнения. Например, известна форма местн. ед. *в ро́тѣ* Нв. 427, но нет для сравнения с нею другой формы этого слова, хотя древнерусские памятники указывают на последовательное ударение окончания, ср. в Леч. *изо рта̀* 104б, *рту̀* 69 и под. Так же *к ри́му* Мудр. 65 при постоянной окситонезе этого слова в других падежных формах (*от рима̀* Ч. 124, *в римѣ́* Ч. 75г, Мудр. 60 и под.), но при отсутствии примеров наконечного ударения в дат. ед. Такие примеры пока оставлены в стороне.

Во-вторых, нужно было соблюдать стилистическое единство материала, поэтому в стороне остались те казалось бы подходящие к нашей теме примеры, которые по разным причинам следует отнести к стилистически различным сферам древнерусского языка. Так, любопытную дифференциацию ударения находим в форме дат. ед. имени существительного *дочь*: *къ до́чери* Сим. 367б, Соф. 420, Ав. 232, Пал. 238б и под., ср. колебание у Аввакума *моей до́че́ри* 232б, но *дще́ри* Дом. 21б, сб. 23 : 99б, Уст. 63, также *с до́черью* Св. 265, Ав. 209, но *дще́рию* Сим. 502, Соф. 397 и под. Ср. также *в пе́щи* Св. 217, Каз. 165б, но *на печѝ* Дом. 102, Ав. 225, Леч. 171б. Подобные примеры отстранялись при сопоставлениях, несмотря на заманчивое соответствие *к до́чери*: *дще́ри*, *в пе́щи*: *на печѝ*.

В-третьих, оставлены в стороне примеры, где различие между старым и новым ударением связано с различием флексий, т. е. где исконное ударение сохраняется при старой флексии, а новое ударение сопровождает новую, появившуюся по аналогии флексию, ср. *в лѣ́се* Ав. 241 — *в лесу̀* Ав. 230б, в *ми́рѣ* Фл. 93 — *о миру̀* Фл. 127, *в но́се* Л. 65б — *на носу̀* Леч. 26, *в по́тѣ* Леч. 51б — *о поту̀* Леч. 30, *в ро́дѣ* Об. 8б — *о роду̀* Сб. 23 : 7, *на роду̀* Леч. 7, *в по́лехъ* Шум. 342б, Пал. 9 — *поля̀хъ* Курб. 75, *в цвѣ́техъ* Леч. 52 —

[45] См: В. Кипарский, указ. соч., стр. 71.

[46] См.: А. Лескин, указ. соч., стр. 546; В. Кипарский, указ. соч, стр. 90.

[47] См.: Ф. Е. Корш, «Слово о полку Игореве», стр. XX.

[48] См.: В. Кипарский, указ. соч., стр. 166, также Ф. Фортунатов, А. Лескин, В. Вондрак, С. Кульбакин и др. Н. Ван-Вейк предполагал фонетическое варьирование *в поло́н* : *по́лон* и затем обобщение первого (N. van Wijk, Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssystem, стр. 141); ср. возражение Л. А. Булаховского в рецензии на эту книгу [ZfSlPh. I, 1—2, 1924, стр. 235]. Однако аналогия с полной формой прилагательного *поло́нный* (Булаховский) или презенса *поло́нит* (Вондрак, Вайан) также не убедительна.

на цвѣто́хъ Св. 50б и под. Соблюдалось, таким образом, грамматическое единство материала.

В-четвертых, важно было соблюдение исторического единства материала, поэтому ударение формы, входящей в заведомо архаическую конструкцию, учитывалось как возможное старое ударение, но не принималось во внимание при сопоставлениях; ср. приведенные выше примеры с беспредложным локативом, а также формы дат. мн. в конструкциях «дательный самостоятельный» и дательный принадлежности: *на покрытие до́момъ* Пс. 372, но *по домо́мъ* Сг. 102, Кор. 36, *отпадшимъ у́домъ тельснымъ...* Сб. 23 : 518, но *по удо́мъ* Фл. 12, *по всъмъ удо́мъ* Л. 207, *во́лкомъ же страшно... воющемъ* Др. 1.79б, но *на растерзание волко́мъ* М. 320 и др.

Рассматривая ближе группу памятников, в которых сохраняется противопоставление ударения в одной и той же форме в зависимости от «ерового» предлога, мы обнаруживаем и еще одно ограничение в материале. Речь идет о территориальном единстве материала: интересующая нас акцентологическая оппозиция именных форм встречается только в памятниках, составленных или написанных на территории северновеликорусских говоров, чаще всего в таких, как Ав., В., Зап., Леч., М., Нв. Напротив, таких примеров, главным образом примеров третьей и четвертой групп, нет в памятниках с южновеликорусскими языковыми особенностями, например в Дом., Об., Пал., Курб., Фл. (следы аканья; большая часть Об. написана Нилом Курлятевым, выходцем из Курской области); нет их и в Сборнике XVII в. (БАН, 17, 5, 27) с текстом Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, в московской «Современной летописи об убиении царевича Димитрия» 1691 г. (ГПБ, Q, I. 877), в «Книге историкъ» конца XVI в. (Москва) (ГПБ, Соф. 1421), в московском списке «Повести об осадном сидении» XVII в. (ГПБ, Погод. 1556), в большом сборнике конца XVI в. (ГПБ, F, I, 255), написанном в Верее, и др. Имеется ли подобное соответствие в украинских или белорусских памятниках, пока неизвестно. З. Н. Веселовская указывает лишь примеры *в бо́ку — на боку́* при *бо́ку́*[49].

Это не случайно. Зависимость ударения от характера предлога до сих пор спорадически отмечалась только в исконно окающих русских говорах. Исследователи обычно не обращают внимания на эту особенность ударения, но по мере накопления материала становится ясным соответствие между диалектными и древнерусскими фактами. В обширной картотеке «Псковского областного словаря» в материалах по северным псковским говорам можно подобрать иллюстрации почти для всех групп примеров, выделенных в древнерусских источниках, ср. с дат. ед. *г го́ры идут, хворост нарубают к зи́ме, ходила по и́збы, к ре́ке* и под.; в местн. ед. *в зе́мли той, в ы́збы* (но: *на избе́*), *ф ква́шни* (но: *на квашне́*), *есь у нас в ре́ки мелкая плита, в ре́ке, работала в со́хе* (но: *на сохе́*); ср. еще *ф те́ни* (ударение исконное в этой форме) и *ф ше́рсти* при *о шерсти́* (ударение, оттянутое при предлоге *в*); для имен существительных женского рода еще в род. ед.: *з го́ры шла* (ср. *горо́й, на горы́*), *он лён намоца и тяне с во́ды, дрын с о́льхи* (но: *у ольхи́*), *с пли́ты извесь делают* (но: *ис плиты́*), *мы с пя́ты начинаем*, также наречное *з зи́ма еще осталось* и т. п. Подобные примеры имеются и для имен существительных мужского рода: *идить к сто́лу, к хле́ву, во хле́ве, ф ку́ту, с ла́ря, в ле́се, ешти вишни с я́дром* и т. д. — преимущественно в Гдовском районе, тогда как в южных районах области ничего подобного нет: *к хле́ву* — на юге *к хляву́* и под.

Можно было бы думать, имея в виду характер материала, что оттяжка или сохранение ударения при «еровом» предлоге в древнерусском языке объясняется специфическими особенностями развития именной акцентуа-

[49] См.: З. Н. Веселовская, указ. соч., стр. 35.

ции и является, таким образом, грамматически производной от соответствующих акцентологических изменений. Однако такую же дифференциацию находим и в других грамматических группах слов (при глаголах, естественно, *съ*, *въ*, *къ* являются уже не предлогами, а приставками), ср. в именах прилагательных и местоимениях: *звонити во вся тяжка́я* Уст. 92, но *звонити в тя́жкая* Уст. 160б, *о рыбахъ речны́хъ* Леч. 14, но *в рѣ́чныхъ быстринахъ* Зап. 135б, *с масломъ ляны́мъ* Сийск. Сб. XVII в. (№ 192, 18, 20), но *со ля́нымъ масломъ* (там же 18); *и рече к не́му* Х. 862 б, также 866, 1014, Шум. 1б, 177б и под., но *ему́* Х. 881 и др., *к то́му* Х. 886б, но *тому́* Х. 540, 814б и под. Во всех томах Лицевого свода и Сим. последовательно пишется *вло́жилъ*, *сло́жилъ*, *сло́жили* и т. д., но только *возложи́лъ*, *положи́ли*, *заложи́ла*, *приложи́лъ*, *обложи́ли* и др. (ср. еще *съгво́ря* Сим. 348 и т. д.). Итак, отмечаемая особенность ударения распространяется на все грамматические группы и является древнерусской фонетической чертой.

В некоторых конкретных случаях, однако, затруднительно объяснить оттяжку ударения при «еровом» предлоге фонетически, особенно при неодносложных именах существительных. В приставочных именах существительных может быть следующее колебание ударения, связанное с характером предлога: *ко о́току* Леч. 67б, но *ко всякому отто́ку* Леч. 79, в Пч. любопытно *к за́кону* 147б, тогда как в других рукописях ударение только на корне (дело объясняется просто, если принять во внимание, что только в данной рукописи возможна подвижность ударения в данном слове, ср. *законѣ́ не требуетъ* Пч. 147б); подвижность ударения и в следующих случаях: *с по́греба* Пал. 137, но *изнутрѝ погребѣ́* Др. I. 648б, *в со́судехъ* Хр. 207, но *на сосу́дѣхъ* Хр. 286, также *с со́суды* Лапт. 204б (ср. *из сосудѣ́* Каз. 253, *в сосудѣ* Каз. 253 и под.), *в по́мощь* Шум. 195, 544, 831б, но *на помо́щь* Шум. 82б, 103б, 325, 592б, *за немо́щь* Шум. 629б, 640б и др.

Во всех этих примерах ударение сохраняется или оттягивается на один слог к началу слова и непосредственно следует за предлогом. Нечто похожее может быть в суффиксальных именах существительных, ср. *о кроте́́сти* Пч. 158, *о незлобии и кроте́́сти* Лапт. 723б, но *в кро́тости* Г. 59б, Сим. 245б (подвижность ударения подтверждается Ч: *кро́тостью* 85б, но *в кротостѝ* 81б); *измещетъ гнои и нечистоты́* Сб. 23 : 79; но *в нечи́стоты* Сб. 23 : 160 при *показа сия нечисто́ты* Сб. 23 : 170, что совпадает с ударением им. ед. *нечисто́та* Сб. 23 : 169; в род. ед. *высоты́* Сб. 23 : 35б, но *с высо́ты* Сб. 23 : 171б. Есть некоторая разница в ударении последних трех слов. Если колебание ударения в слове *кротость* напоминает аналогичное колебание ударения в префиксальных словах, то ударение слова *нечистота* отличается тем, что перенесенный к началу слова иктус по-прежнему отделен от предлога одним слогом, так же как и в третьем примере, где, в отличие от предыдущего, ударение на суффиксе сохраняется, а не переносится с последующего слога. В следующем примере ударение переносится через слог: *в хи́зину* М. 246 (два раза), но *виде нѣ́кую хизину затвори* М. 219б, *в хи́зинѣ* М. 247, но *нѣ в коей хизинѣ* М. 328. Вторично ударение на окончании, предлог *в* в обоих случаях сохраняет старое ударение.

Теперь понятно, почему мы ограничились односложными именами существительными для определения закономерности: во всех других случаях возможны позднейшие аналогии, влияние ударения производящей основы (ср. *в рука́вицахъ служить* Сим. 385б, но *на рукави́цахъ* Сим. 384, 385б), колебание между старым и новым ударением, только внешне связанное с характером предлога. Подобные отклонения не могут свидетельствовать против фонетического характера исследуемой закономерности.

Возможно двоякое объяснение представленных выше фактов: «еровые» предлоги способствуют перетягиванию ударения к началу слова — «еровые» предлоги сохраняют старое ударение словосочетания.

При первом объяснении остается неясным, почему в одном случае предлоги *въ, къ, съ* сохраняют старое ударение (*къ ру́кѣ*), а в других — способствуют появлению новых (*къ ско́томъ*). Объяснить факты таким образом — значит оставить в стороне примеры первых двух групп. Неясен в таком случае и механизм оттяжки: к предлогу, содержащему слабый редуцированный, а не через него или за него, что вообще обычнее в славянских языках, ср. такие примеры, как **конь̀ > ко́нь* с новоакутовой интонацией корневого слога или ударение типа *ко́нци, ве́нци* из *конь̀ци, вѣньци* в древнерусском и современных русских диалектах.

Вместе с тем несомненно, что во всех четырех группах примеров имеем дело с сохранением ударения, обычного в известную эпоху для некоторых русских говоров. Не случайно новое ударение на флексии в исконно баритонированных словах появляется в севернорусских памятниках раньше всего не в сочетании с еровым предлогом, т. е. не в сочетании, наиболее способствовавшем сохранению старого диалектного ударения. Так, при постоянном ударении на основе имени существительного *нужда* находим в вологодской Пчеле 1645 г. *в триехъ нужда́хъ* 178б — древнейший и редчайший пример ударения в этом слове.

Любопытно совпадение акцентологической особенности, связанной с судьбою фонемы /ъ/, и места ее наиболее активного проявления: северновеликорусские говоры позже остальных говоров утратили редуцированные.

По вопросу о механизме интересующей нас оттяжки ударения высказывались неоднократно, но в качестве наиболее вероятного может быть принято предположение А. А. Шахматова, развитое С. М. Кульбакиным: **роръ > *рдръ̀ > *ро́ръ* с дальнейшей индукцией им. ед. на формы косвенных падежей [50]. В северновеликорусских говорах эта индукция могла завершиться последовательно благодаря очень поздней утрате редуцированных гласных. Последовательное влияние именно ударения им. ед. на остальные падежные формы в северных говорах несомненно и подтверждается ударением типа *ро́т: ро́та, ло́б: ло́ба, ле́д : ле́да* и под.

Однако данное объяснение недействительно для многих других случаев, например, для имен существительных* *ā*-склонения (если не допускать влияния форм род. мн. с новоакутом того же происхождения) — в *му́кѣ* и др. [51]. Вместе с тем, рассматривая приведенный материал с другой точки зрения, нельзя не заметить, что список примеров окситонированной парадигмы почти полностью состоит из слов, заимствованных или имевших в древнерусских памятниках различные стилистические характеристики. Если добавить к этому, что часто трудно определить исконную принадлежность того или иного слова к определенной акцентной парадигме, можно было бы считать, что ударение в сочетании с «еровыми» предлогами сохранялось в словах с неустановившимся или дублетным ударением. Однако и такое объяснение не покрывает всех обсужденных фактов. Так, у имен существительных женского рода **ā*-основ, относившихся к окситоно-

[50] См.: С. М. Кульбакин, указ. соч., стр. 288 и сл. Сомнения по этому поводу см. у Н. Ван-Вейка (N. van Wijk, Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen, стр. 321 и т. д.). После некоторых работ Т. Лера-Сплавинского и известного исследования Хр. Станга о праславянской акцентологической системе возникает убеждение, «что в восточнославянской области названному сдвигу ударения (с конечных ь, ъ. — *В. К.*) предшествовала утрата носовых», а появление новоакутовой интонации в *конь* и под. предшествовало падению слабых редуцированных, см.: Р. О. Якобсон, Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии, «American contributions to the V International congress of slavists», The Hague, 1963, стр. 163. Таким образом, определяется хронология интересующего нас обобщения ударения — после утраты носовых гласных в связи с утратой слабых редуцированных гласных.

[51] Предварительное объяснение этих фактов см.: В. В. Колесов, Об одной древнерусской диалектной системе ударения, «Вестник ЛГУ», 1965, 8, 2.

нированной парадигме, оттянутое на основу ударение может быть лишь в тех формах (особенно часто в вин. ед.), которые имели накоренное ударение у слов с подвижной парадигмой (*бъ̏ду*, *вы́ну*), а это определенно говорит об индукции подвижной парадигмы на первоначально окситонированную парадигму. Такие же сомнения при указанном объяснении возникают и относительно ударения у имен прилагательных, местоимений и глаголов.

Выходя за пределы собственно русских фактов, аналогичную картину обнаруживаем в некоторых диалектах украинского языка и особенно в словинском: словин. *ƒ — tim — vəgńŭ*, но *ve — vùəgńu*, *žädmí*, но *se — žädmï*, также vəslŭ, но *na — vèǫslu*, *pəlŭ*, но *na-pὸǫlu* и др. Отличие от древнего северновеликорусского лишь в том, что оттяжка ударения происходит здесь независимо от характера предлога, но это отличие может оказаться решающим в определении исходных отношений.

Т. Лер-Сплавинский, сопоставивший факты украинского и поморского языков, пришел к выводу, что генетической связи между аналогичными явлениями обоих языков нет, но «психо-лингвистическое» основание их было общим: как в украинском, так и в поморском полученная из праславянского оттяжка ударения на префикс с начального слога слова (типа русск. *на́ голову* или серб.-хорв. *на̏ главӯ*) по аналогии распространялась на все другие сочетания с предлогом, в том числе и на сочетание с окситонными именами. Встречная аналогия — ударение беспредложных форм — помешала довести до конца эту тенденцию, и потому следы ее ограничены [52].

Аналогия со стороны фонетического «закона Шахматова» в этих случаях вряд ли возможна, потому что ни одно из его условий здесь не соблюдается; напротив, генетическое родство изложенных фактов возможно, так как остатки подобной рецессии находим в древнерусском северном, который обнаруживает много общего с лехитскими и с украинскими говорами.

Сопоставление с инославянским материалом позволяет подтвердить сделанный уже вывод, что «еровый» предлог сохраняет старое ударение, а не является причиной его оттяжки, и поставить вопрос о ее характере: по своим результатам это не что иное, как «обратно направленное» (не к концу, а к началу слова) действие закона Васильева-Долобко в варианте М. Г. Долобко. Но в таком случае фонетические условия изменения остаются неясными. Видимо, в каждой группе фактов они специальны.

Последующие наблюдения покажут, насколько верны предположения, высказанные здесь. Однако и сейчас ясно, что мы имеем дело с важной акцентологической особенностью некоторых древнерусских диалектов, связанной с изменением редуцированных в первом предударном слоге. Если верно, что оттяжка ударения при «еровом» предлоге является сохранением старого ударения, следует признать, что непосредственно перед «падением» редуцированных или одновременно с ним в севернорусских говорах имелся иной, чем легший позднее в основу современного русского литературного, тип ударения.

Не менее важен и другой вывод: обращая внимание на фонологическую характеристику древнерусского ударения [53], не следует забывать о фонетических условиях его реализации.

---

[52] T. L e h r - S p ł a w i ń s k i, [рец. на кн.:] St. Smal-Stocki i T. Gartner, Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache, сб. «Studia i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego», Warszawa, 1957, стр. 364.

[53] См.: Р. О. Я к о б с о н, указ. соч. В этой связи интересно объяснение оппозиции дат. ед. и местн. ед. *глáви* и *глáви* как различия в ударении на нулевом и первом слоге, см.: П. С. К у з н е ц о в, К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении, «Теоретические проблемы прикладной лингвистики», М., 1965, стр. 107.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

Г. Ф. БЛАГОВА, Х. Д. ДАНИЯРОВ

ГОВОРЫ «ТЮРКОВ» УЗБЕКИСТАНА В ИХ ОТНОШЕНИЯХ К ЯЗЫКУ СТАРОУЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Среди историков и этнографов, отчасти и лингвистов издавна ведется спор о status'e этнографической группы «тюрк» (тюрк, барлас, калтатай, мусабазари), представители которой живут на разрозненных территориях в Самаркандской, Сурхан-Дарьинской, Сыр-Дарьинской, Кашка-Дарьинской, Андижанской, Ферганской областях Узбекистана и в Южном Таджикистане, а также о принадлежности этой группы к узбекскому народу. Точку зрения на тюрков как на исторических потомков тех племен, которые жили в Мавераннахре задолго до узбеков Шейбанихана, высказывали в свое время Гази Алим и Б. Х. Кармышева [1]; по их мнению, тюрки говорят на весьма близких друг другу говорах среднеузбекского диалекта, а этнографическая группа «тюрк» принадлежит «к единой узбекской народности» [2].

В подтверждение того, что этнографическая группа «тюрк» восходит к историческим потомкам населения Мавераннахра дошейбанидского периода, можно привести свидетельства информантов (Бурхон бобо, 63 года, из кишлака Шурбел), рассказывающих легенду о прибытии джизакских тюрков в Самаркандскую область из Андижана 250—300 лет тому назад (со скидкой на народную хронологию, удерживавшуюся в памяти носителей говора, это событие можно приурочить к началу XVI в., т. е. ко времени завоевания Мавераннахра Шейбани-ханом); характерно, что тюрки во всех обследованных нами районах осознают себя как пришельцев на местах их теперешнего обитания. Данные говоров тюрков ниже сопоставляются с материалами языка «Бабур-наме» [3] как одного из произведений рубе-

* В настоящей статье использованы отдельные положения нашего доклада, прочитанного на V региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков (Баку, октябрь 1965 г.).

[1] Jazi Alim, Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba, Taşkent, 1936, стр. 19—21 и сл.; Б. Х. Кармышева, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, сб. «Памяти М. С. Андреева», Сталинабад, 1960, стр. 76.

[2] Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, 1, стр. 4.

[3] Отсутствие сводного критического текста этого произведения побуждает исследователей пользоваться весьма разнородными списками «Бабур-наме» и их изданиями. В наших материалах мы основываемся на выборочных текстологических сопоставлениях следующих рукописей и изданий «Бабур-наме»: в первой выборке сопоставлялись «Бабер-наме или Записки Султана Бабера», изданные в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857 (далее — БН), стр. 2—70; рукопись, выполненная рукой д-ра Я. Г. Кера и хранящаяся в Рукописном отделе Ин-та народов Азии АН СССР под шифром Д 685 (далее — К), стр. 2—248; список Сенковского, хранящийся там же под шифром Д 117 (далее — С), стр. 1—33; список XIX в., хранящийся в Гос. Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина под шифром Тур нс 104, стр. 1А-29А; «The Bābar-nāma», ed. by A. Beveridge, Leyden—London, 1905 (далее — BN), стр. 2 I—57 I; во второй выборке сопоставлялись БН стр. 231—450 и BN стр. 208 II—348 I. Результаты проведенного сопоставления оговариваются здесь только в наиболее показательных для наших целей случаях; подробное изложение их см.: Г. Ф. Благова, К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по Керовскому списку, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии [АН СССР]», XLIV, М., 1961.

жа XV—XVI вв., выполненных на том языке, близость которого к средневековому андижанскому говору особо подчеркивал Бабур.

Из-за разобщенности мест проживания тюрков, их разбросанности по разрозненным и весьма отдаленным друг от друга территориям Узбекистана и Таджикистана при анализе их языковых особенностей нам пришлось ограничиться материалами говоров тюрков в основном Самаркандской области и прежде всего — говоров кишлаков Усмат-тюрк (Галляаралский район; далее сокращенно — У.-т.), Курпа-тюрк (Джизакский район; сокращенно — К.-т.)[4], Кара-тепа (Ургутский район); в меньшей мере — говора тюрков, проживающих близ Фариша в совхозе Галляарал II (I отделение, далее — Г. II), а также говора тюрков, населяющих кишлак Морияк Ганчинского района Таджикской ССР (близ г. Уратепа) (далее — М.). К исследованию привлекались также сведения о говорах тюрков Заминского района Сыр-Дарьинской области, Чиракчинского и Шахрисябзского районов Кашка-Дарьинской области, Денауского района Сурхан-Дарьинской области.

Любопытно отметить, что сами носители изучаемых говоров считают тюрков Усмата, Курпа и Замина «одинаковыми по языку»; пенджикентские тюрки своим языком несколько отличаются от них, хотя и признаются близкородственными первым; наибольшие языковые отличия от первых содержатся в речи барласов (по свидетельству Умаркула Касымова, 77 лет, К.-т. и Турсуна-Пулата Набиева, 61 год, У.-т.). Некоторое представление о сходстве и различиях говоров тюрков, привлекаемых к исследованию, можно видеть из следующих параллелей:

Усмат-тюрк

Орта балант	Калтатаи	Барлас
эннъ «сейчас»	*эндъ*	*эннъ*
съйър «корова»	*съйър*	*ънэк*
ъл «год», *ълқъ* «табун»		*ъл*, *ълқъ*
бузэв «теленок»		*бузэқ|бӧзэк*
бъзэр|бъзэ «мы»		(не записано)
бэрэптъ «он идет»/*дейэптъ* «он говорит»		*бэрэптъ*
дейеъз «мы говорим»		*бэрэвуз* «мы идем»,
мъннэг «этак», *уннэг/ъннэг «так»*		*келэвуз* «мы приходим»
(но *қэннэй* «как», *эттэй* «как конь»)		*қэннэз*, *эттэй/эттдк*

Курпа-тюрк	Галляарал II	Кара-тепа	Морияк
эннъ/эндъ	*эндъ*	*эннъ*	*эннъ/эндъ*
съйър	*съйър*	*съйър/ънэг*	*съйър*
ъл, *ълқъ*	*йъл*, *йълқъ*	*ъл*, *ълқъ* (но *йэчкъ*)	*ълқъ*, *ълқъчъ*
бузэг/бузэг	*бузэв*	*бӧзэк*	*бузэв*
бъзэр	*бъзэр/бъзлэр*	*бъз/бъзэр*	*бъзлэр*
бэрйэптъ/вэрэптъ	*бэрйэптъ/бэрэйэтър*	*бэрэптъ*	*бэрйэптъ*
дэсдэй «как друг»	*дэсдэй*	*қэннэг/қэннэй*,	*дэсдй/дэсдэк*
қэ:рэмэннэй «как герой»		*дӧсдэй*	

Детальное выявление языковых взаимоотношений всех существующих говоров тюрков составит тему самостоятельного исследования. При почти полной неизученности говоров тюрков в настоящее время наиболее близкие из них — говоры кишлаков Усмат-тюрк и Курпа-тюрк — ниже рассматриваются в совокупности их языковых черт.

Переходя к анализу языковых особенностей этих говоров, отметим прежде всего те их черты, которые сближают эти говоры с городскими говорами среднеузбекского диалекта. В изучаемых говорах гласных насчитывается то 6 — *ъ*, *э*, *ə*, *ɔ*, *ӧ*, *у* — в тех случаях, где произошло слияние

[4] Пользуемся случаем выразить свою признательность У. Насирову и Х. Джураеву, любезно познакомившим нас со своими материалами по говору кишлаков Курпа-тюрк и Усмат-тюрк.

переднего *о* и заднего *о* (графич. *ў*) в один звук *ӧ* (*бӧлдъ*; подобное явление отмечено в городских говорах самаркандско-бухарской подгруппы), то 7, когда задний *о* сохраняется.

Фонема *ɔ*, по наличию которой говор тюрков сближается с городскими говорами самаркандско-бухарской подгруппы, употребляется как в первом, так и — спорадически — во втором слоге, который может входить в состав как корневой морфемы, так и словоизменительной морфемы [5]: *бɔрɔптъ*, *кɔмɔптъ*, *қɔнɔр* (У.-т.); *укɔ*, *этɔгълъ*, *әйɔгъмъз*, *вɔрɔптъ* (К.-т.).

Для изучаемых говоров характерно аканье в первом слоге: *әтә*, *әстънъздә*, *әлдъдә*, *әрәләп*, *әпә*, *әшдъ*, *бәлләр* (лит. *болалар*), *әтәлъп кәгән* (У.-т.), *әвɔ* (лит. *амаки*), *әкɔ*, *әтɔ*, *әйɔгъмъз*, *әтɔгълъ* (К.-т.), которое, однако, не проводится последовательно; ср.: *эсән* «легкий», *хәхләгән* «желавший» (У.-т.), а в говоре Курпа-тюрк параллельно с *ләләкъ* «мак» отмечено *лɔлɔкъ*. Средневековый говор, на который был ориентирован язык «Бабур-наме», скорее всего был акающим; по мнению А. М. Щербака, данных о появлении «оканья» в староузбекском языке нет [6].

Губная гармония гласных в говорах тюрков проявляется спорадически, причем действие ее распространяется не далее второго закрытого слога, по преимуществу — корневого, например: *этун* «дрова», *эттуз* «тридцать» (К.-т.). Примечательно, что узкий губной *у* во втором закрытом аффиксальном слоге может быть факультативно представлен и после неогубленной корневой гласной — *Темур/Темир* (У.-т.) личное имя, *келур* «придет» (К.-т.); особенно часто узкий губной *у* в указанной позиции фиксируется в записи дастанов «Гӧр ӧғлъ» и «Йɔзъ-Зәвɔ», произведенной от сказителя М. Хакимова (76 лет) из кишлака Кизил джар Денауского района Сурхан-Дарьинской области: *бълмәймусән* «не знаешь ли ты», *кърмәймусән* «не войдешь ли ты», *қɔләдур* «оставляет», *қойɔдур* «кладет», *бӧлъдӧр* «[это] его сын», *тɔгләрудур* «[это] их горы», *йɔздърур* «заставляет выжимать (сок)»; в говорах тюрков Кашка-Дарьинской (особенно в кишлаке Тарагай Чиракчинского района) и Сурхан-Дарьинской областей обычны корневые и словоизменительные формы типа *сәндуг/сәннуг*, *барайнук* «пойдем-ка мы».

В языке «Бабур-наме» губная гармония, которая, по А. М. Щербаку, в этот период «предстает в неустойчивом виде» [7], характеризуется все же значительным лексическим охватом — это касается как корневых слов (*оғул* [8], *кӧңӧл*, *урду*, *буғу* «олень»), так и некоторых дериватов (в основном уже не воспроизводимых — *ӧлӧш* БН 39 «часть, доля», *қошун* БН 17_{14} «войско», *ӧтрӧ* БН 202_6, 206_{11}, 66_2 «напротив, навстречу», *бӧлӧк* БН 21 «уезд, отделение племени, рода», *тӧзӧк* БН 16 «порядок, правило», *ӧтӧк* «сапог», *ӧсрӧк* «пьяный», *ӧксӧк* БН 286_4 «недостаточный», *Қутлуқ бәкім*, *йолуқ-* «встретить, наткнуться»). Далеко не все аффиксы как словообразования, так и словоизменения подвергаются губной гармонии. Хотя к глагольной основе с губным вокализмом присоединяются аффиксы любого залога с губным гласным: *тутул-*, *унутул-*, *тӧзӧл-*; *олтургуз-*, *тӧшур-*; *көруш-*, *уруш-*; ср. также оформление основы с губным вокализмом показателями двух разных залогов: *йӧкӧндурул-*, *туттурул-*, *көру-*

[5] Аналогичное явление можно отметить в песнях тохчионских карлуков (Сары-Ассийский район Сурхан-Дарьинской области) в записи Б. Х. Кармышевой: *харидор булоди-ей* (Б. Х. Кармышева, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, стр. 72).

[6] А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.— Л., 1962, стр. 69.

[7] Там же, стр. 74.

[8] При передаче примеров из «Бабур-наме» в целях большей наглядности схождений и расхождений его языка с говорами современных тюрков применяется транслитерирование (с элементами транскрибирования) на основе современной узбекской графики.

шуl-, *урушул-*, необходимо, однако, учитывать, что соблюдение губной гармонии в этом случае имеет своей обратной стороной тенденцию к безразличному, нейтральному употреблению (т. е. к стандартизации) губных вариантов залоговых показателей при основах с негубным вокализмом (за исключением показателя взаимно-совместного залога: *чіқіш-*, *кіріш-* БН 31_5), например: *қачур-* БН 269_4, *бақтур-* БН 31_2, *йашул-*, *кәлтуруl-*, *йандурул-*, *қачурул-*, *чабтурул-*, *йәткуруl-*, *кійдуруl-*, *қаздурул-*, *айт(т)урул-*, *сіндурул-*. Подобное же соотношение в соблюдении губной гармонии и, с другой стороны, распространения губных вариантов аффиксов на основы с негубным вокализмом наблюдается при оформлении и некоторых других глагольных категорий. Ср., например, показатель причастия настояще-будущего времени *-(а/у)р*: *йурур*, *болур*, но также *білур*, *көлур*, *алур*, *қалур*, *қілур*, *барур*, *чіқарур* (но см. наряду с этим *көрәр*, *учар* и проч.); имя действия на *-гу* и его производные: *болғулуқ* БН 377_{14}, *олтургудәк* БН 445_7, *қорққудәк* БН 389_{14}, *қошулғучі* БН 331_5, но также *ічкулук* БН 17_2, *қілғулук* БН 271_{15}, *тіләгудәк* БН 283_{15}, *танігусіз* BN 212 II_9, *алғуңдур* БН 216_{13}; предикативный показатель 3-го лица ед. числа *-тур*: *болубтур*, *тўшубтур*, но также *қіліптур*, *алібтур*; вопросительная частица: наряду с типом *көрдуңуз му — тута му дур* БН 240_7, *берә мудур* БН 396_{18}; показатель повелительного наклонения 3-го лица: *болсун*, но также *қілсун*, *кәлсунлар*; показатель прошедшего категорического времени, снабженный аффиксом 1-го лица мн. числа (материал приводится ниже). Подобное нейтральное употребление губных вариантов аффиксов само по себе может свидетельствовать о недостаточно развитой специализации губной гармонии в этот период эволюции языка.

О соблюдении губной гармонии, не связанном со стандартизацией губного варианта аффикса, можно говорить, например, в случаях присоединения к глагольной основе с губным вокализмом показателя прошедшего категорического времени + показатель 1-го лица ед. числа: *тўштум*, *болдум* (но ср. *қілдім*, *атландім*), а также показателя деепричастия *-(у/і)б*: *оқуб*, *болуб*, *буйуруб*, *қошуб* (но *қіліб*, *кәчіб*, *тартіб*; ср., однако, разночтения по рукописям: *чіқуб* С 11, 12 и *чіқіб* К 60, 76) и показателя глагольного имени *-(у/і)ш*: *уруш*, *көрунуш* (но *кәліш*, *баріш*) [9].

Палатально-велярная гармония гласных не свойственна изучаемым говорам; что касается языка староузбекской литературы, то А. М. Щербак, например, осторожно отмечает, что «данные, позволяющие говорить о степени сохранности или устойчивости первого типа [палатально-велярной.— *Г. Б.*] гармонии гласных в староузбекском языке, в нашем распоряжении почти нет», и перечисляет при этом «лишь несколько [около двух десятков.— *Г. Б.*] случаев нарушения палатально-велярной гармонии в некоторых собственно тюркских и заимствованных словах и непостоянство ее в разного рода композитах» [10]. К. Броккельман, основываясь на регулярных наблюдениях над употреблением велярных *қ*, *г* и палатальных *к*, *г* в кругу изучаемых им морфем, отмечает, что в языке классической литературы эти согласные в аффиксах «зачастую совпадают, между тем как о б а р я д а г л а с н ы х в ы р а в н и в а ю т с я в о д и н

[9] Детализованные списки грамматических форм (как глагольных, так и именных), характеризующихся соблюдением губной гармонии, а также списки форм, не подвергавшихся губной гармонии, приводит А. М. Щербак (указ. соч., стр. 74—76).

[10] А. М. Щ е р б а к, указ. соч., стр. 73 и сл.

нейтральный» (разрядка наша.— *Г. Б.*) [11]. Вообще же он полагает, что «противопоставление обоих рядов гласных стирается... уже рано» [12]. При обращении к практике передачи текстов классической литературы в транскрипции оба исследователя, однако, строго придерживаются принципов палатально-велярной гармонии гласных [13].

В. В. Решетов, основываясь на разборе работ К. К. Юдахина и А. К. Боровкова, посвященных анализу языка старшего современника Бабура — Алишера Навои, подчеркнул, что «мнения исследователей в основном не расходятся по вопросу о принадлежности диалектной базы языка Навои к несингармоническим узбекским говорам» [14], и высказал предположение, что андижанский говор «уже в эпоху Бабура не был строго сингармоническим, как и говоры некоторых других городов Ферганы, например Маргелана, но сохранял контрастирующие пары в ряду губных гласных верхнего и верхне-среднего подъема, прослеживаемые и сейчас в андижанской группе узбекских говоров» [15].

Наблюдения над текстом «Бабур-наме» позволяют обнаружить отдельные явления, само существование которых налагает известные ограничения на действие палатально-велярной гармонии гласных [16] (говоря далее о гармонии гласных, мы будем иметь в виду именно палатально-велярную гармонию). Для таких наблюдений в качестве наиболее подходящих выбраны грамматические показатели, причем именно такие, консонантизм которых особенно выразителен при передаче палатальности и велярности гласных. В результате в поле нашего внимания оказались аффиксы, варианты которых в соответствии с принципами сингармонизма и гармонии гласных должны иметь в своем составе или увулярные *ḳ*, *ġ*, или задненебные *к*, *г*.

О нейтральном характере звука *і*, способного иметь «фонетический, но не сингармонический вариант» [17] при сочетании с увулярными или заднеязычными согласными, могут свидетельствовать колебания в использовании мягких и твердых вариантов аффикса- *лік/-лық*, образующего имена существительные и прилагательные, ср.: *ішлік* БН 219_{23} «деловой», но *атлік* БН 284_{5} «обладающий именем», *тіканлік* БН 373_{20}

---

[11] C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, Lf. 1, Leiden, 1951, стр. 39.

[12] Там же, стр. 49.

[13] К. Броккельман, транскрибируя не укладывающееся в рамки палатально-велярной гармонии гласных написание *čiqtïk* «мы вышли» с ауслаутным кяфом, передавал гласный аффикса не нейтральным звуком, а палатальным *и*; свою транскрипцию он сопроводил подтверждающе-удивленным восклицанием «(so!)» (указ. соч., стр. 32). Точно так же употребление одного и того же слова с *-qa* и *-ka* — вариантами показателя дат.-напр. падежа — он обозначает как колебание между двумя сингармоническими вариантами слова *dunyaqa* ~ *dünyäkä* (там же, стр. 50).

[14] В. В. Решетов, Узбекский язык. Ч. I, Ташкент, 1959, стр. 22.

[15] Там же, стр. 23.

[16] В. А. Богородицкий видел условие «для перехода в несингармоническое состояние» именно в том, «чтобы разорвалась ассимиляционная связь между суффиксами и корнем таким образом, чтобы за данным суффиксом утвердилась одна из его разновидностей» (см. его «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками», Казань, 1953, стр. 101, примеч. 2; ср. также: М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1955, стр. 124).

[17] Г. П. Мельников, Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем, М., 1965, стр. 29. Предположение о первичной нейтральности *і* в отношении гармонии гласных см.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 183. Отмечая, что у Навои ничего не говорится «о различении гласного *і* и заднего ы-образного гласного». А. К. Боровков предполагал «отсутствие чередования здесь по линии палатальности и непалатальности» (А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, сб. «Алишер Навои», М.— Л., 1946, стр. 106).

«обладающий шипами» и *тіканлік* 373_{23}; *муҳаççіллік* БН 270_{16} «сбор податей» и *мухаççіллік* 271_6; *қара рәңлік* БН 364_{18} «черного цвета», но *сәбз рәңлік* 365_6 «салатного цвета», *сарік рәнлік* БН 367_{21-22} «желтого цвета» (ср. и *бәш күнлүк* БН 261_{18} «пятидневный»). Аналогичное явление свойственно узбекским говорам городского типа, что нашло отражение и в современном литературном языке. Кстати, вслед за Г. Хазаи, Г. П. Мельников развитие губной гармонии и закрепление огубленных аффиксов только после слогов с огубленными гласными связывает именно с развитием и стабилизацией противопоставления *i* — *ї* [18].

Не только в плане «нарушения согласования по принципу губности» примечателен показатель прошедшего категорического времени, снабженный аффиксом 1-го лица мн. числа. В языке «Бабур-наме» из четырех приводимых А. М. Щербаком для староузбекского языка вариантов (*-дїк* ~ *-дік* ~ *-дук* ~ *-дүк*) фактически употребляются варианты с обязательными признаками не только узкости, но и губности — независимо от губного или негубного вокализма основы (ср. аналогичное явление в уйгурском языке [19]), причем в ауслауте аффикса чаще всего выступает заднеязычный *к*. Если же говорить еще точнее, то на 270 страниц второй половины «Бабур-наме» приходится всего около десятка случаев употребления велярного *-дуқ*, причем весьма ограничен круг глаголов, к которым этот вариант присоединяется. Таких глаголов оказывается только пять, и указанная форма каждого из них (с велярным вариантом) обладает неодинаковой частотностью (хотя в тексте «Бабур-наме» эти глаголы примерно одинаково часто употребительны), см.: *мутаwаджджіх болдуқ* БН 232_{10}, 267_{18-19} «мы направились», *атландуқ* БН 89_{10}, 263_{22}, 265_{21}, 330_{22} «мы отправились», *бардуқ* БН 238_5 «мы шли», *айт(т)уқ* БН 237_{11} «мы сказали», *айта алмадуқ* БН 242_{20} «мы не могли сказать» (ср. еще BN 240 I_{14} *айра алмадуқ* при БН 267_{18} *айріб йібара білмадук*); те же самые глаголы параллельно употребляются и с палатальным вариантом *-дук* (например: *мутаwаджджіх болдук* БН 271_{22}, 276_4, 302_{14}, 319_{16}, *атландук* 250_8, *бардук* 256_6, *алдук* 243_{23}), причем по частотности такие формы резко превосходят формы с велярным вариантом *-дуқ* [20]. Глаголы с графически ярко выраженным велярным консонантизмом и вокализмом, как, например, *қіл-* «делать», *чіқ-* «выходить», *ілға-* «совершать набег, нападение», *атқула-* «постреливать», *тіқ-* «вталкиваться», *қон-* «ночевать», *қой-* «класть», *уйқула-* «спать», *оқла-* «пускать стрелы» и др. ни разу не отмечены с велярным вариантом *-дуқ* и встречаются только с *-дук* [21], например: *қілдук*

---

[18] Г. П. Мельников, [рец. на кн.]: М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, ВЯ, 1966, 5, стр. 136. О взаимосвязи и механизме действия «палатального сингармонизма» и «привходящего губного сингармонизма» см.: В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 132, примеч. 1.

[19] Ф. Г. Исхаков, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков, ИСГТЯ, I, М., 1955, стр. 102. По мнению Х. Д. Даниярова, губные варианты этого аффикса принадлежали языку староузбекской литературы, негубные характеризовали кыпчакскую языковую стихию, окружавшую тюрков.

[20] Перечисленные основы, тем не менее, принадлежат к твердому ряду, что с очевидностью демонстрируется примерами типа *атланған* БН 31_{15}, 89_{16}, 150_3, *болғай* БН 39_{19}, *болғанда* 39_{17}, *болғач* 72_9, *болғусідур* 191_9, *барған* 72_8, *алғалі* 190_6 (ср., однако, *қілмаған* БН 380_{12}).

[21] Ср. свидетельство В. В. Решетова о том, что «в сингармонических говорах карлуко-чигиле-уйгурского наречия (узбекского языка.— *Г. Б.*)... выступает один ряд аффиксов, преимущественно передних...» (в сб. «Диалекты тюркских языков Советского Союза», в печати). Это же явление намечается и в говорах тюрков, где обычны формы типа *чъқдъқ*.

БН $244_{12, 13}$, 247_{16}, 269_{20}, 277_{23}, 278_{20}, 291_{15}, 294_{14}, *қілмадық* 313_{20}, *чіқтық* БН 246_{17}, 248_{19}, 256_{20}, *ілгадық* БН 294_{23}, *атқуладық* 248_{20}, *тіқтық* 109_{22}.

Представляется возможным истолковать описанное явление как стремление к стандартизации одного варианта *-дық* (из постулируемых четырех) в силу его проявившейся индифферентности как к губной и палатально-велярной гармонии гласных, так и к сингармонизму в целом (в нашем материале, к сожалению, отсутствуют случаи, когда велярность или палатальность *-дық* могла бы стать ключом к смыслоразличению всей словоформы; имеется в виду противопоставление вроде *өлтүрдүк* «мы убили» — *олтурдық* «мы сидели» [22]).

Известное стремление к индифферентности в отношении гармонии гласных обнаруживают и некоторые другие аффиксы; любопытным образом это стремление проявляется в показателе дат.-напр. падежа. Несмотря на тот факт графики, что в ауслауте алиф пишется обычно в сочетании с кяфом, в то время как ха-и хавваз сочетается с кафом и гайном [23], на нейтральное качество выступающего в составе вариантов дат.-напр. падежа аслаутного гласного *-а* могут указывать такие параллели: при обычном *аркқа* БН 270_1 «в кремль» употребляется *аркқа* 255_1, при обычном *кімға* БН 261_{22} «кому» — *кімқа* 499_{22}, при обычном *анға* БН 14_1, 109_{22}, 208_{15} «ему» — *анға* БН 313_{19}, 344_{16}, 477_{16}, при обычном *мәнға* БН 14_7, 329_{15} «мне» — *манға* 319_{12}; пример разночтения по рукописям: К 135, БН 29 *Самарқандға* — С 19 *Самарқандға*. Ср. также случаи, где вариант *-ға* присоединяется к основе с палатальным звуковым составом (*көңүмгә* БН 463_{14} «моему сердцу») и, наоборот, вариант *-ға* отмечается в слове *йіл* «год» (*йүз ікі йүз йілға йақын* БН 421_{22} «приблизительно 100—200 лет»). См. также случаи безразличного употребления аффикса *-рақ/-рақ*: *ҳош рәңрақ* БН 362_{15} «получше цветом», *бірәңрак* БН 443_9 «побесцветнее», а также параллельное употребление *көпрак* БН 278_{18} «побольше» и *көпрақ* БН 272_8, 356_4, *кічікрак* 304_{10}, 308_{17} «поменьше» и *кічікрақ* БН 308_{15} [24].

Если при истолковании изложенных выше наблюдений принять во внимание высказанную еще К. Броккельманом мысль о существовании

[22] В то же время в языке «Бабур-наме» можно наблюдать ряд случаев, когда явления сингармонизма используются для смыслоразличения: *өлтүрған* «убивший» (*атасіні өлтүрғандін соң* БН 296_{10} «после того как убили его отца») и *олтурған* (*түздағі олтурған афғанларні* БН 282_{23}—283_1 «равнинных, оседлых афганцев»), *ілғәрі* БН 244_{11}, 265_{16} «впереди, вперед» и *ілғарі* БН 233_{12} «его нападение», *әгачі* БН 204_8, 255_{21}, 260_{22} и т. д. «старшая сестра» и *ағача* «госпожа» (БН 209_{23} *Папа ағача*, 209_{17} *Міңлі бәй ағача*, 214_4 *Бәкі Султан ағача*, 281_{16} *Ділдар ағача*).

[23] На то, что ха-и хавваз может обозначать в «Бабур-наме» нейтральный гласный *-а* в ауслауте, указывает безразличное использование ха-и хавваз и алифа в ауслауте, например, слова *қатла* «раз» (ср. БН 53_2, 185_{11}, 255_{17}, 484_{23} — написание с ха и БН 253_{16}, 256_{19}, 449_{13} — с алифом) или *бәігә* (в БН 29_{10} оно пишется с ха, в BN 23 II_9 — с алифом). Такое же нейтральное *-а*, регулярно обозначаемое ха, оказывается в глухом варианте показателя местного падежа *-та*; для звонкого варианта *-да* имеются разночтения по рукописям: с ха в BN 6 I_3 *кітабларда* и 20 II_5 *қавақліқларда*, но те же словоформы с алифом в БН — соответственно 6_{21} и 25_8; ср. еще Тур нс 104 стр. 2 *wәсәтдә* с алифом в ауслауте и БН 2 *wәсәттә* — с ха. Нейтральность гласного, обозначаемого в этих вариантах посредством ха, подчеркивается регулярным употреблением варианта *-та* (*-а* обозначен ха) при словах, фонетически принадлежащих к велярному ряду: *'ірақта* БН 207_{16} «в Ираке», *учақта* 359_{19} «в полете», *сауқта* 54_{15} «в холоде». На недифференцированное употребление «мягких вариантов» падежных показателей указывает также Алибек в своей статье «XV аср адабий тилининг вокализми» (ЎТАМ, 1962, 6, стр. 67).

[24] На «смешение» кафа и кяфа обращал внимание еще Махмуд Кашгарский (см. его «Девону луғотит турк», I. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, Тошкент, 1960, стр. 69).

нейтральных гласных в аффиксальных слогах [25], то можно прийти к выводам, которые противоречат традиционным принципам транскрибирования текста «Бабур-наме» как принадлежащего языку с последовательно действующей палатально-велярной гармонией гласных [26]. На этом основании мы вводим в используемую нами транслитерацию дополнительный диакритический значок для обозначения нейтральности гласного непервых слогов — подстрочную точку (т. е. *ạ*, *ụ*; *i* обозначает нейтральный в отношении гармонии гласных звук).

Таким образом, в языке «Бабур-наме» представлены неразрывно связанными (а подчас — и воплощенными в одних и тех же вариантах аффиксов) тенденции, во-первых, к стандартизации аффиксов с вокализмом, нейтральным по отношению к палатально-велярной гармонии гласных, а, во-вторых, в ряде случаев — к стандартизации губных вариантов аффиксов с заднеязычным согласным в ауслауте, способных выступать как несингармонические (т. е. в соединении с основами, имеющими негубной вокализм).

Именно «слабое артикуляционное различие мягких и твердых разновидностей» [27] нейтрального *i*, как это предполагает Г. П. Мельников, может обусловливать йотацию его начальной позиции — оказавшись без поддержки и вне влияния соответствующего (и в какой-то мере определяющего) тембра согласного, этот нейтральный звук находит средство своего усиления в протезе *й-* [28]. Уже сама по себе колебательность явления йотации

[25] Факты, подобные вышеизложенным, допускают и толкование в плане гипотезы о сравнительно позднем развитии гармонии гласных в тюркских языках и о вторичности ее по отношению к сингармонизму (см., например: М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 86 и сл.; ср. М. Моллова, К истории тюркского вокализма, ВЯ, 1966, 2).

[26] По мнению А. М. Щербака, четкое различение в «Мухакамат ал-лугатайн» Навои «четырех вариантов произношения буквы „вав", выделяемых по признаку твердого или мягкого ряда (*ом*, *ум*/*өм*, *үм*) и по признаку широты или узости (*ом*, *өм*/*ум*, *үм*)» «свидетельствует о том, что в языке Навои, по крайней мере в пределах губных, сохранялась общетюркская шкала вокализма, и гармония гласных не была утрачена» (указ. соч., стр. 67). Не следует, однако, забывать, что Навои имел в виду вокализм только первых, корневых слогов; общеизвестно к тому же, что те же гласные, что́ и в корне, могут встречаться в аффиксах в том только случае, если гармония гласных проводится достаточно последовательно (о возможности сохранения «системы гласных, развившихся в период существования сингармонизма», при исчезновении «не только губной гармонии, но и гармонии по признаку ряда», см.: Г. П. Мельников, О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту, «Народы Азии и Африки», 1962, 6, стр. 134). О том, что именно в пределах губных гласных существование гармонии в описываемый период вызывает особенные сомнения, достаточно ясно может свидетельствовать самый факт нейтрального употребления вариантов аффиксов с обязательными признаками не только узкости, но и губности и с почти обязательным признаком палатальности замыкающего заднеязычного согласного (последний признак многими исследователями принимается за мягкость аффиксального гласного, не зависящего от вокализма основы; мы истолковываем этот признак как нейтральность аффиксального гласного по твердости — мягкости).

Примечательно также, что нарушение гармонии гласных в историческом аспекте все более привлекает внимание лингвистов — с докладом на эту тему, основываясь, главным образом, на анализе языка произведений Навои, выступил недавно Ф. А. Абдуллаев (об этом см.: «Общественные науки в Узбекистане», 1966, 3, стр. 52).

[27] Г. П. Мельников, Математические формулы и блок-схемы электронных автоматов для описания и моделирования взаимодействия дифференциальных признаков фонем при сингармонизме (огласовка тюркских аффиксов). Ч. 1, М., 1961, стр. 28.

[28] Возможно, при этом не лишним будет учитывать также свидетельство Рамстедта, который, по словам М. Рясянена, писал, «что артикуляция *j-* в восточнотюркском языке настолько слаба, что графически ее можно обозначить, по усмотрению пишущего *ji-* или даже *i-*» (М. Рясянен, указ. соч., стр. 165); указание на *j*, «колеблющийся между палатально-спирантным и полувокальным произношением», см. также: С. Brockelmann, указ. соч., стр. 46. Ощущение этого *j-* К. Броккельман,

в этом случае (т. е. наличие анлаутного *й-* там, где, казалось бы, ожидать его не следовало, и отсутствие его в лексемах с исконным начальным *й-*) весьма показательна именно в указанном плане.

Протеза начального *й-* наблюдается в говорах тюрков Самаркандской области: У.-т. *йэмэс* «не суть» (лит. *эмас*), в говоре Кара-тепа *йэшшэг* «осел», *йэшътмэсъмъзгэ* «из-за того, что мы не слушаем», *йэмэс*, *йэкъ* «два» (наряду с *ъкэвъйэм* «также они оба»), *йэпэ/эпэ* «старшая сестра», *йэкэ/экэ* «старший брат»; это явление регулярно наблюдается в говорах тюрков Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей [29], например, у барласов кишлака Лангар Чиракчийского района Кашка-Дарьинской области: *йэскъ* «старый», *йэчкъ* «коза», *йэл* «народ», *йэллък* «пятьдесят», *йэннъ/эннъ* «сейчас», *йэшъткэн/эшъткэн*. Ср. также М. *йъйнэ* «иголка» (ср. лит. *игна*, кыпч. *ъйнэ*).

Наряду с этим нередки случаи падения анлаутного *й-* — во всех этих говорах (кроме Г. II) отмечены *ълқъ* «табун», *ълқъчъ* «коневод», У.-т.— *ъл* «год», *ъйнэ*, К.-т.— *ъл*, *ъръй* «далеко»; в говоре Кара-тепа — *ъқълъптъ* «свалился», *ъқълъп*, *ъқъллъ* (иногда — *йъқълъп*), *ърэгᵏ* «сердце» (лит. *юрак*).

В языке «Бабур-наме» обычны слова с анлаутным *й-* перед узкими гласными: *йэлкан* «парус», *йійақ/йійаг* «пеший», *йілқіран* название кушанья (БН 316_{17}); регулярной, как и в староуйгурском языке, является форма слова *йіғач* «дерево» (БН 122_{22}, 162_{6}, $164_{3.4}$, 165_{4}, 166_{3}, 193_{14}, 217_{16}, 250_{19}, 354_{20}, 356_{12}, 371_{13}, 427_{18}). Ср. также *йэсір* «пленный» (БН 438_{14}/ /BN 339 I), *йілдам* «быстрый» (БН 119_{22}). Последние два примера — единичные при частных здесь *äсір* и *ілдам*. Случай падения анлаутного *й-*: *агач* БН 369_{18}, *ілқіларіға* БН 200_{17} «к его табунам» [30], *ірақта* БН 39_{19} «вдалеке», *ірақрақтін* БН 293_{4} «издалече» (при обычном *йірақ* «далекий») *ɜр* БН 360_{10} «место» (при обычном *йɜр*), *ібардук* БН 333_{18}, 435_{7} «мы послали» (при обычном *йібардук*), ср. еще *қарашул іргән йігітлар* BN 25 II_{9} при *қарашул йібарған йігітлар* БН 32_{2} «молодцы, посланные караулом» (ср. в связи с этим *йэрдък* К.-т. = лит. *юбордик*).

В связи с анлаутным *й-* и его протезой следует упомянуть о его сужающем воздействии на последующий широкий гласный [31], что представлено регулярно встречающимися в языке «Бабур-наме» формами *йіғач* «дерево», *йіна* «еще, также», *йійақ* БН 113_{3}, 140_{6}, 185_{2}, 342_{3} «пеший»,

---

опираясь на указание Махмуда Кашгарского, считал «особенностью диалекта гуззов и кыпчаков» (там же); Махмуд Кашгарский считал присутствие начального *й-* присущим речи средневековых тюрков. О том, что в староузбекском языке «оказываются предпочтительными йотированные формы», см. также: А. М. Щ е р б а к, указ. соч., стр. 231.

[29] На сходное явление в ташкентском диалекте узбекского языка вслед за Ст. Вурмом указывал М. Рясянен (указ. соч., стр. 164). См. то же в кыпчакских говорах Бирунийского района (Э. Ю. У р а з о в, Узбекские говоры Южной Каракалпакии. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1966, стр. 7), а также в части кыпчакских говоров Самаркандской области.

[30] Ф. А. Абдуллаев отмечает варианты *илқи — йилқи*, *ипак — йипак* в произведениях Алишера Навои и указывает на случаи выпадения начального *й-* в памятниках тюркской письменности XIII—XV вв. (см. Ф. А. А б д у л л а е в, О генезисе джеканья в тюркских языках, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, 2, стр. 49).

[31] А. М. Щербак предполагает «в небольших размерах палатализующее воздействие [*й-.— Г. Б.*] на соседние звуки и на характер или тип вокализма в целом» (указ. соч., стр. 87). О том, что начальный *j-* способен вызывать род «расщепления» в последующем гласном, говорит М. Рясянен (указ. соч., стр. 53). К. Броккельмана, который готов был признать влияние анлаутного *j-* на последующий гласный, удерживала лишь непоследовательность в осуществлении этого явления в формах одного и того же слова.

пешком». После анлаутного *й-* в слове *йібар-* регулярно используется узкий негубной *і* [32]; в той же позиции в слове *йур(у/і)*-регулярно представлен узкий губной *у*; ср. однако узкий негубной *і* в его производном *д͡жірутма* БН 199_{12} «труднопроходимая тропинка».

В изучаемых говорах с указанным явлением может быть сопоставлено разогубляющее воздействие анлаутного *й-* на последующий губной гласный — *йәҟэтъб ҟэйәмъз* (лит. *йӱҟотиб ҟӱямиз*), *йәрдък* (К.-т.) (лит. *юбордик*), *йәвэрдъм* (Кара-тепа) (лит. *юбордим*).

В консонантизме современных говоров тюрков следует отметить возникновение *й* < *к* как в инлауте, так и в ауслауте — *эшъйнъ эч*, *кэттък/кэттъй-дә*, *къчъй*, *кучъй*, *кърпъй*, *әтәбәй*; в «Бабур-наме» отмечен единственный случай в имени собственном: *Міңлі бӭй агача* БН 208_7, 209_{17}. Точно так же в ауслауте и инлауте говоры показывают возникновение *й* < *г* (*съйър* «корова»), причем формы с *-й* и *-г* в ауслауте употребляются параллельно: *керәг/керәй*, *тъләг/тъләй*, *кэттәлъг/кэттәлъй* (К.-т.).

Возникновение инлаутных и ауслаутных *г* < *ҟ* и *г* < *к* в говорах тюрков (*йэгмъ*? «нет ли?», *чъгъп* «выйдя», *йӧгәлгән/йӧҟәлгән* «пропавший» У.-т.; *бъёгда*, *мъннэг*, *уннэг/ъннэг* К.-т.; *чъгъп*, *чъгәръп* — Кара-тепа; *чъгъп* Г. II) наряду с возможным параллельным употреблением ауслаутных форм на *-к* и *-г*, *ҟ-* и *-г* (*чэйнук/чэйнәг* М.; *чӱчӱк/чӱчӱг*, *ҟудуҟ | ҟудуг* «колодец» при дат.-напр. падеже *ҟудуҟҟә/ҟудуггә* У.-т.; в говоре кишлака Кара-тепа — *йӧҟ | йӧг* «нет», *ҟуруглъҟ/ҟуруглъг* «сухость», наряду с *сувуҟ* «холодный», *бӭйлък* «княжество», *пэшшэлъҟ* «падишахство» широко распространены *къчъг* «маленький», *узуг* «кольцо», *ӧрэг* «серп», *чъг* «выходи», *йәхшълъг* «добро», *йәмэнлъг* «зло») имеет опору в языке классической литературы и, в частности представлено в «Бабур-наме».

Широко представлены в языке «Бабур-наме» колебания ауслаутных *-ҟ* ~ *-г* [33] в одном и том же слове, например: *йійаҟ* БН 113_3, 140_6, 185_2, 342_3 «пеший» наряду с *йійаг* 117_{20}, 338_5, 394_7, *йаwуг* БН 425_8, 436_{13} «близкий» на фоне обычного *йаwуҟ* (ср. *йәвуг* в современных говорах тюрков), *таwуг* БН 337_1 «курица», *таwугнің* 362_{12} и *таwуҟ* 337_2, *таwуҟні* 363_{16} (ср. в говорах тюрков — К.-т., У.-т. — *тәвуг*); *ҟулаг* 339_{19} «ухо» на фоне обычного *ҟулаҟ*; *баліг* 308_{23}, 365_{23} «рыба», *баліглар* $366_{3,5,7}$ рядом с *баліҟ*; *йанҟаг* БН 369_9 «орех» и *йанкаҟ/йангаҟ* $370_{2,15}$, *ошандаг* 134_{11} «вот так» при *ошандаҟ* 130_3, 131_5. Особенно показательно в этом отношении прилагательное *улуҟ/улуг* «большой, великий» — в Керовской рукописи явно преобладает написание *улуг*, хотя *улуҟ* тоже представлен достаточным числом случаев (37 раз на протяжении второй половины БН); в Хайдарабадской рукописи (BN) предпочтение отдается форме *улуҟ* [34].

---

[32] О делабиализации узких губных гласных в ногайских диалектах, объясняемой отчасти ассимиляцией губных соседнему *й*, см.: Э. В. Севортян, Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков, ИСТГЯ, I, стр. 27.

[33] Особенности арабской графики с одинаковым обозначением в ней *к* и *г* не позволяют выявить переход *к* > *г*, который, без сомнения, имел место в языке того времени.

[34] См.: C. Brockelmann, указ. соч., стр. 41. Сопоставление указанных двух рукописей показывает расхождение на первых 50 страницах всего в трех случаях, ср. *улуҟ* BN 3 II_5, 46 II_{11} (в последнем случае над кафом надписан гайн, что обозначает, по-видимому, частичное озвончение *ҟ*), 47 II_{11} и *улуг* БН 3_{23}, 57_{18}, 59_4; ср. также (с гайном над кафом) BN 31 I_3 *таҟ̂* «гора» и *таг* БН 41_{19}; однако, напротив, *андід͡жанліҟ* БН 10_{17} «андижанец» и *андід͡жанлиг* BN 9 I_7 (характерны разночтения в отношении глухого и звонкого вариантов показателя дат.-напр. падежа после конечного звонкого или сонорного основы: в БН 47_5 *Самарҟандҟа*, 69_{16} *Ход͡жандҟа*, 439_{21} *ітмамҟа* и соответственно в BN 38 I_{11} *Самарҟандга*, 56 I *Ход͡жандга*, 340 I_{11} *ітмамга*).

Переход *ķ* > *ғ* в интервокальной позиции в именах в языке рубежа XV—XVI вв. общеизвестен; иногда он совершается в указанной позиции и в глаголах — например, *чіғілді* БН 301_{14} «[мы] вышли», *чіғар* 359_{4} «он выйдет» на фоне обычных *чіķілді*, *чіķар*; *тіғіліб* 345_{15} «теснившись» рядом с *тіķіліш* 345_{16} «теснота».

Наблюдаемое в говорах современных тюрков спорадическое сохранение *к*, *ķ* в интервокальной позиции (при соединении *-к/ -ķ*-основ с аффиксами принадлежности: *ķулəķъм* «мое ухо», *эшəкъм* «мой ишак» — как в бухарских говорах) может быть сопоставлено с аналогичным явлением в языке «Бабур-наме»: *кішіміз азлиķіға баķмай* БН 119_{18} «не взирая на малочисленность наших людей» [35]. При этом *ķ* вместо *ғ* мог выступать в интервокальной позиции внутри корневого слова: *эшік аķа* БН 109_{13}, 285_{16}, 394_{15}, 423_{13} «дворецкий» (наряду с *эшік ага* 251_{1}, 307_{2} и регулярно употребляющимся *ага* «старший брат»). В позиции между гласным основы и сонорным *л* или *р* последующего аффикса также мог сохраняться глухой *ķ*: *баķлан ķаз* БН 190_{2-3} «гусь-баклан», *йійаķлə-* БН 112_{14}, 189_{12}, 200_{21} «стать пешим», *улуķлуғідін* БН 244_{9}, *улуķлар* БН 249_{3}, 452_{1} «великие», *улуķраķ* 243_{20}, 250_{4}, 253_{1}, 339_{18} [36].

В современных говорах тюрков при словоизменении указательного местоимения *бу* начальный *б* сохраняется: *бунгə*, *бундə*, *буннəн*, *буннəй*, *бунəķə*, *бунəķənъ* (К.-т., У.-т.), хотя на равных основаниях употребляются формы, где переход *б* > *м* совершился (*муннə/мундə*, *муннəн*, *мунчə*). Такую же непоследовательность в отношении возможности перехода *б* > *м* обнаруживает язык «Бабур-наме», где наряду с формами указательных местоимений *бундаķ* БН 245_{14}, *бунча* 288_{2}, 436_{5}, *ошбуні* 264_{1}, *ошбунча* 310_{5}, 468_{10} наблюдаются и более обычные здесь *мундаķ* 247_{3}, *мунға* 31_{5}, *мунда* 19_{1}, *ошмундаķ* 298_{8}. Наряду с более употребительным *булджар* «сборный пункт: полоса обеспечения» отмечена также форма *мулджар* БН 433_{2}, $435_{20,21}$, $479_{14,16}$, 482_{13}, $483_{1,19,21}$; наряду с более частым *чубуруб* «идя по прямой линии» один раз зафиксирована форма *чӱмӱруб* БН 377_{11}. Как правило, предикативный показатель 1-го лица мн. числа, сохраняя генетическую связь с соответствующим местоимением, представлен в языке «Бабур-наме» как *-біз*, хотя изредка встречается здесь и как *-міз* (*ķілурміз* БН 259_{18} «мы сделаем»). В современных говорах тюрков, наоборот, употребительной формой является вариант *-мъз* и лишь в отдельных временных формах (главным образом, на *-йэп/-эп*) отмечен вариант *-пъз/-бъз*: *ķəйтйəппъз/-бъз* (М.) «мы возвращаемся», *кəлəппъз* (К.-т.) «мы приходим».

Из других явлений консонантизма, свойственных говорам тюрков, отметим спорадическое сохранение ауслаутного *-л* в указательных местоимениях и местоимении 3-го лица ед. числа: *ул*, *бул*, *шул* (К.-т., У.-т., кишлак Кизил джар), *əнə шул*, *мəнə шул* (К.-т.) — эти формы сближают говоры с языком «Бабур-наме».

На современных говорах тюрков не могло не сказаться близкое соседство джекающей языковой стихии. Однако воздействие окружающих джекающих говоров проявляется неодинаково в говорах тюрков разных

---

[35] Об этой характерной черте консонантизма так называемого «чагатайского» языка и современных североузбекских говоров см.: «Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб», ч. I—II, М.—Л., 1938, стр. 411. Махмуд Кашгарский считал это явление присущим языку гуззов (указ. соч., I, стр. 67).

[36] Ср., однако, наличие звонкого *ғ* основы в той же позиции: *бағлан ķаз* БН 190_{3-1}, *бузуғлуғіда* БН 15_{11} «в его разрушенности», *йаруғлуғі* БН $441_{1,18,23}$ «его освещенность», *улуғраķ* БН 219_{7}, 354_{4}, 362_{19}, *улуғлуғі* БН 371_{20} «его величие», *йарағлің* БН 38_{12} «обладающий оружием», *йарағланіб* БН 54_{1}, 86_{9}, 184_{1} «вооружившись».

мест. Например, тюрки, проживающие в совхозе Галляарал II, I отделение, кыпчакизированы почти полностью. В других же говорах тюрков это воздействие сказалось в возникновении разрозненных фонетических и грамматических явлений, которые в своей совокупности ни в коей мере не составляют особой «системы в системе говора» и спорадическое употребление которых чаще всего носит факультативный характер. Таково употребление *дж* вместо *й* в начале немногочисленных слов, причем йекающие и джекающие формы одних и тех же слов употребляются параллельно: *жәйәв/йәйәв* «пешком» (У.-т.), *журәвәрәдъ*, но *йургәндъ*, *йурәдъган* (К.-т.).

Влияние джекающей языковой стихии своими корнями уходит в отдаленное прошлое [37]. Интересно напомнить здесь, что об элементах «джокчи» в литературном чагатайском языке писал еще А. Н. Самойлович, указывая, в частности, на явления джеканья в языке «Бабур-наме» — *джәр* «яр, обрыв» [38] (всего оно представлено здесь 14 словоформами). Перечень джекающих (или «чекающих» — их А. Н. Самойлович также привлекал к рассмотрению из-за одинаковости обозначения *дж* и *ч* в рукописях XV—XVI вв.) форм может быть значительно пополнен материалами «Бабур-наме». Назовем прежде всего встречающиеся здесь единожды *джірутма* БН 199_{12} «не легко проходимая, узкая дорожка»; *джій* [39] *болдук* БН $200_{18, 19}$ «мы стали кочевыми»; *джігін тала* БН 167_8 — трава, о которой Бабур упоминает в описании округов Кабулистана (ЛБ I 449 приводит еще и кирг. *чігін* «род тонкого камыша»); *чүпүрмақ* «быть прямым, ходить по прямой линии» [40], «идти гуськом» см. (ЛБ I 491) зафиксировано трижды: *бу араліқні тамам чүбүруб кәлдук* БН 250_{13} «это пространство мы прошли гуськом», *бір тәр гіз атімі чүбүруб бармақ кәрак* БН 295_{12} «[расстояние в] полет одной стрелы нужно пройти, идя по прямой»; см. также *чүмүруб* БН 377_{11} (*йагі андін інчка чүмүруб ақадур* «масло вытекает оттуда тонкой прямой [струйкой]», где произошел переход *б/п* > *м*; приведем здесь же *чөмүндум* БН 120_1 «я окунался в воду (нырял)» (ср. ОСТН. III, стлб. 2050). Л. Будагов в качестве иллюстрации к «кирг». *джутур-* «заставить или дать вымыть» приводит форму *джутургайлар* из стихотворения Бабура (по Березину, 241 — ЛБ II, стр. 385).

Влиянием джекающего языкового окружения обусловлено использование в говорах современных тюрков имени действия на *-(у)в* при обыч-

[37] На тесные контакты с кочевыми (джекающими) узбеками в разных сферах общественной жизни и быта неоднократно указывал и Бабур в своих мемуарах; жены многих «чагатайских» князей были из именитых узбекских родов. Примечательно, что имя узбечки жены Султана Хусейна мирзы в «Бабур-наме» варьируется: оно дается то на узбекский лад — *Міңлі бәй ағача* БН $208_7, 209_{17}$, то в «чагатайском» его чтении — *Миңлі бәк ағача* БН 211_{22}.

[38] А. Н. Самойлович, Элементы «джокчи» в литературном чагатайском языке, «Научная мысль», I, 1, Самарканд — Ташкент, стр. 13. Из других «джекающих» слов, названных Самойловичем, в «Бабур-наме» встречаются: монг. *джілаш* БН 132, 138_{19}, 293_{11}, 300_{22} «поводья» и его производные *джілашлуқ* БН 110_{12}, *джілашрәв* БН 130_{14}, 258_2, 307_{14}, 327_{23}, *джілашсыз* БН 110_{13}, 402_{22}; перс. *джулду* БН 200_{11}, 340_{10}, 385_9, «награда»; *джәрга* «круг, ряд, . . . облава, осада» [В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий (далее — ОСТН), IV, СПб., 1911, стлб. 75] — *джәрга сал-* БН 123_{17}, 327_{23} «устроить облаву», ср. *ул аралні чәргаладук* БН 472_4 «мы осадили тот остров»; а также монг. *джәба* «латы, броня, кираса»; монг. *джуһанғар* «левое крыло войск».

[39] Л. Будагов [см. его «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», СПб., 1869 (далее — ЛБ), I, стр. 503] приводит башк. *чій* с тем же значением.

[40] Возможно, этот глагол сопоставим с приводимым А. Н. Самойловичем среди других элементов, диалекта «джокчи» именем *čөp/čөp* «правильный, верный, соответствующий» (указ. соч., стр. 12); ср. «*чөп=jöп* „2) (Dsch.) прямой"» (ОСТН, III, стлб. 2047).

ных формах на *-(ъ)ш,-мэқ* (ср. *журув, әйтувчъ*, но *йуръш-туръш, журмэқ* — К.-т.); ср. еще в говорах кишлака Кизил джар: *йәйлэвләгән/йәйлэгләгән* «расположившийся на летних пастбищах». Имя действия на *-(у)w* зафиксировано и в языке «Бабур-наме», однако лексический охват его ничтожен — в этой форме здесь используется только одно слово *йасаw* БН 109_{17}, 123_5, 130_{14} «устройство, снаряжение; строй войска, отряд»; причем возможно параллельное употребление глагольных имен *йасаw* и *йасал*, ср. *йасаw йаса-* БН 86_{9-10},122_{19} «приготовиться к бою, выстроиться» и *йасал йаса-* БН 109_8, 134_9 в том же значении. К кругу «форм, характерных для кыпчакских языков» (А. М. Щербак), принадлежит также собирательное числительное на *-ąw, -ąwлąн*, используемое наряду с более употребительной в языке «Бабур-наме» формой на *-ąлą*: *ікąw* БН 11_8, 319_2 «вдвое» (ср. разночтения по рукописям: Тур нс 104 17 II *бу ікąwі* — БН 14 *бу ікі*), *бірąw* БН 30_6 «некто», *учąwлąн* 319_{15} «втроем»; ср. *уччэвъ* «они втроем» в говоре джизакских тюрков (К.), *ъкәвлэн* «вдвоем», *алтәвлэн* «вшестером» в говоре ургутских тюрков (Кара-тепа). В слове *бузағу* «теленок» (БН 285_5, $_7$) в языке «Бабур-наме» выпадения *ғ* между гласными на кыпчакский лад не происходит. Из современных говоров тюрков форма *бузәғ/бузэ* со звонким увулярным *-ғ* в ауслауте представлена у тюрков К.-т., с глухим ауслаутным *-қ/-к* — *бузэқ | бөзәк* — у барласов; во всех остальных говорах — *бузәв | бузэв*. Точно так же в слове *йійақ* ~ *йійаг* «пеший, пешком» в языке «Бабур-наме» сохраняется конечный увулярный *-қ* ~ *-ғ* (ср., однако, *йайаб* БН 110_{16}), в то время как в говорах тюрков в этом слове представлено *-в* (< *-қ* ~ *-ғ*): *йәйәв*.

В итоге можно сказать, что несмотря на тесное контактирование с джекающим языковым окружением говоры тюрков Самаркандской области, если не считать факультативных и разрозненных кыпчакских форм, сохранили почти в неприкосновенности свою природу йекающих диалектных единиц среднеузбекского диалекта (исключение—говор Г. II).

В говорах тюрков не отмечены огузские языковые черты (если не считать показателя дат.-напр. падежа *-а*, использование которого, однако, как правило, обусловлено определенными фонетическими условиями: переход *ғ* > *й* в интервокальном положении — *туръшъйэ* < *туръшъ* + + *-ғэ*; стремление избежать геминацию — *журмэқә* < *йурмэққә*, *этәне* < *этән* + *-ғэ*); таким образом, отпадает самый вопрос об отношении изучаемого говора к огузской группе тюркских языков.

Переходя к анализу грамматических особенностей современных говоров тюрков, отметим использование показателя вин. падежа *-н* после основ, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица (*қәләммъ учън чъқәрдъңмъ*? К.-т.),— точно так же, как и в языке «Бабур-наме». В изучаемых говорах обычным является функционирование вин. падежа взамен род. падежа [*қәләммъ учъ* (К.-т.), *этәмнъ кътобъ*], что свойственно всем городским говорам. Как и в говорах самаркандско-бухарской подгруппы, а отчасти и в джизакском, в изучаемых говорах представлена синтаксическая заменяемость местн. падежа дат.-направительным: *съйърнъ бэзэргә сәттъ*; *ългәръ Нъкәлэй вәқтъгә Туркъстән крәйъ деръдъ, әндъ Совет ҳукумәтъ вәқтъгә Өзбекъстән дейдъ* (К.-т.), *кэлхэзгә ъшлэйдъ* (У.-т.); [*түрклэр*] *Вөсмәтгә бэр, Чънэргә бэр* (Кара-тепа) «[тюрки] есть в Усмате, есть в Чинаре». Обе эти особенности функционирования указанных падежей нашли свое отражение и в языке «Бабур-наме».

Как и в языке «Бабур-наме», в современных говорах тюрков наряду с плеонастическими формами выражения принадлежности 3-го лица ед. числа (*съйнъсъ* — У.-т., *бъръсъ, учъсъ* — К.-т.) наблюдается отсутствие аффикса принадлежности в определяемом при оформлении определения род.-вин. падежом не только в случаях типа *бъзнъ кэлхэз*, но и в причаст-

ных оборотах (*келъннъ келгəндə кӧр, сепънъ йəйгəндə кӧр* «смотри тогда, когда невеста приходит; смотри тогда, когда приданое развертывают» — К.-т.); ср. также *съз келгəн кун тойдъ бəшлəймъз* (У.-т.) «мы начнем пир в день, когда вы придете» и *əрпə ун* (Г. II) «ячменная мука».

Из глагольных форм в говорах тюрков отметим параллельное употребление формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа на *-гън*, *-гъл* (из них последний для современного узбекского языка является устаревшим) — *келгън/келгъл*, как и в языке «Бабур-наме». Встречающиеся в говорах тюрков формы типа *кəлтърəйдъ*, *тəшъйдъ* (К.-т.), *бəръйдъ* (Г. II); в говоре тюрков Кара-тепа: *бəръйдъ*, *кə̄тъйдъ*, *кəлъйдъ* (ср. форму настоящего времени *кəтъйлə*, *кəлъйлə*), *əйтəйдъңъз* — при существовании в говорах полной парадигмы прошедшего длительного типа *йəшəрдъм*, *волəрдъм* (К.-т.) могут быть истолкованы как генетически связанные с прошедшим незавершенным на *-ạ(й) дур ə̄ді*, зафиксированным в языке классической литературы и в частности — в «Бабур-наме». Недостаточная грамматикализация аналитических модальных конструкций (*кəлəдъмъкəн*, *оқърмъкəн* — У.-т., *бə:мъкəн* — К.-т.) в изучаемых говорах, как и в языке «Бабур-наме», выражается в том, что между временно́й основой и показателем модальности вклинивается вопросительная частица *мъ*. Не находит себе параллели в языке «Бабур-наме» наблюденная в говорах тюрков форма наст. времени на *-əп*, по наличию которой эти говоры сближаются с самаркандско-бухарскими, каршинским и шахрисябзским.

В говоре Усмат-тюрк отмечено своеобычное употребление числительных: *бър əкъштə бəллəр келдъ* «несколько (буквально: один [по] две-три штуки) парней пришли»; в параллель этому приведем подобное явление из «Бабур-наме»: Хосрав-шах подарил Бабуру *бір тоқуз ат* «одну девятку коней» и *бір тоқуз пӓрчӓ* «одну девятку тканей» (БН 99_{20}).

В говорах тюрков спорадически употребляется вопросительное местоимение *не* (ср. также в ташкентском и джизакском): *нев:лəмəн* (К.-т.) «что я поделаю», *не деймəн* «что я скажу», ср. также в говоре кишлака Кизил джар *нə̄ гунəҳъ бəр ъдъ* «что за грех его имелся» — наряду с обычным *нъмə*. Те же самые местоимения зафиксированы в языке «Бабур-наме», где *нə̄* выражало собственно вопросительное значение (*нə̄ ķілсун* БН 210_{19} «что ему делать?», *нё'азімат білӓ атлạнгạйбіз* БН 257_{11} «в каком направлении мы отправимся?»), *німӓ* же чаще выступало в функции неопределенного местоимения (*азрạķчạ німӓ бітідім* БН 315_{17} «я писал немного кое-чего», *чугурчуķдін бір німӓ улугрạķ* БН 361_{3-4} «несколько больше скворца»). В говорах, как в языке классической поэзии, используется послелог *чун* (*сəн чун* «для тебя» У.-т., *шунъйчун* «ради этого» К.-т.).

Как и в языке классической поэзии, в современных говорах тюрков может использоваться в самостоятельном, не в служебном значении глагол *əт-*, который при этом сливается с указательным местоимением: *бӱйтӱп* «этаким образом (делая)», *уйтӱп* «таким образом», *шуйтӱп* «вот таким образом», *ķəйтъв* «каким образом» (У.-т.) — явление, которое сохранилось, видимо, также и при поддержке джекающего языкового окружения.

В лексике говоров тюрков может быть отмечен ряд специфических слов, остающихся за пределами современного узбекского литературного языка, но употреблявшихся в языке литературы рубежа XV—XVI вв. и, в частности, зафиксированные в «Бабур-наме». Таковы в говорах слова: *йəвуг* «близкий» (ср. весьма частое в языке «Бабур-наме» *йawуķ/йawуг* БН 199_{7}, 234_{11}, 445_{13} в том же значении), *бӱрк* «головной убор» (ср. БН 8_{18} *моголі бӱрк кійạр ə̄ді* «он надевал могольский бурк», см. еще БН 204_{10}), *йəйəв* «пешком» (ср. БН 113_{3-4}, 117_{20} *йійаķ йур-/кə̄l-* «(при)ходить пешком»). Употребительное в языке «Бабур-наме» *йумуртķа* «яйцо» (БН 190_{6},

$371_{20,\ 21}$, $372_{13,\ 14}$) отмечено в говорах тюрков Кашка-Дарьинской (Тарагай, Лангар, Аякчи) и Сухан-Дарьинской областей (Денау, Сари Ассия — кишлак Илансай), где оно бытует параллельно с *тухум* (или *мояк*); в говорах самаркандских тюрков (У.-т. и Кара-тепа) *йумуртқа* встречается только в отдельных фразеологизмах (*энэсънъ йумуртқэсъдэн чъққэнэм мэнгэ өргэтэдъ* «и тот меня учит, кто [только что] вышел из яйца матери»).

Сопоставление современных говоров тюрков и языка «Бабур-наме» показывает известную диалектную близость говоров тюрков к той языковой единице, на которую был ориентирован язык этого произведения, как в ключевых явлениях грамматической системы (их общность, как известно, характерна для среднеузбекского диалекта в целом), так и в некоторых важных фонетических чертах, не говоря уже о многих частных деталях всех уровней языка. Однако наложение изучаемых говоров на язык «Бабур-наме» (resp. на так называемую «опорную» для него языковую единицу) не дает, разумеется, полного совпадения, если даже и делать скидку на специфику исторического развития современных говоров тюрков в окружении кыпчакской языковой стихии.

При выяснении исторических отношений современных говоров тюрков к тому средневековому живому андижанскому говору, на который был ориентирован язык «Бабур-наме», представляется необходимым учитывать следующее. Современные тюрки Узбекистана, которые на памяти живущих поколений вели полукочевой образ жизни, как правило, до сих пор основным своим занятием имеют скотоводство, причем давние традиции этого занятия подтверждаются тем значительным удельным весом, который скотоводческая лексика имеет в словаре говоров (словарь их изобилует дифференцирующими наименованиями для всех домашних животных по полу, возрасту и другим признакам). На рубеже XV—XVI вв. наряду с оседлыми тюрками — жителями городов в пределах Мавераннахра обитали их кочевые и полукочевые сородичи, занимавшиеся скотоводством [41]; можно предположить, что кочевые тюрки Мавераннахра имели в своих говорах некоторые отличия от андижанского «тюркӣ». Таким образом, можно думать, что андижанское «тюркӣ» в тот период было не единственным говором на территории Мавераннахар, а существовало несколько близкородственных говоров тюрков. Допустимо также предположить, что когда Бабур говорил о соответствии средневекового живого андижанского «тюркӣ» и языка литературы своего времени, он имел в виду не полное их совпадение, а прежде всего ориентированность языка литературы на произносительные нормы этого говора [42] (не считая, разумеется общих ключевых явлений грамматической системы). Наблюдения над языком «Бабур-наме» (данные современных говоров тюрков в известной мере подкрепляют эти наблюдения) позволяют пересмотреть традиционную транскрипцию этого произведения как написанного на языке с последовательно выдержанной палатально-велярной гармонией гласных, т. е. поставить под вопрос принадлежность средневекового живого андижанского «тюркӣ» к строго последовательному «сингармоническому» типу [43].

[41] В этой связи можно сослаться на свидетельства Бабура о том, что тюрки занимались коневодством и овцеводством (БН 118_{15}), что тюрки (вероятно, часть их) в Самарканде и Хорасане были кочевниками (БН 173_{8-9}); ср. также: А. Н., Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, сб. «Мир Али-Шир», Л., 1928, стр. 1. Естественно предположить, что при вторжении узбеков Шейбани-хана именно кочевые тюрки могли легче оседлых подняться со своих кочевий и откочевать в гористые местности на юго-западе современных территорий Узбекистана и Таджикистана (именно эта их часть сохранила свое старое наименование «тюрк» в благоприятствовавших этому условиях жизни в горных местностях).

[42] Ср. также: А. К. Боровков, Алишер Навои..., стр. 98—99.

[43] Авторы приносят свою благодарность В. М. Жирмунскому, А. Н. Кононову, А. М. Щербаку, Э. Р. Тенишеву, Г. П. Мельникову, В. К. Журавлеву, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ценные критические замечания.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

C.-Chr. Elert. Phonologic studies of quantity in Swedish based on material from Stockholm speakers. — Almqvist och Wiksell, Uppsala, 1964. 225 стр.

Книга шведского лингвиста К.-К. Элерта представляет собой широкое фонологическое и фонетическое исследование количественных различий, отмечаемых в гласных и согласных шведского языка. Кроме того, она содержит интересную попытку фонологической интерпретации и некоторых других важных особенностей этого языка, так или иначе связанных с количественными различиями.

Как известно, в шведском языке наблюдается сложное переплетение ряда фонетических явлений: а) динамического ударения; б) так называемого тонического акцента, представленного двумя разновидностями,— тоническим акцентом I и II; в) количества, выступающего в виде долготы и краткости гласных и согласных звуков. При этом долгие и краткие гласные в большинстве случаев различаются также и качеством: например, *a* краткое является гласным переднего ряда, *a* долгое — гласным заднего ряда (= *a* в международной фонетической транскрипции), *i* краткое является более открытым (= *ɪ*), чем *i* долгое — более закрытое и отличающееся еще дифтонгоидностью. Шведскими фонетистами установлено, что в ударенном слоге либо гласный (V), либо последующий согласный (C) должны быть долгими (V: и C:), т. е. при наличии ударения слог в шведском языке строится по формуле V: (C) или VC : (C) (возможный начальный согласный в этой формуле не учитывается, скобки обозначают факультативность соответствующего элемента). Кроме того, ударенный слог характеризуется еще определенным движением тона и интенсивности, т. е. определенным типом слогового (в общепринятой терминологии — тонического) акцента. Указанные различия наблюдаются в парах слов, имеющих разное значение (см. табл. 1).

В неударенных слогах различие долготы и краткости по большей части (однако, как мы увидим ниже, все же не всегда) нейтрализуется.

К.-К. Элерт поставил перед собой важную задачу — дать фонологическую интерпретацию названных выше тесно взаимосвязанных явлений. Решению этой задачи посвящена вторая глава («Место количества в фонологической системе шведского языка»), представляющая наибольший интерес в теоретическом отношении. Ей предпослана небольшая вводная глава, в которой автор кратко излагает принципы проводимого им фонологического анализа.

Основным рабочим приемом автора является метод минимальных пар, т. е. сопоставление таких отрезков текста, у которых какое-либо различие в значении сопровождается минимальным контрастом в звучании. Наряду с этим используется метод определения «самостоятельности» и, тем самым, фонологической релевантности рассматриваемых фонетических явлений на основе следующего принципа: «Фонетическое явление может иметь коммуникативную функцию лишь в том случае, если оно выступает в речи вне зависимости от других явлений, обладающих коммуникативной функцией» (стр. 10).

Здесь же К.-К. Элерт отмечает, что он следует принципам «современной дескриптивной лингвистики» и использует ее терминологию (стр. 10). Эта установка автора проявляется в книге более всего в настойчивом стремлении к максимальной экономности описания и в последовательном оперировании двумя классами фонем — «сегментными фонемами» (т. е. фонемами в обычном смысле слова) и «просодическими фонемами». Такими просодическими фонемами, или просодемами, шведского языка К.-К. Элерт и считает динамическое ударение, тонический акцент и количество.

Во второй главе прежде всего рассматривается динамическое ударение

Таблица 1

	Слог типа *V* : *C*	Слог типа *VC* :
С тоническим акцентом I (традиционное обозначение: ˈ)	*ˈhat* «ненависть»	*ˈhatt* «шляпа»
С тоническим акцентом II (традиционное обозначение: ˋ)	*ˋmat-* в *mata* «кормить»	*ˋmatt-* в *matta* «ковер»

(стр. 18—26). К.-К. Элерт включает его в состав просодем потому, что находит в связной речи соответствующие минимальные пары, например: *Han ˋkörde på ˊkanten* «Он ехал по краю» — *Han körde ˊpå ˊkanten* «Он наехал на край».

Эта способность ударения указывать на смысловые различия составляет его дистинктивную функцию. Кроме того, ударение обладает, по Элерту, функцией показателя класса морфем (morpheme class-marking function). Одни классы слов (существительные, прилагательные, глаголы, т. е. большинство знаменательных слов, если пользоваться русской терминологией) характеризуются ударением сильной степени, а другие слова (предлоги, союзы и другие служебные слова, а также местоимения) характеризуются обычно слабым ударением или отсутствием ударения. По-видимому, точнее было бы в данном случае говорить о функции показателя класса с л о в, а не класса морфем: ведь в знаменательном слове носителем ударения сильной степени могут быть морфемы разных классов — и корень (ˋ *ledare* «руководитель»), и суффикс (*leda* ˋ *rinna* «руководительница»), и префикс (ˋ *missleda* «вводить в заблуждение»); только на флексии и суффигированные артикли, действительно, никогда не падает ударение.

Далее автор рассматривает соединительную функцию ударения (connective function). Она проявляется в способности ударения объединять ряд слов в единое целое, например: *kapten ˊMalm* «капитан Мальм» (ср. самостоятельно взятое слово *kapˊten*), *Dagens* ˋ *Nyheter* «Новости дня» — название газеты (ср. *ˊdagens* ˋ *hjälte* «герой дня»). Наконец, отмечается еще одна функция ударения, выступающая в связной речи,— эмфатическая. Она наблюдается в случаях усиленного ударения (знак ˝), например, при противопоставлении (*inte˝han, utan˝du* «не он, а ты»).

Традиционно шведские фонетисты выделяют (в отдельных словах) четыре степени ударения: главное, побочное, слабое и нулевое (отсутствие ударения). Сохраняя эти степени ударения при фонетическом анализе, К.-К. Элерт отстаивает мнение, что в фонологическом плане могут быть выделены только два типа: ударение сильной степени (главное и побочное ударения являются его аллофонами) и ударение слабой степени. Побочное ударение не выделяется фонологически потому, что оно не обладает необходимой самостоятельностью (оно возможно только на втором компоненте сложных слов, первый компонент которых характеризуется тоническим акцентом II). Слабое и нулевое ударение рассматриваются фонологически как аллофоны ударения слабой степени, так как дистрибуция их не связана в языке со смысловыми различиями, а определяется (в изолированных словах) ритмическим правилом последовательной смены слабоударенных и вовсе неударенных слогов (в связной речи разграничение слабого и нулевого ударения вообще ставится под сомнение, см. стр. 22). В другом месте книги (стр. 200) К.-К. Элерт говорит, что только ударение сильной степени является в шведском языке фонологически релевантным (точнее было бы сказать: является маркированным членом в корреляции ударенности).

Рассмотрев ударение, автор обращается к фонологическому анализу тонического акцента (стр. 26—34). Очень тонко и всесторонне исследуется его дистинктивная функция. Говоря о парах слов, традиционно используемых для иллюстрации смыслоразличительной функции тонического акцента (типа *ˊanden* «дикая утка» с акцентом I и ˋ *anden* «дух» с акцентом II), К.-К. Элерт справедливо указывает, что «функциональная нагрузка» такого противопоставления в шведском языке (в отличие от норвежского) невелика: подобных пар сравнительно немного и, к тому же, в большинстве этих пар одно из слов встречается очень редко. Как убедительно показывает автор книги, гораздо важнее другое проявление дистинктивной функции тонического акцента, а именно его роль при различении сходно звучащих служебных морфем в заударном слоге. Так, окончание *-a* в формах единственного числа существительных общего рода отличается от суффигированного артикля *-a*, используемого во множественном числе у односложных существительных среднего рода, тем, что первая морфема входит в состав слова с акцентом II (например, ˋ *flicka* «девочка»), вторая же — в состав слова с акцентом I (например, *ˊbona* «гнезда»).

Однако важнейшей функцией акцента II К.-К. Элерт, видимо, считает конструктивную, и именно соединительную функцию. Акцент II указывает на то, что слог, следующий за ударенным (иногда и ряд слогов) относится не к другому, а к тому же самому слову, что и ударенный слог. Ср.: *vårˋ svenska* (акцент II)ˊ *flagga* «наш шведский флаг» и *vårˊ Sven* (акцент I) *skaˋ flagga* «наш Свен поднимет флаг».

Все слоги, объединенные акцентом II, составляют его «сферу действия» (domain), которую К.-К. Элерт обозначает в фонематической транскрипции скобками 〈 〉[1] Эта сфера охватывает ударенный слог и последующий за ним безударный (например: /〈ˊsven : skaˋ〉/ «шведский») или два ударенных слога, включая и промежуточные безударные (например /〈ˊstat: smi-

[1] Введение этого знака делает ненужным в фонематической транскрипции Элерта различение I и II акцента знаками ˊи ˋ; вместо них употребляется единый знак сильного ударения ˊ.

⟨nis: ter ˋ ta:l⟩/«речь премьер-министра» или /⟨ˈno:rdan ˋ vin:⟩ den / «северный ветер»).

Акцент I, напротив, не имеет конструктивной (соединительной или разграничительной) функции; он не может служить для различения слов и сходно с ними звучащих отрезков речи, включающих несколько слов; ср. *ˈgården* «двор» и *ˈgår den?* «идет ли он?» (с акцентом I в обоих случаях). На этом основании К.-К. Элерт считает, что акцент I не может быть включен в число «просодических явлений, обладающих функцией фонемы» (with phonemic function, стр. 33). Таким образом, просодемой оказывается только акцент II. И здесь, вероятно, точнее было бы сказать, что акцент II является маркированным членом в корреляции тонического акцента.

Обратившись уже непосредственно к рассмотрению количественных различий в шведском языке (стр. 34 и сл.), К.-К. Элерт прежде всего обосновывает фонологическую независимость долготы от динамического ударения. Он доказывает, что принятый в шведской фонетике тезис о распределении долготы в ударенном слоге по формулам V:(C) или VC:(C) нуждается в уточнении. С одной стороны, типы V : C или VC: возможны также в слогах слабой степени ударения, и даже возможно их противопоставление в минимальных парах: различаются, например, *-väg-* с долгим гласным в *beˋtongvägskonstruktion* «конструкция бетонированной дороги» и *-vägg-* с долгим согласным в *beˋtongväggskonstruktion* «конструкция бетонной стены». С другой стороны, краткие гласные встречаются — без последующего долгого согласного — и в ударенном слоге, например в *nå* «ну», *va* «что», «не так ли» и т. п., где все фонемы ударенного слога являются, таким образом краткими.

Помимо дистинктивной функции (примеры которой приведены выше), количественные различия в шведском языке выполняют разграничительную функцию (demarcative function), функцию показателя морфемного шва: только на стыке морфем в сложных словах возможны слоги с таким соотношением долгих и кратких звуков, как V : C : (например, *byttävlan* «соревнование в обмене» из *byt* + *tävlan*).

Далее в форме наглядной таблицы К.-К. Элерт сопоставляет ряд возможных фонологических интерпретаций количественных различий шведского языка (причем учитываются и способы обозначения этого сложного явления в фонематической транскрипции). В таблице в виде примера взято прилагательное *vit* «белый» и его форма среднего рода *vitt* (см. табл. 2).

Таблица 2

В качестве дистинктивного элемента рассматривается:	Долгота обозначается в транскрипции:		
	а) только как различие в гласном	б) только как различие в согласном	в) как различие и в гласном и в согласном
I. Разница в длительности	/vi : t/ /vit/	/vit/ /vit:/	/vi : t/ /vit :/
II. Удвоение	/viit/ /vit/	/vit/ /vitt)	/viit/ /vitt/
III. Дифтонгизация	/vijt/ /vit/	— —	/vijt/ /vitt/
IV. Место ударения	— —	— —	/viˈt/ /vitˈ/
V. Качество гласного	/vit/ /vɪt/	— —	/vit/ /vɪtt/

Обсудив все указанные в таблице возможные решения, автор выбирает первую трактовку (вариант «в»). При этом, считая долготу отдельной просодемой, он отделяет ее от соответствующей сегментной фонемы, которая сама по себе лишается, таким образом, признака долготы или краткости. Интерпретация количественных различий, предлагаемая К.-К. Элертом, принципиально отличается от традиционного рассмотрения данного вопроса в шведской науке. Обычно шведские фонетисты выделяют в шведском языке долгие и краткие гласные фонемы. Это значит, что различие в парах слов типа *hat* «ненависть» и *hatt* «шляпа», описывается — по выражению К.-К. Элерта — «как различие количества в сегментных фонемах» (стр. 16). К.-К. Элерт отказывается от подобной трактовки, в частности, потому, что при ней необходимо выделять в шведском языке слишком большое количество гласных фонем — 17 или 18 (стр. 42—43). Вместо этого К.-К. Элерт предлагает во всех случаях считать долгий и соответствующий краткий звук аллофонами одной сегментной фонемы (для согласных подобная трактовка предлагалась и раньше)[2]. Долгий звук (гласный или согласный) оказывается, таким образом, во всех случаях комбинацией соответствующей сегментной фонемы и просодической фонемы долго-

[2] Так, например К. Виттинг считает долгие и краткие гласные шведского языка разными фонемами, а долгие и краткие согласные — аллофонами одной фонемы. См.: C. Witting, Physical and functional aspects of speech sounds with special application to Standard Swedish, Uppsala, 1959, стр. 110—111 и др.

ты [3]. Поэтому, обозначая в фонетической транскрипции разными знаками, например, долгое [*a*:] и краткое [*a*], в фонематической транскрипции К.-К. Элерт передает оба звука одним знаком, добавляя только в случае долготы двоеточие: /a:/ и /a/ [4].

Фонологическое решение, избранное К.-К. Элертом, представляется вполне убедительным, если ограничиться рамками ударенного слога. Но мы видели выше, что, доказывая фонологическую самостоятельность долготы, К.-К. Элерт ссылается и на слоги, оказывающиеся в связной речи неударенными. Если же мы обратимся к неударенным слогам, мы не сможем пройти мимо фактов, как кажется, свидетельствующих о самостоятельности, т. е. фонологической релевантности качественных (тембровых) различий долгих и кратких гласных, о способности этих различий выступать и вне комбинации с различиями длительности. Речь идет о таких формах, как неударенное местоимение [vor], [vo] с кратким, но закрытым гласным (у К.-К. Элерта в примерах № 35, 36, 44 и 45 на стр. 31 и 33); как неударенные [d*a*gens], [sl*a*get] и [sl*a*git] (примеры № 30, 33 и 34) — с кратким, но задним [a]; как неударенное *du* (пример № 20) и т. д. [5] В этих условиях было бы трудно расценивать звуки [o], [*a*] и т. д. как аллофоны, возникающие только в случае сочетания сегментных фонем / å / , / *a* / и т. д. с просодемой долготы. Вероятно, рассмотрение долгих и кратких гласных, различающихся по тембру, в качестве двух соотносительных классов сегментных фонем не может все-таки считаться снятым с повестки дня, хотя решение Элерта, несомненно, подкупает своей стройностью и простотой.

Что касается долготы согласных, то она в громадном большинстве случаев обусловлена в шведском языке фактом краткости предшествующего ударенного гласного. На этом основании можно было бы, как это делают некоторые авторы, отказаться от обозначения долготы в согласном. Но К.-К. Элерт стремится учесть в этом вопросе и данные неударенных слогов. Он подчеркивает, что в известных случаях долгий согласный может встретиться и после неударенного гласного (стр. 42) и это говорит о самостоятельности долготы согласных, а значит и о целесообразности ее специального обозначения в фонематической транскрипции.

В последующих главах книги (стр. 47—191) излагаются результаты очень тщательного, проведенного на высоком уровне экспериментального и статистического исследования длительности звуков в шведском языке. Подобного исследования до работы К.-К. Элерта не было. Составленный автором текст, послуживший материалом для анализа, включает список отдельных слов и список коротких (в среднем длиной в десять слогов) предложений, содержащих в ударенных слогах все долгие и краткие гласные шведского языка в различных комбинациях с последующими согласными (оба списка помещены на стр. 56—71). Были произведены магнитофонные записи всего текста в исполнении коренных стокгольмцев (студентов университета), причем бóльшая часть материалов прочитывалась перед микрофоном десять раз, в том числе один раз в быстром темпе. Затем были получены спектрограммы, осциллограммы, кривые интенсивности и кривые высоты тона для всего записанного материала (они выборочно воспроизведены на стр. 74—79). Текст в рамках отрезков, подлежавших исследованию (ударенный гласный и непосредственно следующий за ним согласный), сегментировался на фоны (процедура сегментации описана на стр. 82—96), производилось измерение длительности всех выделенных сегментов, подсчитывались для нормального темпа речи арифметические средние и дисперсия по каждому звуку в каждой рассмотренной позиции (см. стр. 86—108). Данные произведенных подсчетов были подвергнуты затем всестороннему анализу, отдельно по гласным (стр. 109—140) и по согласным (стр. 141—157).

Выяснилось, что длительность кратких гласных составляет в шведском языке в среднем около 65% длительности соответствующих долгих. Как и в ряде других языков, длительность открытых гласных несколько больше длительности закрытых (см. диаграммы на стр. 113 и описание на стр. 122—124). Лабиализация и принадлежность к заднему или переднему ряду не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на длительность гласных. Последующий звонкий или фрикативный согласный вызывают увеличение длительности. Перед супрадентальными и дентальными согласными длительность гласного в среднем

[3] Понимание количественных различий в шведском и норвежском языках как просодической корреляции, а не как различий в сегментных фонемах, выдвинуто сейчас (с другой аргументацией) и в советской германистике. См.: С. Д. Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, М.— Л., 1966, стр. 81—86.

[4] Впрочем, такой тип записи применял, при ином теоретическом осмыслении фактов, уже и Витинг (указ. соч., стр. 112—113).

[5] Важность учета подобных фактов при фонологической интерпретации шведских долгих гласных уже раньше отмечал Л. Р. Зиндер (см.: Л. Р. Зиндер, Из заметок по фонетике современного шведского языка, «Докл. и сообщ. филол. факта [ЛГУ]», вып. 1, 1949, стр. 199—203).

больше, чем перед лабиальными, палатальными и велярными. Длительность гласных в односложных словах больше, чем в многосложных, а в двусложных словах с акцентом I больше, чем в двусложных же с акцентом II.

Анализируя данные о согласных, следующих непосредственно за ударенным гласным, автор устанавливает, что длительность кратких согласных составляет по материалам списка отдельных слов 80%, а по материалам списка предложений 75% длительности долгих. Разница эта связана с наличием при чтении первого списка коротких пауз между словами, с удлиняющим воздействием этих пауз на последнюю часть слова, что особенно заметно в случае кратких согласных. Глухие согласные характеризуются большей длительностью, чем звонкие. Предшествующий закрытый гласный увеличивает длительность согласного, предшествующий открытый несколько сокращает ее. Длительность согласных оказывается большей в односложных словах, как это наблюдается и в отношении гласных, и, в противоположность тому, что отмечено для гласных,— в словах с акцентом II, особенно при их изолированном произношении.

Далее в книге излагаются данные о суммарных длительностях отрезков, состоящих из ударенного гласного и следующего за ним согласного (стр. 158—163) и о соотношениях длительностей гласных и последующих согласных (стр. 163—178). Автор подчеркивает, что для распознавания фонологической долготы и краткости в процессе восприятия шведской речи существенны не абсолютные величины длительности кратких и долгих гласных и согласных (характеризующиеся значительной дисперсией), а величины относительные, именно соотношение длительностей гласных и последующих согласных в рамках ударенного слога (V/C ratio). В то же время наиболее точное соответствие данных физических измерений единицам, устанавливаемым лингвистическим анализом, получается при сравнении отношения величины V'/C к величине V/C: в парах, различающихся только распределением долготы/краткости (например, *sôt* — и *sött*) в произношении одного и того же лица. Интересно заключительное замечание автора, что «в языках типа шведского ключом к различиям количества несомненно является, наряду с отношением длительности ударенного гласного к длительности ударенного согласного и к длительности окружающих звуков, также и качество гласного» (стр. 190).

В последней главе (стр. 179—189) рассмотрены различия в длительности гласных и согласных между дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами, индивидуальные различия, связанные со средним темпом речи диктора, а также специфические особенности, обнаруживающиеся при быстром чтении текста.

В целом экспериментальная и статистическая часть книги К.-К. Элерта бесспорно является не только важным вкладом в науку о шведском языке, но и прекрасным образцом современного фонетического исследования. По поводу этой части можно было бы высказать только некоторые пожелания о дополнительном выяснении тех или иных вопросов. Так, было бы очень интересно и важно исследовать долгие звуки в неударенных слогах. Данные такого рода могли бы сыграть существенную роль при окончательном решении вопроса о фонологической интерпретации шведского количества. Кроме того, было бы любопытно подробнее рассмотреть произношение долгих и кратких звуков при быстром темпе речи (в книге этой теме посвящена всего одна страница). Но для осуществления этих пожеланий пришлось бы провести новое исследование по объему и трудности, вероятно, не меньшее, чем проведенное.

В заключение нужно сказать, что органическая связь фонетического и фонологического аспекта — существенное достоинство книги К.-К. Элерта, делающее ее особенно интересной и ценной [6].

С. С. Маслова-Лашанская, Ю. С. Маслов

[6] Отметим рецензии на книгу К.-К. Элерта, опубликованные И. Лехисте («Word», XXI, 2, 1965) и Н. Хассельму «Scandinavian studies» (XXXVII, 3, 1965).

Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. **Система сонантов и аблаут в картвельских языках**, под ред. и с предисл. Г. В. Церетели. — Тбилиси, изд-во «Мецниереба», 1965. 057 + 512 стр. [на груз. яз.; резюме на русск. яз.: стр. 381—473].

Рецензируемая книга представляет собой наиболее важный вклад в картвелистику со времени появления в начале 20-х годов основополагающих работ А. Шанидзе об умлауте в сванском и о личных префиксах в грузинском глаголе. В течение многих лет в будущем эта книга будет служить главным справочником по исследуемым вопросам. В книге рассматриваются основные проблемы картвельской фонологии и общей морфологии, причем учитывается вся предшествующая литература, начиная от Цагарели, Марра и Шанидзе и кончая по-

следними публикациями на грузинском, русском и зарубежных языках. В то же время рецензируемая книга отнюдь не является просто сводкой прошлых достижений; важность ее заключается в том, что в ней применяются новые методы и содержатся оригинальные мысли. Книга представляет собой великолепный синтез всех имеющихся сведений о протокартвельском, в результате чего получается хотя и предварительная, но стройная картина структуры протокартвельского и тех инноваций, которые с течением времени привели к образованию исторически засвидетельствованных картвельских языков.

Книга открывается предисловием Г. В. Церетели (стр. 09—029, перевод на русский язык — стр. 031—051), где дается интересный обзор эволюции и современного состояния сравнительно-исторического изучения картвельских языков. Здесь справедливо подчеркивается важность структурного анализа всех фонологических данных, являющегося основой реконструкции более ранних морфологических моделей, указывается на роль метода внутренней реконструкции и на необходимость установления относительной хронологии фонемных инноваций, которые привели к диалектной дифференциации протокартвельского. Сравнительно-исторический метод, с успехом применявшийся в индоевропейской лингвистике, сохраняет силу также и при изучении языков других семей, даже в том случае, если исторические данные отсутствуют и нам приходится полагаться на структурный анализ современных данных. Излагая суммарно другие положения рецензируемой книги, Г. В. Церетели вкратце затрагивает проблему генетических связей так называемых кавказских языков. Его слова: «Изучение вопросов о генетических связях между этими языками только в том случае может быть плодотворным, если после исследования в синхронном плане структур отдельных языков будут восстановлены путем сравнительной и внутренней реконструкции структурные модели отдельных групп языков (абхазско-адыгейских, нахско-дагестанских), как это мы имеем теперь для картвельских языков, будут выяснены черты сходства и расхождений со сравнительно-типологической точки зрения...» (стр. 048; грузинский текст, стр. 026—027) будут приветствоваться многими как предостережение против преждевременных гипотез и далеко идущих обобщений в изучаемой области, а также как здравая программа для будущих исследований.

Цель настоящей работы авторы сами формулируют следующим образом: «Настоящая работа ставит себе целью реконструкцию и структурный анализ общекартвельских языковых моделей на фонологическом и морфологическом уровнях и описание в хронологической последовательности структурных трансформаций, приведших к преобразованию исходного языкового состояния в исторически засвидетельствованные языковые системы» (русское резюме, стр. 387). Книга распадается на две части, первая из которых посвящена изучению сонантов в протокартвельском и их судьбы в картвельских языках (стр. 21—171; русское резюме, стр. 388—413), вторая часть посвящена исследованию явлений аблаута в протокартвельском и в современных картвельских языках (стр. 175—379; русское резюме, стр. 429—467). Последняя часть завершается общим описанием фонемной структуры корней и аффиксов в протокартвельском в соответствии с их реконструкцией в рецензируемой книге, а также содержит очерк путей развития этой системы в различных картвельских языках и некоторые гипотезы о происхождении протокартвельской системы и ее типологических связей с индоевропейской системой, реконструируемой Е. Куриловичем и Э. Бенвенистом.

Основным тезисом первой части является существование в протокартвельском особого класса сонантных фонем, находящихся в оппозиции к двум классам гласных и согласных. Эти сонанты по своим функциям определяются одновременно как слоговые ядра и как маргинальные неслоговые элементы. Сонанты /w/, /y/, /r/, /l/, /m/, /n/ имеют гласные и согласные аллофоны, определяемые на основе дистрибуции — /u/ и /w/, /i/ и /y/, /ɾ/ и /r/ и т. д. Слог сам по себе считается основной фонемной единицей, которую авторы, к сожалению, оставляют без определения.

Отправным пунктом исследования является дистрибуция в картвельских языках *w* и *u*. Последние являются различными фонемными единицами, тесно связанными фонетически. Авторы показывают, что такое положение является вторичным: в более ранней системе *w* и *u* были аллофонами одной и той же фонемы /w/. Особенно интересен рассматриваемый в книге грузинский материал. В древнегрузинском не только различались /w/ и /u/, но также существовала оппозиция билабиального /w/ и лабиодентального /v/. Как убедительно показывают авторы, эта последняя оппозиция была вторичной (она элиминирована в современном грузинском); дается следующее объяснение происхождения этой оппозиции: в начальной позиции выступало /v/, в позиции после гласных — /v/ (*tav-i* «голова»), в позиции после согласных перед гласным — /w/, например в *tw-is-i* «свой», в позиции между согласными — /u/, например в *sastunal-i* «подушка». Авторы указывают, что в грузинском отмечается лишь несколько случаев, противоречащих этим правилам; можно полагать, что по мере будущих

исследований их число будет уменьшаться. Подобным же образом показано, что /i/ и /y/ являются аллофонами /y/ в протокартвельском. Дистрибуционные принципы здесь в общем те же. Однако доказательная сила этих принципов в данном случае — меньше в связи с низкой частотностью /y/, элиминацией этой фонемы в грузинском, а также в связи с тем, что альтернация $y \sim i$ не засвидетельствована в морфологической системе за исключением окончания им. пад.

Авторы сделали важный шаг вперед, связав в своих исследованиях фонемы /r/, /l/, /m/ и /n/. В современных картвельских языках, как и в древнегрузинском, эти единицы выступают в качестве согласных; однако всегда было очень трудно вскрыть правила соответствий между ними в картвельских языках. Эти трудности снимаются, если допустить существование гласных аллофонов в протокартвельском. В грузинском, например, они утратили в некоторых позициях свою силлабическую природу и развились в согласные, что обусловило появление в этом языке сложных консонантных сочетаний в начальной позиции: ср. **k'ld é* «скала» $>$ *k'lde*. В других позициях развились анаптиктические гласные, например **k'ft'nis* «клюет» $>$ *k'ort'nis* в то время как в *nisk'arli* «клюв» перед нами нормальная ступень гласного. Большая часть этого раздела книги посвящена описанию истории этих гласных аллофонов в различных картвельских языках. На тембр анаптиктических гласных оказало влияние много факторов, особенно тембр гласного предшествующего слога, а во многих позициях согласный элемент исчез. В рецензии невозможно детально показать, как авторы доказывают свои положения, или рассмотреть все привлекаемые этимологические сопоставления. В общем авторам удалось таким путем дать ясную и стройную картину отношений между фонематическими системами картвельских языков — отношений, которые до последнего времени были сформулированы очень туманно. Ограничусь некоторыми общими замечаниями.

Изучение фонемной дистрибуции играет важную роль в исследовании авторов. В качестве особо поучительного в этом отношении примера можно сослаться на их блестящий анализ судьбы конечного *-l* в занском и сванском (стр. 77—83, русское резюме стр. 401—405). Такая процедура нередко ведет к интересным гипотезам, позволяющим интерпретировать фонемные единицы, находящиеся в дополнительной дистрибуции как аллофоны одной фонемы. Однако дополнительная дистрибуция не всегда достаточно доказательна: полученная таким образом интерпретация фонем часто нуждается в подкреплении дополнительными данными, фонетическими или морфологическими. В английском языке / h- / и / - ŋ/ находятся в дополнительной дистрибуции, но они обычно (главным образом по фонетическим соображениям) не интерпретируются как аллофоны одной и той же фонемы. Если /u/ и /w/ во многих языках интерпретируются как аллофоны одной и той же фонемы, то это не только потому, что они находятся в дополнительной дистрибуции, но и в связи с их фонетической близостью и морфофонематическими отношениями. Однако в случае, когда один или более аллофонов представлены нулем, фонетические критерии не могут применяться, причем при рассмотрении соответствующих явлений требуется большая осторожность. В этой связи таблицы на стр. 135 и 139 имеют определенный теоретический интерес. На этих таблицах, согласно авторам, показано, что протокартв. /s_1/ в грузинском представлено нулем перед *t* (но сохраняется в *sastunali* «подушка») и в качестве /s/ во всех других позициях. В занском в начальной позиции оно представлено нулем перед /a/ и /e/ и перед /$\check{z}$/ и /t/, перед /i-/ оно представлено /š/ или нулем, а во всех других позициях — как /š/. В сванском оно представлено /š/ в большинстве позиций, но как /l-/ в начальной позиции перед /a/ и /e/, а в той же позиции перед /i-/ — как /l/ и /š/. Возможно что, в указанных таблицах принимаются во внимание все имеющиеся данные, однако общая картина, получающаяся при их рассмотрении, носит чрезвычайно путанный характер и труднодоказуема с фонетической точки зрения.

Авторы не дают объяснения странным колебаниям в репрезентации протокартв. /s_1/. Выводы, делаемые авторами, конечно, были бы усилены, если бы были приведены аналогичные данные в отношении /z_1/, /c_1/, /c'_1/ и /$\check{z}_1$/. К сожалению, таких данных нет. В некоторых своих частях таблицы основаны на очень ограниченном материале. Так, авторы основывают соответствия груз. /s-/, занск. /нуль/, сванск. /l-/ перед /-a/ и /-i/ на идентификации префиксов груз. *sa-*, *si-*, занск. *o-*, *i-* и сванск. *la-*, *li-*, имеющих одинаковые морфологические функции. Предполагается, что все указанные префиксы восходят к двум протокартвельским префиксам s_1a- и s_1i-. Авторы не принимают во внимание возможности, что занские префиксы *o-* и *i-* могут соответствовать не груз. *sa-* и *si-*, а груз. префиксам *a-* и *i-*, которые засвидетельствованы, правда, в изолированных случаях типа *adgili* «место» (ср. *sadgomi* «стоянка») и *isari* «стрела». Для протокартвельского можно предположить несколько префиксов: гласные префиксы *a-*, *i-* и пр фиксы с начальными s_1- и *l-*. Гласные префиксы преобладали в занском, *l*-префиксы — в сванском, s_1 -префиксы — в грузинском, причем в грузинском наблюдались изо-

лированные следы гласных префиксов, а в грузинском и занском, возможно, некоторые следы *l*-префиксов (*nerc'q'v-i* «слюна» ~ *lerč'ǩva*). Такое объяснение менее изящно и более сложно, чем то, которое предлагается в рецензируемой книге; однако критерии изящества и простоты не являются обязательными, а иногда сбивают исследователя с толку. Всегда имеется опасность, что механическое использование принципа дополнительной дистрибуции может привести к излишнему упрощению реконструируемой модели. В праязыке следует допустить существование многих фонемных и морфологических показателей, которые невозможно вскрыть таким путем. Авторы сами допускают такую возможность на стр. 373 (русское резюме, стр. 470), полагая, что фонематическая система протокартвельского, видимо, была более сложной, чем отдельные системы исторически засвидетельствованных языков. Теоретически также возможно, что в протокартвельском была известна фонема (ł), оглушенное *l*, и что эта фонема встречалась как раз в некоторых из тех префиксов, о которых говорилось выше.

В этой связи мне хотелось бы упомянуть о дистрибуции / w / и / u / в грузинском. Обе эти фонемы встречаются в позиции между согласными. Авторы показывают, что непонятное присутствие / w / в таких позициях во многих случаях можно объяснить морфологической аналогией. Форма 3-го лица аориста *mo-k'wd-a* «он умер» вместо **mo-k'ud-a* возникла благодаря такой аналогии; единство морфемы сохраняется в языке в том случае, если / w / и / u / — независимые фонемы. Регулярная альтернация /w/ и / u /, напротив, сохраняется тогда, когда семантическая связь между этимологически соотносимыми формами разорвана, например *v-h-k'wet* «я режу», но *sa-k'ut-ar-i* «собственный» (стр. 49). В случае глагольных форм хотелось бы обратить внимание на один фактор, который, возможно, во многом способствовал этим аналогическим преобразованиям: практически во всех типах аористных парадигм, транзитивных и нетранзитивных, тематических и атематических, число слогов в формах ед. числа одинаково (один или два слога): *v-k'al* «я его убил», 3-е лицо — *k'l-a*; *v-su* «я вышил», 3-е лицо — *sw-a*; *v-šwer* «я потрудился», 3-е лицо — *šwr-a* *v-c'er-a* «я написал», 3-е лицо — *c'er-a*.

Неожиданные формы *k'wd-a*, *šwr-a* и т. д. отвечают этому принципу изосиллабизма, тогда как ожидаемые формы **-k'ud-a*, **-sur-a* шли бы в разрез с общей моделью. Этот же принцип, видимо, действовал также в занском и в сванском. В случаях, где этот принцип не проводится и где трудно доказать действие морфологической аналогии, возможно, однако, что оппозиция *-CuC-*~*-CwC-* отражает более раннюю оппозицию между *-CuC-* (нулевая ступень *-CweC-* или *-CwaC-*) и *-CwC-* (нулевая ступень *-C^{w}eC-* или *-C^{w}aC-*) с лабиализованным начальным согласным.

Во второй части книги, посвященной аблауту и его функциям в глагольной и именной системе, отправным пунктом является рассмотрение хорошо известных альтернаций гласных в некоторых изолированных глагольных формах древнегрузинского: *v-dr-ek'* «я сгибаю», аорист *v-dr-ik'-e*, непереходная форма *v-drk'-eb-i* «я сгибаюсь», аорист *v-der-k'*, 3-е лицо *dr-k'-a*[1]. Сопоставление с занским показывает, что этот тип, непосредственно представленный только в изолированных случаях, восходит к протокартвельскому периоду. На основе умелого рассмотрения всех имеющихся данных авторы приводят к выводу, что тип альтернации является постоянным признаком в протокартвельской морфологии: нулевая ступень корня означает наличие полной (нормальной) ступени суффикса, а полная (нормальная) ступень корня означает наличие нулевой ступени суффикса — поразительная параллель индоевропейским альтернациям, описанным Бенвенистом. Наличие так называемой редуцированной ступени *-i-* обусловливает некоторые трудности, на которые авторы указывают, не пытаясь решить поднятых проблем. Разбираемые альтернации гласных имеют определенные морфологические функции: полная или редуцированная ступень суффикса встречается в транзитивных формах, а нулевая ступень суффикса — в интранзитивных, Mutatis mutandis та же морфологическая модель повторяется в первичных глагольных основах: форме *v-dr-ek'* соответствует *v-cwet* «я изнашиваю», форме *v-dr-ik'-e* — аорист *v-cw-it-e*, форме *v-dr-k'-eb-i* — пассив *v-cwt-eb-i*, формам *v-derk'-*, *dr-k'-a* — формы **v-cwet* (не представленная в древнегрузинском) и *cwt-a* (3-е лицо). Такая система наблюдается в грузинском; в занском она была элиминирована после генерализации нулевой ступени корня. В занском нет следов формы **dar-k'*, соответствующей грузинской *v-der-k'*, нет в нем и следов ступени корней типа *t'ep-*, *cwet-*, *gem-* (стр. 217). В этом отношении сванский особенно интересен, ибо в подавляющем большинстве глаголов посредством аблаута гласных различаются транзитивные и нетранзитивные формы (стр. 207 и 211). Одноморфемный тип в сванском точно соответствует тому, который реконструируется для грузинского.

---

[1] По мнению авторов, эти формы, как и параллельные *k'r-eb-*, *k'r-ib-e*, *k'er-* и *k'r-b-*, разлагаются на корневую часть **der-* и **k'er-* и суффиксы *-ek'* и *-eb*. Последние хорошо известны, однако встречаемость корней *der-* и *k'er-* — не показана

Модель аблаута двуморфемных форм нарушается наличием презентных форм типа *v-č'r-i* «я режу», аорист *v-č'er*. В презентных формах как корень, так и суффикс имеют нулевую ступень, что противоречит общей модели. Авторы преодолевают эту трудность, допуская, что *-i* развилось из протокартвельского *-ey*. Эта форма суффикса *-ey* спорадически засвидетельствована в сванском и, возможно, даже в занском, что подтверждается анализом занского *i-č've-n* ««жарится», где *-e-*<*-ay-*, являющегося отражением *-ey-* в протокартвельском. Параллелизм между занск. *i-č've-n* и груз. *i-č'w-is* — полный. Не известны какие-либо другие примеры развития в грузинском *-ey-* в *-i-*; совершенно неубедительно указывать, как это делают авторы, что это развитие легко объясняется фонетически, ссылаясь при этом на латинский язык (стр. 228, примеч. 1). Авторы могли бы указать на формы сравнительной степени в грузинском, глагольное происхождение которых они допускают, например *u-k'et-ey-s* «лучший». Если это форма глагольного происхождения, то перед нами явный случай презентных форм на *-ey*, т. е. ожидаемая форма. Однако в рассматриваемых формах наблюдалось развитие *-ey-*>*-e-*, а не *-ey-*> *-i-*. Вопрос в целом остается открытым.

В грузинском языке есть еще одна парадигматическая модель, при рассмотрении которой возникает ряд проблем. Решение, предложенное авторами, имеет далеко идущие последствия для понимания протокартвельской фонематической системы. В грузинском есть целый класс глаголов, которые в форме аориста имеют суффикс *-e*, но корень которых имеет полную, нормальную ступень: *v-c'er-e* «я написал», *v-tal-e* «я обтесал», *v-qoc-e* «я убил». Этот аористный тип является старым, что видно из сравнения с занским. Как можно объяснить здесь полную ступень корня? Нулевую ступень нельзя признать недопустимой в этих формах — формы этого типа с нулевой ступенью засвидетельствованы в древнегрузинском. Полная ступень вокализма корня истолковывается как морфологическая характеристика этих глаголов и объясняется как отражение удлиненной ступени гласных в протокартвельском. Формы *v-c'er-e*, *v-tal-e*, *v-qoc-e* представляют, согласно этой гипотезе, протокартв. **w-'cēr-e*, *w-tāl-e*, *w-qōc-e* [2].

Авторы не принимают во внимание то обстоятельство, что гласный в этих корнях является изначально долгим, так что и презентная и аористная формы имеют долгие гласные:* *v-s-c'er* и *v-c'ēr-e*. Я считаю, что эту возможность нужно исключить. Это видно из таких примеров: *v-s-t'ex* «я разбиваю» (аорист *ga-v-t'ex-e*); производной формой пассива является *v-t'q'-d-eb-i*<**v-t'x-d-eb-i*, в которой явно обнаруживается краткий гласный, чередующийся с нулем. Ср. также *v-h-xetk* «я расколол это» (аорист *ga-v-xetk-e*), пассив *v-sk-d-eb-i*<*v-xtk-d-eb-i*. Это означает, что в протокартвельской фонемной системе оппозиция долгих и кратких гласных носила фонематический характер, т. е. перед нами оппозиция, не известная в грузинском и занском и сохраненная только в некоторых сванских диалектах. Первоначальная оппозиция *w-c'er* ~ *w-c'ēr-e* в протокартвельском отражается в грузинском в виде оппозиции синкопирующих и несинкопирующих глаголов. Этот важный вывод, допущение долгих гласных в протокартвельском, получен только на основе внутренней реконструкции и подтверждается некоторым дополнительным материалом. Для некоторых корней с несинкопированным гласным в аористе в сванском возможно найти этимологические соответствия с долгими гласными с той лишь разницей, что здесь долгая ступень распространилась также на презентную парадигму: груз. *v-ber-av* «я дую» из *v-ber* (стр. 240), аорист *-v-ber-e*, соответствует сванская форма наст. времени *xw-a-bel-e*, аорист *ot-bel* (стр. 254). Интересно отметить, что в случаях наличия именных форм от того же корня последние имеют краткую ступень: *berg* «мотыга», но *ad-bērg-e* «мотыжить» (стр. 249—251). В грузинском нет данных, которые непосредственно подтверждали бы существование оппозиции «долгий — краткий гласный»; однако следы этой оппозиции встречаются в занском. В тех формах, где допускается наличие долгого протокартв. /ō/, в занских формах всегда находим *o*, а не *u* или *i* (<*o*), которые обычно соответствуют протокартвельскому краткому /o/.

Альтернации в именных парадигмах более просты и засвидетельствованы главным образом в так называемых синкопирующих именных основах в грузинском (при этом именная ступень генерализуется в занском и в сванском), таких, как *cvar-i* «роса», род. падеж *cvr-is-a*, *mk'erd-i* «грудь», род. падеж *mk'rd-is-a* (древнегрузинский) в противоположность *k'ar-i* ~ род. падеж *k'aris-a*, *vel-a* «поле», род. падеж *vel-is-a*. Однако в двуморфемных основах наблюдается такая же альтернация, как и в глагольных основах — два типа: *tes-l-* «семя» и *km-ar-* (*km̥-ar*) «муж». В системе имени эти явления аблаута, видимо, не имеют особой функции — они носят чисто фонематический характер и в общем не могут быть предсказаны. Аблаут, несомненно, сыграл более важную роль в протокартвельском. В картвельских языках либо

[2] Может возникнуть вопрос, следует ли этот последний глагол идентифицировать с арм. *xoc-em* «я повреждаю, раню». Является ли армянское слово заимствованием из грузинского или грузинское — заимствованием из армянского?

одна, либо другая ступень гласного была генерализована в пределах парадигмы; сравнение груз. *k'ud-* «хвост», занск. *k'ud-el-* и сванск. *ha-k'wad* дает возможность допустить протокартвельскую парадигму с чередующимися формами *k'wad-* ~ *k'ud-*, употреблявшимися в соответствии со ступенью непосредственно следующего падежного суффикса имени (стр. 285).

Рассматриваемая часть книги заключается обзором структуры корня в протокартвельском (изучаются как корневые, так и аффиксальные морфемы). Как и следовало ожидать, структура суффиксальных и префиксальных морфем носит несомненно нерегулярный характер. В книге показано, как на основе протокартвельских прототипов возникли соответствующие структуры в картвельских языках. Во многих случаях авторам удалось установить относительную хронологию последовательных инноваций в картвельских языках. Они убедительно показали, что полный вокализм таких занских форм, как *ǯoɣori* «собака», *oxor-i* «дом» является вторичным, что начальные сочетания в грузинском во многих случаях можно объяснить на основе преобразования гласных сонантов в согласные, что непоследовательности в соответствиях между грузинским и занским *l* и *r*; *o*, *u* и *i*; *a*, *o* и *e* можно считать вполне регулярным явлением.

В важной книге, которую мы рецензируем, не только решаются многие проблемы, но одновременно сами предложенные решения порождают новые вопросы. Особенно неприятной является проблема *y*/*i*. Нет явных данных морфологической альтернации *-ye-/-ya-* или *-ey-/-ay-* и *-ɪ-*, сопоставимой с той, которая засвидетельствована для других сонантов. Природа редуцированной ступени *i* гласного *e* — неясна; имеется очень немного однослоговых именных морфем с гласным *ɪ*, причем они с трудом подводятся под ту модель, которую реконструируют авторы. Между тем тщательное изучение очень древних заимствований из соседних языков (греческого, армянского, иранских) могло бы пролить свет на предысторию картвельской фонологии, возможно даже подтвердить некоторые гипотезы авторов или показать их неправильность. Особенно многообещающим в этом плане представляется изучение отношений между литературным армянским и картвельскими языками, в первую очередь — занским. Древние заимствования из кавказских языков также следовало бы принять во внимание.

На последних страницах книги делаются некоторые гипотезы о природе протокартвельской системы. Указывается, что частотность гласного /o/ очень невелика и что он не принимает участия в каких-либо морфологических альтернациях. Во многих случаях можно показать, что этот гласный развился из *-we-/-ua-*. Если /o/ признать вторичным в протокартвельском, то остается система, состоящая из двух гласных: /e/ и /a/ (с удлиненными ступенями последних /ē/ и /ā/, варьирующимися с нулем). По мнению авторов, это свидетельствует о существовании еще более древней системы с одной гласной фонемой, представленной свободно варьируемыми аллофонами [e] и [a]. Сам аблаут, согласно авторам, обусловлен переменой места ударения (ударение является фонематическим, если оно несет определенные морфологические функции). Такая система с одним гласным наряду с очень сложной системой согласных напоминает фонемную модель, реконструируемую некоторыми лингвистами (Аллен, Кейперс) для языков северо-западного Кавказа [3].

Тезисы авторов основаны на тщательном изучении материала. Нередко они совершенно бесспорны, в других же случаях эти выводы, вероятно, следует модифицировать и углубить. Однако более важным, чем обилие тонких наблюдений и умелое преодоление трудностей частных проблем, является тот факт, что авторы открыли новые перспективы в картвелистике, которые будут стимулом для дальнейших исследований.

Х. Фуэт

Перевел с английского *М. М. Маковский*

[3] Некоторые общие выводы изложены одним из авторов, Т. В. Гамкрелидзе, в статье «A typology of Common Kartvelian» («Language», 42, 1, 1966).

T. Čiževska. **Glossary of the Igor'Tale. — The Hague, Mouton and Co, 1966. 408 стр.** («Slavistic printings and reprintings», LIII).

Составление словарей отдельных произведений древней русской литературы весьма полезно. В словарях этого типа можно подробно останавливаться на лексикографических характеристиках слова с учетом контекста, композиции и стилистических особенностей произведения. Такие словари будут способствовать работе над большим словарем древнерусского языка и будут особенно полезны для литературоведов при исследовании идейно-художественных и стилистических особенностей отдельных произведений. Особенно велика потребность в словаре-справочнике к «Слову о полку Игореве». В изучении этого памятника накопилось столь большое количество разного рода наблюдений над его лексическим составом (причем наблюдения весьма противоречивых и в разной степени достоверных), что представляется

целесообразным подвести итог работам в этой области, собрать достаточное количество лексических и фразеологических параллелей, точно выяснить значение всех входящих в этот памятник слов. Потребность в подобного рода справочном пособии доказывает почти одновременное появление сразу двух словарей к «Слову о полку Игореве» [1], изданных в нашей стране и в Голландии. Опубликованный в 1965 г. первый выпуск «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» В. Л. Виноградовой охватывает только первые четыре буквы алфавита (А — Г) [2]. Словарь к «Слову о полку Игореве» Т. Чижевской, изданный в 1966 г. в серии славистических публикаций, издаваемых в Гааге под редакцией К. ван Схонефельда, охватывает весь лексический состав памятника. Словарь суммирует результаты изучения лексики «Слова о полку Игореве» в США [3]. В основу Словаря положены главным образом исследования Р. О. Якобсона и прежде всего — реконструированный им текст «Слова».

Словарная статья у Т. Чижевской строится следующим образом. После заглавного слова, даваемого в форме «нормализованного древнерусского языка» согласно тексту «Слова», изданного в Нью-Йорке в 1948 г.[4], следует грамматическая характеристика слова и перевод на современный русский и английский языки; затем приводятся все контексты из «Слова о полку Игореве», в которых отмечено объясняемое слово (лишь часто встречавшиеся служебные слова иллюстрируются выборочно, но указываются все места их употреблений); примеру из «Слова» предшествует грамматическая характеристика словоформы. За этими примерами следуют контексты, в которых данное слово представлено в «Задонщине» и в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, описывающих события, изображаемые в «Слове о полку Игореве», а также цитаты из Повести о Мамаевом побоище и из описаний событий 1185—86 г. и 1380 г. в других летописях, и наконец — примеры из памятников, в которых содержатся отрывки, близкие к «Слову» («Апостол» 1307 г., «Слово о погибели Рускыя земли»). Словарную статью завершают примеры на употребление рассматриваемого в ней слова в других памятниках древнерусского языка, почерпнутые из «Материалов для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского, а также из изданий некоторых памятников, и ссылки на исследования и словари.

Словарь представляет собой ценное справочное издание. Вместе с тем вызывают возражение как ряд общих принципов его составления, так и некоторые конкретные словарные статьи. Вызывает сомнение сама методика составления словаря к памятнику, основанная только на реконструкциях и конъектурах одного автора, и отрицание всех других толкований и конъектур.

Познавательную ценность Словаря снижает отказ автора от объяснения реалий. Пояснения энциклопедического характера были бы особенно желательны при именах собственных. Автор ограничивается их переводом на современную орфографию и выборочным приведением литературы, в которой рассматриваются эти названия. Таковы статьи *Дивъ*, *Стрибожь*, *Велесовъ*, *Шельбирѣ*, *Топчакъ*, *Ревугъ*, *Олъбѣръ* [5] и др. Особенно желательны хотя бы краткие сведения об упоминаемых в «Слове» князьях. Например, в «Словаре-справочнике» В. Л. Виноградовой даны сведения о четырех разных князьях по имени *Владимир*. Т. Чижевская дает их в двух словарных статьях *Владимѣръ* и *Володимѣръ* без всякой дифференциации и без дополнительных пояснений. В «Слове о полку Игореве» упоминаются два разных Олега и два Святослава, но Т. Чижевская их не различает; более того: место, где в первом издании упоминается сын главного героя поэмы *Олег Игоревич* и его же племянник *Святослав Ольгович*, исправлено, и имена *Олег* и *Святослав* опущены. О причинах этого опущения Т. Чижевская ничего не говорит, а лишь отсылает к нью-йоркскому изданию «Слова» 1948 г.

Т. Чижевская слишком мало использует данные этимологии для объяснения «темных мест». Правда, этимологическая часть потребовала бы привлечения большого количества параллелей из других языков, но объяснение и толкование некоторых не вполне ясных мест возможно только на этимологической почве. Например, по мнению Т. Чижевской, которая в данном случае следует за

[1] В Ленинграде О. В. Твороговым ведется также работа над составлением «Словаря „Повести временных лет“».

[2] См.: рец. Н. Дылевского, «Вопросы литературы», 1966, 2.

[3] Об этих работах см.: Р. О. Якобсон, Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки, «Труды Отдела древнерусской лит-ры [Института русской лит-ры АН СССР (Пушкинский дом)]», XIV, М.— Л., 1958.

[4] «La Geste du prince Igor'— épopée du douzième siècle». Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel... («Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», VIII), New York, 1948.

[5] Орфография отдельных слов и примеров из «Слова о полку Игореве» дается в написаниях, принятых в Словаре Т. Чижевской, за исключением специально оговариваемых случаев.

Д. Моравчиком, неясное *Хынъ* в «Слове» означает «Гунн» и «относится к Венгрии» (refers to Hungary). Если с фонетической точки зрения это сопоставление и приемлемо, то оно противоречит историческим фактам. Достаточно обратиться лишь к «Повести временных лет», в которой гунны совершенно не упоминаются; здесь содержится лишь упоминание легенды об аварах-обрах, хотя авары были разгромлены лишь в конце VIII в. Известно, что авары появились на месте гуннов еще в VI в. Представляется весьма проблематичным, чтобы гунны были известны лучше, чем авары-обры, поэтому естественны попытки найти каких-то гуннов-хынов в XII в. Да и контекст, в котором употреблен этот загадочный термин, противоречит такому объяснению. Едва ли поражение русских князей на реке Каяле могло подать *великое буиство* венграм — *Хынови*. Естественно думать, что большую смелость придало это поражение именно половцам. *Хыновьскыѣ стрѣлкы*, которые ветер бросает на русских воинов, тоже могут быть только половецкими. Труднее объяснить *Хынове* в перечне многих стран, которые *главы своѣ поклониша* владимиро-волынскому князю Роману и луцкому князю Мстиславу. В этом перечне (*Хынове*, *Литъва*, *Ятвязи*, *Деремела* и *Половьци*) упомянуты также и *половцы*, что кажется противоречащим толкованию термина *Хынъ* как «половцы». Но половцы занимали слишком большую территорию в южнорусских степях и делились на два объединения — Западное (Днепровское) и Восточное (Донское). Известно, что у половцев было два самоназвания, отразившихся в русских источниках как *сорочины* (< тюркск. *сары кӱн*) и *куманы* (< тюркск. *куман*). Русское *половцы* представляет собой кальку с обеих этих самоназваний [6].

На основании исторических данных можно предполагать, что название *сорочины* относилось к Западному объединению, а *куманы* — к Восточному, а термин *половцы* был общим названием для обоих объединений. Тюркский этноним *куман* известен также в форме *кун* с долгим *у* (в венгерской, персидской и арабской передаче) [7]. Тюркологи отмечают, что для кыпчакских языков (в число которых входит и половецкий) была характерна спирантизация заднеязычных, т. е. изменение $k > x$ [8]. Отсюда половецкое **хӱн* дало древнерусское *хынъ*. Следовательно, *хынъ* должно относится к Восточному (Донскому) объединению половцев. Поэтому в списке покорившихся стран *хынъ* относилось к одной, а *половьци* к другой группе половцев.

Разъяснения ряда неясных мест «Слова», сделанные Р. О. Якобсоном и использованные в Словаре Т. Чижевской, представляются удачными. Так, например, правдоподобное толкование получило неясное *подобію*, представленное в первом издании и екатерининской копии. Р. О. Якобсон видит в этом написании результат пропуска букв в словоформе *подоблачію* (*Уже бо ся бѣды его пасеть пътичь подоблачию*). Это объяснение подтверждается данными «Задонщины», ср. параллели, приводимые Т. Чижевской: *птици небесныя пасущеся то под оболока...*; *вжо победы ихъ пашутся а птицы под облаки летают...*; *а уже беды их' пасоша птицы крылати под облаки лѣтят...*

Интересна конъектура при объяснении загадочного *съ Дудутокъ* (*дудутокъ*); последнее следует читать как *съду токъ* (в тексте ошибочное повторение слога *ду*). Такое чтение подтверждается фольклорным материалом. В украинском фольклоре встречается боевая формула *дути точок*. А сравнение поля битвы с током раскрывается в следующем предложении «Слова»: *«На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепы харалужными...»*. (по первому изданию).

Интересная конъектура, предложенная Р. О. Якобсоном к фразе первого издания *Князю Игорю не быть*: *клину, стукну земля*, которую, по его мнению, следует читать *къняз̀ю Игорю не быти кладьнику* (или *колодьнику*), повторяется у Чижевской под словом *кладьникъ*. Возражение вызывает старославянское оформление слова *колодьникъ — кладьникъ*. Хотя для конъектуры чтение *кладьникъ* удобнее, существование этого слова древнерусскими текстами не подтверждено, поэтому следовало бы поддержать чтение *колодьнику*. Правда, следует оговорить, что эта конъектура предложена к месту, которое «темным» не является. Можно думать, что в этом месте «Слова» наличествуют эллиптические конструкции. Глагол *кликну* мог относиться к Овлуру, который способствовал бегству Игоря. В таком случае можно принять перевод Д. С. Лихачева: «Овлур свистнул за рекою; велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться! Кликнул, застучала земля» [9].

[6] См.: И. Г. Добродомов, Из древнерусской этнонимики. Древнерусское *сорочинъ* и греческое Σαρακηνος, «Советская этнография», 1966, 3; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, сб. «Материалы и исследования по археологии СССР», 62, М.— Л., 1958, стр. 220.

[7] J. Németh, Die Volksnamen *guman* und *gün*, «Körösi Csoma Archivum», III, Budapest — Leipzig, 1940.

[8] См.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 144 (с опечаткой); «Philologiae turcicae fundamenta», 1, Wiesbaden, 1959, стр. 54.

[9] Д. С. Лихачев, Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Оле-

По-видимому, следует согласиться с толкованием Т. Чижевской прилагательного *бусов* как «темный, хмурый» в обоих контекстах (*бусови врани* и *время бусово*); правда, возможно, более точным русским переводом слова *бусовъ* следует считать более абстрактное прилагательное «мрачный». В «Словаре-справочнике» В. Л. Виноградовой прилагательное *бусовъ* подано как два омонима *бусовъ* [1] «серый» (*бусови врани*) и *бусовъ* [2] притяжательное прилагательное от имени *Босъ* (*время Бусово*), хотя последнее толкование справедливо подвергнуто критике М. Фасмером как невероятное [10].

Толкование Т. Чижевской подтверждается и этимологией слова *бусовъ*: оно может восходить к булгарской форме тюркского прилагательного *боз*, *бозаг* «серый», которая могла дать форму с глухим согласным *с* внутри слова **бос*, **босаў* (а также с переходом конечного *г* в *ў*). Впрочем *-овъ* могло возникнуть и на древнерусской почве, о чем свидетельствуют параллельные формы *багръ* — *багровъ*, *сизъ* — *сизовъ*, приводимые Т. Чижевской. Ср. также *istъ* — *istovъ* в «Этимологическом словаре» М. Фасмера (см. *бусово время*). Относительно передачи тюркского *-аў* как *-ов* ср. топоним *Саратов* из тюркского *Сары тау* «желтая гора». Прилагательное *бусовъ* этимологически родственно другому прилагательному *босый* (в «Слове»: *босый волкъ* наряду с *серый волк*), относительно которого убедительно доказано происхождение из тюркского *боз* «серый» В. А. Гордлевским[11]; для этого прилагательного также следует отметить булгарскую черту: переход *з* в *с*. Эпитет *босого волка* Т. Чижевская переводит как «босый, белоногий», хотя и ссылается на статью В. А. Гордлевского, где дается иное толкование слова *босый* «серый».

Конъектуры неясных мест, принятые в Словаре, не всегда являются наиболее убедительными из имеющихся в литературе. В Словаре Т. Чижевской сведения обо всех попытках толкования неясного слова отсутствуют, и читатель не имеет возможности сравнить принятую в Словаре конъектуру с другими конъектурами.

Неясное *въ стазби* (цитируем по первому изданию: *нощь стонущи ему грозою птичь убуди*; *свистъ звѣринъ въ стазби*) объясняется Т. Чижевской вслед за Р. О. Якобсоном как *въ съта зби*, т. е. «(звериный свист) сбил в сотни». Если и принимать указанное деление на слова, то в форме *ста* естественнее видеть, по-видимому, не числительное, а испорченное *стадо* (эту конъектуру предложили И. П. Сахаров, О. М. Бодянский и Д. Н. Дубенский) или *стаи*. Последняя конъектура представляется более вероятной, чем *стадо*, поскольку предполагает пропуск лишь одной буквы, которая могла быть выносной [12]. Существуют, однако, и другие толкования [13].

Слово *струга* (*Не тако ти рече рѣка Стугна: худу струю имѣючи, пожьръши чюжѣ ручиѣ и стругы, ростьре на кусту уношю кънязя Ростислава*) переводится в Словаре словами «струя, ключ». Однако значение «струя» в «Слове» трижды передается существительным *струя*, а перевод «ключ» не находит подтверждения ни в памятниках письменности, ни в этимологических данных. Точнее, по-видимому, объяснение С. И. Коткова, который, возражая против перевода «струя», приводит ряд новых материалов в пользу перевода «поток».

Вероятно, не является точным толкование слова *сватъ* во фразе *Ту пиръ доконьчяша храбрии Русичи: сваты попоишя, а сами полегоша за землю Русьскую*. Т. Чижевская считает, что здесь слово *сватъ* соответствует термину свойства *сват*. В дополнение к примерам, иллюстрирующим терминологическое употребление слова *сватъ*, было бы весьма полезным привести также и употребление этого слова в Ипатьевской летописи по отношению к половцам со стороны черных клобуков: *княземь же Роускимъ идоущим на ня* (половцев.— *И. Д., И. У.*) *и Щерныхъ же Клобоукъ даша вѣсть, сватомъ своимъ в Половцы* (под 1187 г.); *Чернии же Клобоуци не восхотѣша ехати за Днѣпръ бѧхоуть бо свато(ве) имъ* (половцам.— *И. Д., И. У.*) *сѣдѧша за Днепромъ близъ и распрѣвшесѧ и возвратишасѧ во своѩси* (под 1192 г.). Эти примеры могли бы указать на то, что существительное *сваты* употреблено здесь в переносном и в прямом смысле (как одно из названий половцев). Ср. также этимологию слова *печенѣгъ* < тюркск. *баджанак*, *бäчäнäг* «свояк».

Едва ли справедливо принимаемое в Словаре Чижевской мнение о несклоняемости топонимического названия *Каяла* (кстати, сама Т. Чижевская при подаче грамматических помет неточно

гова. (Ритмический перевод), «Слово о полку Игореве», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.— Л., 1950, стр. 72.

[10] М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I, М., 1964, стр. 251.

[11] В. А. Гордлевский, Что такое «босый волк»?, ИАН ОЛЯ, 1947, 4.

[12] См.: Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, ч. II, М., 1885, стр. 158 — 159.

[13] См., например: В. Ф. Ржига, Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве»: что такое «въ стазби»?, «„Слово о полку Игореве". Сборник исследований и статей...», М.— Л., 1950, стр. 9—10; С. И. Котков, «Слово о полку Игореве». (Заметки к тексту), М., 1958, стр. 9—10.

относит форму *Каялы* лишь к формам родительного падежа). Формы *на рѣцѣ на Каялы, в Каялы рѣцѣ* («Слово о полку Игореве») и *на рѣцѣ Каялы* (в Ипатьевской летописи под 1185 г.) можно объяснить как один из ранних примеров возникновения форм местного падежа на *-ы* под влиянием мягкой разновидности основ на *-а* типа *на земли*. Формы местного падежа на *-ы* не являются показательными для несклоняемости топонима *Каяла*; таковыми являлись бы формы именительного, винительного или творительного падежей, но они в «Слове» и приводимых параллельных местах из других памятников древнерусской письменности не отмечены, поэтому помету о несклоняемости топонима следует считать ошибочной. П. С. Кузнецов отмечает форму дательного и местного падежей на *-ы* в памятниках, лишь начиная с XIV в., главным образом в новгородских и псковских[14]. Один пример дательного падежа на *-ы* он отмечает и из «Слова о полку Игореве»: *тяжко ти головы кромѣ плечю*. Этот пример лишний раз подтверждает неправомерность причисления гидронима *Каяла* к несклоняемым словам; формы дательного и местного падежей на *-ы* в «Слове» можно отнести к особенностям, которые обязаны своим происхождением поздним переписчикам.

По мнению автора, написания *заря* и *зоря* были семантически дифференцированы: первое обозначало вечернюю зарю, второе — утреннюю. Однако в памятниках древнерусского языка такая дифференциация не представлена; оба написания имеют одно и то же значение — «свет, сияние» — и в контексте могли обозначать как утреннюю, так и вечернюю зарю; ср. примеры, в которых, наоборот, *заря* обозначает утреннюю зарю: *зѣло оутро рано. къ свѣлающимся зари.* Ефремовская кормчая XII в., л. 222а (Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, труд Бенешевича В. Н., I, СПб., 1906) в греч. ὁ ζαθὺς ὀρθρος ὡσῳ προσυποφαινομένην αὐγήν (греч. αὐγή «свет; сияние; рассвет»). Т. Чижевская цитирует этот текст в статье *заря* «вечерняя заря», хотя контекст указывает на значение «утренняя заря». (Цитируя этот текст по «Материалам» И. И. Срезневского, Т. Чижевская пропускает слово *рано*); ср. также пример из одного из «Слов» Кирилла Туровского по списку XIV в.; *Посемь предъ зарями друзии придоста женѣ, и тѣ видѣста оутрь во гробѣ два аньѣла* (М. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова. II, СПб., 1858, стр. 31); этот текст Т. Чижевская цитирует в статье *зоря* «утренняя заря» по изданию Калайдовича, где представлено написание *зоря* (см.: К. Ф. Калайдович, Памятники российской словесности XII в., М., 1821, стр. 36); ср. также переносные употребления: *Разумнок оутро бѣ҃е. и заря безначалнаго свѣта въстокъ сиянии славы ѡ҃ча* (Каноны Кирилла Туровского XII в. по рукописи: Обиход церковный XIV в., ГПБ, Соф. № 1052). Есть примеры, которые свидетельствуют о том, что написание *зоря* может относиться и к вечерней заре: *Мѣсяца марта, являшеся на западе в вечерней зорѣ звезда немала* (Львовская летопись, «Полное собрание русских летописей», XX, ч. 1, СПб., 1910—1914, стр. 220). Об отсутствии семантической дифференции говорят и употребления этих написаний с двумя определениями — *вечерняя* и *утренняя*: *Лелекъ есть птица, а лѣтает по вечерним зорям и по утренним* (Роспись травам... Рукопись конца XVII в. Московского исторического музея, из соб. Щукина 285/292).

Некоторые замечания вызывает перевод на современный русский язык. Последовательное применение переводного принципа объяснения слов уступает по своим возможностям толковательному методу. Перевод на современный язык без развернутых толкований и пояснений может приводить к модернизации древнего слова[15]. Слово *кричяти* вряд ли следует переводить современным *кричать*, так как этот перевод, очевидно, не соответствует одному из контекстов употребления этого глагола: *кричать телѣгы полунощи, рьци — лебеди роспущены*. Рассматривая этот текст, С. И. Котков показывает, что «глагол *кричать* по данным говоров, в сравнении с литературным языком, обладает большей семантической емкостью»[16].

Глагол *позьрѣти* (*да позьрим синего Дону*) переведен глаголом *повидать*. Судя по показаниям древнерусских памятников, *позьрѣти* означает «посмотреть (на)». В этом значении он представлен и во всех контекстах, приводимых Т. Чижевской в качестве параллелей к его употреблению в «Слове»: *възведъ очи свои, позрѣ по братьи* («Повесть временных лет», под 1074 г.): *камо, княже, очима позриши ты, тамо ми славами своими вьржемъ* (Новгородская I летопись по Синодальному списку, под 1216 г.); *Тьвьрдиславъ же, позря на святую Софию, и рече...* (там же, под 1218 г.).

Данные памятников и говоров показывают, что слово *цвѣлити* имело значение «мучить»: ср.: *и нача ѥи молвити. сестра твоѧ оучиравчи. велѣла мь тѧ покати за сѧ тако рекла. ать инаѧ дѣтии не цвѣлить* (Ипатьевская летопись,

[14] П. С. К у з н е ц о в, Очерки исторической морфологии русского языка, М., 1959, стр. 45.

[15] Поэтому нельзя согласиться с Н. Дылевским, который в упомянутой выше рецензии критикует словарь В. Л. Виноградовой за применение развернутых толкований.

[16] С. И. К о т к о в, указ. соч., стр. 11.

л. 286 об.), ср. также *квелити*. Перевод «крушить, сокрушать», даваемый Т. Чижевской, стирает образность выражения *землю мечи цвѣлити* [17].

Глаголы *перегородити* и *прѣградити* (реконструированные формы [18]), цитируем по первому изданию: *Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша; Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици прегради ша чрълеными щиты*) переведены словом *прегородить*. Однако более адэкватным представляется перевод *перегородити* (*поле*) [19].

Глагол *поискати*, отмеченный в «Слове» в контексте *два сокола... сълетѣста... поискати града Тъмутороканя*, переводится словами *поискать* и *сыскать*. Однако первый из этих глаголов в современном языке означает кратковременное действие и не выражает результативности, свойственной древнерусскому глаголу *поискати* (подобно ряду других глаголов с приставкой *по-* в «Слове» — *позвонити, поклонити, помълкнути, попоити*), поэтому более точным представляется перевод *сыскать* (ср. *добыть* в переводе Д. С. Лихачева [20]).

Древнерусские слова иногда переводятся с помощью архаизмов и диалектизмов. Слово *давьныи* переведено устаревшим *давный*, слово *жядьный* — словом *жаждущий* и устаревшим *взыскующий*; *мыкати* переведено глаголами *взметать, мыкать*, хотя последний относится к просторечию и в своем значении весьма далек от древнерусского *мыкати*; глагол *ратовать*, которым, наряду с *биться*, переведено *побарати* в своем исконном значении «сражаться, воевать» является устаревшим; глагол *съдумати* переведен не только глаголом *задумать*, но и областным *сгадать* малоупотребителен в современном языке глагол *уныть*, которым, наряду с глаголом *заглохнуть*, переведено древнерусское *уныти* (современным эквивалентом является, очевидно, *опечалиться*).

В некоторых случаях представляется весьма затруднительным восстановление исходной формы. Например, в тексте «Слова» личное местоимение 1-го лица единственного числа употребляется восемь раз в формах дательного (*ми, мнѣ*) и винительного (*мя*) падежей, на основании которых Т. Чижевская восстанавливает древнерусскую форму *я, язъ*, а В. Л. Виноградова — *азъ*. Едва ли правильна исходная форма *стремя*. Это слово встречается в «Слове» в форме мужского рода, поэтому в именительном падеже следует восстанавливать форму *стремы* (как *камы*).

Иногда трудно восстанавливать и древнюю нормализованную орфографию. Например, для слова *жьнчюгъ* (в первом издании «Слова» встречается в позднем написании *женчугъ, жемчюжну*) следует предположить только написание *жьнчюгь*, а не предлагаемое Т. Чижевской *жьньчюгъ*, которое встречается в древнерусской письменности, но в нем *ь* после *н'* появляется как попытка передать мягкость последнего, возникшую на месте тюркской полумягкости, чему способствовало и ассимилятивное воздействие мягкого *ч*. Вероятно, написание *жьньчугъ* возникло после падения редуцированных, поэтому едва ли целесообразно помещать его в текст «Слова».

В словаре Чижевской есть и некоторые опечатки, из которых следует отметить заглавное *Словутиячь* вместо правильного *Словутичь* [21].

Не вполне последовательна система отсылок, принятая в Словаре. Далеко не все написания, реально отмеченные в первом издании и екатерининской копии, представлены в качестве заглавных слов. Так, написания *канина, жля* и др. выделены в качестве заглавных слов и снабжены отсылкой к реконструируемой форме (*ковыла, желя*). В то же время такие написания, как *аркучи, воззни, стязби, стрикусы* не выделены в качестве заглавных. Это затрудняет пользование словарем.

Словарь Т. Чижевской полезен как труд, стимулирующий дальнейшее изучение лексики «Слова о полку Игореве». В будущем, по завершении работы над большим словарем-комментарием к этому памятнику, готовящимся в Институте русской литературы АН СССР, работа Т. Чижевской будет служить дополнительным справочником по тем толкованиям и конъектурам, которые не будут учтены составителями большого словаря.

И. Г. Добродомов, И. С. Улуханов

---

[17] А. С. Орлов, «Слово о полку Игореве», М.— Л., 1946, стр. 83; Д. С. Лихачев, Слово о походе Игоря... (Объяснительный перевод), стр. 91.

[18] Форма *прегородити*, дважды отмеченная в первом издании и екатерининской копии, подверглась у Р. О. Якобсона и Т. Чижевской достаточно произвольным преобразованиям.

[19] См.: А. С. Орлов, указ. соч., стр. 80; Д. С. Лихачев, Слово о походе Игоря..., стр. 80, 82.

[20] Д. С. Лихачев, указ. соч., стр. 89.

[21] Отметим также, что в цитате из «Повести временных лет» при слове *коганъ* «*Козари изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ*» (под 965 г.) написание *Каганъ* с прописной буквы восходит к изданию Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карского в составе «Полного собрания русских летописей» (т. I, 2-е изд.), где этот титул даже ошибочно включен в алфавитный указатель личных имен.

M. Lejeune. **Index inverse du grec mycénien.**— Paris, 1964, 117 стр. (Centre national de la recherche scientifique)

E. Mater. **Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.** — Leipzig, 1965. (7), 695 стр. (Bibliographisches Institut)

A. Juilland. **Dictionnaire inverse de la langue française.**— London — The Hague — Paris, Mouton and Co, 1965. LX+504 стр. («Janua Linguarum». Series practica. VII)

Семья обратных словарей пополнилась тремя новыми собратьями: в 1964 г. вышел «Обратный индекс к словарю микенского греческого языка» Мишеля Лежена, затем (в 1965 г.) «Обратный словарь современного немецкого языка» Эриха Матера и, наконец, издательство «Мутон» выпустило в свет прекрасно оформленный том — «Обратный словарь современного французского языка» Альфонса Жюйяна. Поскольку в недавней рецензии [1] уже был дан перечень существующих обратных словарей (ОС) и вкратце освещен вопрос о возможных сферах их применения, об их особенностях и т. п., мы ограничимся здесь конкретными замечаниями по поводу этих трех словарей.

ОС М. Лежена, как и указывает его заглавие, представляет собой просто индекс a tergo к известному словарю микенского греческого: A. Morpurgo, Mycenaeae graecitatis lexicon, Roma, 1963 (далее — MGL). Индекс М. Лежена содержит все слова MGL (в том числе и те, чтение которых представляется сомнительным), за исключением односпллабемных — записанных одним знаком. Никаких помет (кроме указаний о добавлениях и исправлениях, внесенных М. Леженом) при словах не дается: все они должны отыскиваться в MGL. Таким образом, этот индекс представляет собой чисто вспомогательный, хотя и исключительно полезный инструмент при MGL. Отметим также наличие двух важных приложений: I — список слов (в прямом алфавитном порядке), добавленных М. Леженом к словнику (свыше 100) и включенных в обратный индекс; II — список недешифрованных знаков линейного письма B (les syllabogrammes non translitérés) с указанием для каждого знака всех слов, где он встречается.

ОС Э. Матера (АН ГДР и Берлинский ун-т им. Гумбольдта) составлен на основе большого (≈ 138 000 слов) немецко-венгерского словаря Э. Халаса (по-видимому, использовалось 5-е изд.: E. Halász, Német-magyar kéziszótár, Budapest, 1963). Этот словарь был выбран в качестве источника по трем причинам: во-первых, это новейший словарь современного немецкого языка, базирующийся на собственной картотеке; во-вторых, в связи с распространением словосложения в венгерском языке, в словаре Э. Халаса немецкие сложные слова представлены шире, чем в других словарях; в-третьих, в нем уделено особое внимание научной и технической терминологии. Однако ОС Э. Матера не является простым «обращением» этого словаря: Матер выбросил около 12 000 слов (архаизмы, диалектизмы, аббревиатуры, экзотические топонимы), в том числе «неправильные» формы сильных глаголов (типа *ging*, *sah*, *fahrt* и т. д.), но добавил взамен около 14 000 новых слов, так что общий объем ОС ≈ 140 000 слов. Добавления вносились на основе ряда толковых словарей (так, 2800 новых слов взято из словаря: R. Klappenbach, W. Steinitz, Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, Berlin, 1961) и собственной картотеки Э. Матера. Таким образом, данный ОС — это фактически вполне оригинальное собрание немецкой лексики. Тем не менее, какие бы то ни было пометы в словаре отсутствуют, в том числе — сведения об источнике того или иного слова (единственное грамматическое указание — написание существительных с заглавной буквы). Это, как нам кажется, следует признать недостатком данного ОС, равно как и смешение в нем лексики из разных источников [2]. Далее, Э. Матер не приводит, к сожалению, данных простейших подсчетов — например, количества слов, оканчивающихся на данную букву, данную пару или тройку букв — наподобие того, как это сделано в ОС М. Алинеи [3] и в ОС А. Жюйяна, о котором пойдет речь ниже. Вряд ли можно признать целесообразным также исключение «неправильных» форм; вызывает возражение и тот факт, что из графически совпадающих омонимов в словаре представляется только один и притом без какой бы то ни было пометы (об этом также см. ниже).

Важнейшим достоинством ОС Э. Матера является то, что он был составлен с помощью комплекса счетно-аналитических машин. Это второй ОС (после ОС итальянского языка М. Алинеи), полученный механическим способом; причем, в отличие от ОС Алинеи, где нет никаких конкретных указаний, как именно шла разработка словаря, Э. Матер перечисляет использованное оборудование (перфораторы, сортировки, табуляторы и т. д. частично отечественного — предприятия Mercedes, RFT, BWS, частично французского — Bull Paris — производства) и кратко характеризует процесс составления ОС: ручная пробивка исходной картотеки на перфоленту — автоматический перевод на перфокарты — автома-

[1] ВЯ, 1965, 5.

[2] См. там же, стр. 131.

[3] Там же, стр. 131, пункт 3.

тическое надпечатывание заглавного слова на перфокартах — автоматическая сортировка в прямом алфавитном порядке и печатание контрольных списков — ручная проверка, дополнения, исправления и сокращения — автоматическая сортировка в обратном алфавитном порядке — автоматические статистические подсчеты (как указывалось, не отраженные в изданном словаре) — автоматическое печатание ОС. Полученная машинопись была подготовлена к изданию сотрудниками лейпцигского Библиографического института.

Отметим, что в приложении дан список известных Э. Матеру ОС; этот список позволяет дополнить перечень ОС, приведенный в уже названной нашей рецензии, двумя названиями: W. F. Reineke, Rückläufiges Wörterverzeichnis des Ägyptischen, в кн.: A. Erman, H. Grapow, Wörterbuch der Ägyptischen Sprache, VII, Berlin, 1963; M. Doria. Indice retrogrado delle iscrizioni in lineare B di Pilo e di Micene, Trieste, 1964.

Воспользовавшись случаем, укажем еще четыре обратных словаря (сведениями о них мы обязаны любезности М. В. Мачавариани, Т. В. Гамкрелидзе и Л. А. Гиндина):

1. Обратный словарь грузинского языка был составлен под руководством Б. А. Почхуа в 1960 г. как индекс к восьмитомному толковому словарю грузинского языка (ред. А. С. Чикобава). ОС включает все заглавные слова статей толкового словаря (113 000) плюс отыменные наречия и морфологические варианты слов, не включенные в толковый словарь. Всего в ОС—160 000 слов. ОС до сих пор не издан и хранится в Институте языкознания АН ГрузССР (все данные сообщены М. В. Мачавариани).

2. P. Reichert, Glossaire inverse de la langue hittite. Paris, 1963 (издан как выпуск журнала «Revue hittite et asianique», XXI, 73, стр. 63—114).

3. «Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen», Berlin, 1957 (Unter Leitung von F. Dornseil ausgearbeitet von B. Hansen).

4. К. Влахов, Допълнения и поправки към тракийските езикови остатъци и обратен речник, в кн.: «Годишник на Софийския университет», филол. факултет, LVII, 2, 1963, стр. 221—372 (стр. 325—367 — обратный индекс всех известных фракийских слов).

Кроме того, М. Е. Недоспасова и Н. Н. Пурцеладзе обратили внимание рецензента на тот любопытный и, как кажется, мало известный неарабистам факт, что такие знаменитые толковые словари классического арабского языка, как «Лисан ал-ʿараб» и «Ал-қамус алмухит», составленные арабскими лексикографами в XIII—XIV вв., также представляют собой обратные словари! Они построены по корневой системе, как это принято для арабских словарей; однако в отличие от современных словарей, корни располагаются в них в алфавите конечных, а не начальных согласных. Это, вероятно, объясняется желанием обеспечить возможность использования данных словарей в качестве словарей рифм.

ОС А. Жюйяна потребует более подробного рассмотрения, так как он специфичен в нескольких отношениях. Его главная особенность состоит в том, что в отличие от всех ранее издававшихся ОС он каталогизирует французскую лексику не в традиционной орфографической записи, а в фонемной транскрипции. Это, естественно, объясняется тем, что во французском языке написание и произношение расходятся между собой в весьма значительной степени, т. е. взаимные соответствия между графемами и фонемами являются здесь очень сложными и многозначными. Для транскрибирования слов, включаемых в ОС, А. Жюйян выбрал наиболее «умеренную» и наиболее принятую фонемную транскрипцию, которая, как он сам указывает, «характеризуется фонетическим реализмом — стремлением сохранить максимальное соответствие между звуками и фонемами» («Введение», стр. VII); в этой транскрипции различается 36 фонем: 16 гласных, 17 согласных и 3 полугласных. Чтобы упорядочить слова в фонемной транскрипции, автор определил порядок фонем — условный фонемный «алфавит», в котором символы фонем следуют друг за другом приблизительно в том же порядке, что и графически похожие на них буквы: /a/, /ɑ/, /ã/, /b/, /k/ (неясно, почему этот символ оказался здесь. Правильнее было бы после /j/, /d/, /e/, /ɛ/ и т. д.). Несомненно, что порядок фонем для ОС — вопрос условный и непринципиальный: все определяется удобством читателей; нам кажется, однако, что удачнее был бы какой-либо содержательный порядок: например, сначала гласные, потом согласные, среди которых сначала идут губные, потом переднеязычные, затем среднеязычные и т. п., наподобие древнеиндийского алфавита. Отметим, что для каждого слова, помимо фонемной транскрипции, дается и орфографическое написание; это облегчает пользование словарем.

В случае фонетических колебаний (наличие произносительных вариантов) — например с /a/ или с /ɑ/, с (ø) или с /œ/ — А. Жюйян выбирал для каждого слова одно каноническое произношение, опираясь на подготавливаемый им «Dictionnaire de prononciation française», а также на такие авторитетные руководства, как: Fouché, La prononciation du français, Paris, 1959; E. Delattre, Principes de phonétique française, Middlebury, 1947; A. Martinet, La prononciation du français contemporain, Paris, 1945, и др. Однако если колебания в произноше-

нии связаны не с фонологическими или фонетическими причинами, а с различиями в написании (maïolique /majɔlik/ и majolique /maʒɔlik/), с различиями этимологического характера (pachiderme/ paʃidɛrm/ или /pakidɛrm/) и т. п., слово представляется в словаре обоими вариантами.

Вторая особенность словаря А. Жюйяна состоит в том, что он разбит на главы (по последней фонеме), причем главы делятся на разделы (по последней паре фонем), а разделы — на параграфы (по последней тройке фонем). Главы и разделы озаглавлены соответствующей фонемой или парой фонем, при которых указывается число слов в главе или разделе; параграфы не имеют заглавия, но «определяющая» их тройка дается в конце, также с числом слов в параграфе. (Нам кажется, что такая особая трактовка параграфов ничем не оправдана: следовало бы озаглавливать параграфы точно так же, как главы и разделы.) Словарь снабжен подробным оглавлением (стр. XVII—LX), благодаря которому можно быстро установить наличие и определить местонахождение слов, оканчивающихся на заданную фонему (пару или тройку фонем).

Третья особенность ОС А. Жюйяна с формами типа /dirɛktœr/ — /dirɛktris/, /dɛrnje/ — /dɛrnjɛr/, /œrø/ —/œrøz/, /etydjã/ — /etydiãt/, /bõ/ — /bɔn/ и т. п. К сожалению, однако, разные формы глаголов не даются в словаре: каждый глагол представлен только инфинитивом. Автор объясняет это тем, что глагол имеет около двух десятков фонетически различных форм и их включение утроило бы объем ОС. Соображение, несомненно, верное; тем не менее, по нашему мнению, следовало бы включить в ОС хотя бы основные формы сильных («неправильных») глаголов, типа /vy/, / verɛ /, / vwa / от *voir* или /vɛny/, /vjãdre/, /vɛ̃r/ и т. п. от *venir*. Кроме того, в конце параграфов можно было бы давать указания о наличии морфологических форм, оканчивающихся на заданную тройку фонем (в духе предложений И. А. Блинова [4]), например в конце параграфа *isõ*: «На /isõ/ кончаются также формы 1-го лица мн. числа правильных глаголов на /ise/ и на /ir/ (*dévisser — dévissons, ravir — ravissons*)». При этом объем словаря существенно не увеличился бы, а французские словоформы были бы представлены гораздо полнее.

Приведем для иллюстрации небольшой отрывок из ОС А. Жюйяна (стр. 152, глава ɛ):

-ʃɛ 29				-tɛ 12		
chai	m.	ʃɛ		*taie f.*	tɛ	
chais	m.	ʃɛ		*tes adj*	tɛ	
sachet	m.	saʃɛ	-aʃɛ 1	*têt.* m.	tɛ	
blanchet	m.	blãʃɛ		*charantais* adj., m.	ʃarãtɛ	
flanchet	m-	flãʃɛ	-ãʃɛ 2	*tantet* m.	tãtɛ	-ãtɛ 2
dêchet	m.	deʃɛ		*êtai* m.	etɛ	-etɛ 1
brêchet	m.	breʃɛ	-eʃɛ 2	*maltais* adj., m.	maltɛ	ltɛ 1
				motet m.	mɔtɛ	
				protêt m.	pʀɔtɛ	-ɔtɛ 2

. . . . . .

(и, безусловно, положительная особенность!) — наличие при словах помет о части речи, а при существительных — помет о роде; в случаях синтаксической омонимии при слове дается несколько помет: *volontaire* adj. m., f. (т. е. прилагательное /существительное муж. рода/ существительное жен. рода). Напомним, что в большинстве ОС грамматические пометы даже самые скромные отсутствуют или используются только в исключительных случаях.

Четвертая (также положительная) особенность ОС А. Жюйяна — включение всех фонетически отличных форм мн. числа (иногда и жен. рода) существительных и жен. рода прилагательных. Таким образом, форма /travo/ помещена в словаре отдельно от /travaj/ : /travo/ в главе *e*, разделе *vo*, параграфе *avo*, тогда как travaj/ фигурирует в главе *j*, раздел *aj*, параграф *vaj*. Аналогично обстоит дело

. . . . . .

Что касается состава ОС А. Жюйяна, то о его источниках не сказано ни слова, равно как и о принципах отбора лексики. Остается только догадываться, что он основан на оригинальной картотеке, но как именно составлялась эта картотека, остается неизвестным. Это серьезный недостаток данного словаря: читатель лишен возможности судить о том, насколько полно представлена в ОС современная французская лексика и, в частности, какие ее слои и в каких пропорциях отражены в его словнике. Всего в ОС Жюйяна 41 090 слов. Однако даже беглый просмотр показывает, что в нем отсутствуют такие ходовые слова разговорного языка и бытового арго, как *le from* «сыр», *snob* «сноб, зазнайка», *bath* «шикарный», *le souk* «лавка, киоск», *les vécés* «туалет»,

[4] Там же, стр. 132.

tonton «дядюшка», *tata* «тетушка», *le jules* «любовник» и множество подобных; с другой стороны, нет в нем и многих научных и технических терминов, например, *l'organigramme* «блок-схема», *le syntagme* «синтагма», *le porte-avions* «авианосец», *hélipporté* «перевозимый на вертолете» (выбор примеров абсолютно случаен; сколько-нибудь серьезного обследования ОС А. Жюйяна с целью оценки полности его словника не предпринималось). И это притом, что в словаре немало причудливых, редких, экзотических слов, вроде *gymnosophie*, *hectisie*, *tétradyname*, *mecklembourgeois*, *coprah*, *isba* и др. Так как никаких стилистических или смысловых помет в ОС А. Жюйяна не дается, а ссылок на источники нет, то для включенных в ОС слов читатель не располагает сведениями о степени их значимости для французского языка в целом, об их центральности/ периферийности и т. п.

Далее, вряд ли можно признать целесообразным полное неразличение в словаре омонимов, имеющих одинаковое написание: *voler* «летать» и *voler* «красть», *mineur* «шахтер» и *mineur* «несовершеннолетний» и т. п. даются в словаре только один раз и без каких бы то ни было помет о наличии омонимии. Очевидно, что это ведет к искаженному представлению о словарном составе французского языка. Позиция автора легко объяснима: он опасался чрезмерного разбухания ОС за счет квазиомонимов, практически неотличимых от случаев полисемии, типа *balle* «мяч; рожа; пуля; монета в 1 франк» (омонимы, имеющие разное написание приводятся в ОС как отдельные слова: /tɛt/ *tête* «голова» и /tɛt/ *tette* «сосок», /ɛ/ *ais* «половица» и /e/ *haie* «изгородь»). Однако следовало, по-видимому, трактовать как безусловные омонимы и те омофоны с одинаковым написанием, которые имеют разную этимологию и/или трактуются как таковые большинством наиболее авторитетных словарей.

Во введением к словарю А. Жюйян указывает, что этот ОС — первый, составленный с помощью электронных вычислительных машин [5] (в Пенсильванском и Стэнфордском университетах, США). К сожалению, никаких разъяснений по этому поводу не дается, так что ценный опыт применения ЭВМ к частной лексикографической задаче — к созданию ОС — пропадает для читателей. Будем, однако, надеяться, что автор опубликует соответствующие данные отдельно.

Словарь имеет три приложения, содержащие статистические сведения о распределении фонем в конце французского слова.

В приложении I даются: 1) таблица частот конечных фонем в данном ОС; 2) таблица частот конечных фонем в тексте (на материале 80 710 слов); 3) таблица частот начальных фонем в тексте (на материале 80 645 слов); 4) таблица частот фонем в тексте безотносительно к позиции (на материале текста длиной 286 946 фонем). При каждой из таблиц приводится распределение соответствующих фонем по содержательным классам (гласные — согласные, носовые — ротовые, глухие — звонкие и т. п.). Даются также две сравнительные таблицы частот фонем по четырем названным группам: в первой упорядочение проведено по частоте (1 — самая частая фонема, 2 — вторая по частоте и т. д.), а во второй — по условному «алфавиту» фонем.

Приведем здесь начало первой из двух сравнительных таблиц — 7 самых частых фонем по всем четырем группам (цифры округлены до десятых) (см. таблицу).

Приложение II и III — списки упорядоченных по частоте конечных пар (527) и троек (4054) фонем (встречающихся в ОС). Вот десять самых частых пар и троек:

-mɑ̃ 5,5%	-j̃ɔ̃ 4,1%	-te 4%	-je 3,3%	-ɛr 3,3%
-sj̃ɔ̃ 3,6%	-ite 2%	-ab 1,4%	-tœr 1,3%	-jɛr 1,2 %
-œr 3,2%	-ik 2,6%	-ɑ̃t 2,4%	-øz 2,3%	-aʒ 2,3%
-war 1%	-ism 0,9%	-ist 0,9%	-tik 0,9%	-əmɑ̃ 0,8%

Обратим внимание на то, что все это суффиксы.

Статистические данные сопровождаются краткими комментариями; в частности, они сопоставляются с аналогичными данными относительно итальянского языка, взятыми из словаря М. Алинеи. Можно предполагать, что все статистические подсчеты были выполнены на ЭВМ; однако прямые указания на этот счет отсутствуют.

В заключение нам хотелось бы еще раз обратить внимание лингвистов самых разных специальностей на тот факт, что обратные словари могут оказывать неоценимую помощь в любых исследованиях — текстологических, фонологических, морфологических (словоизменение и словообразование), фономорфологических (связь морфологии слов с фонетическим обликом конца основ и т. п.), даже семантических (подбор групп слов одной словообразовательной модели). До сих пор в нашей стране не издано ни одного

[5] Другие ОС, для которых применялись средства механизации (словарь М. Алинеи и словарь Э. Матера), составлялись с помощью счетно-аналитических машин.

Ранг \ Фонемы	Конечные в ОС	Конечные в тексте	Начальные в тексте	Безотносительно к позиции в тексте
1	-е 19%	-э 15,4%	р- 10,2%	г 7,5%
2	-г 12,7%	-е 10,3%	d- 9,4%	а 7,1%
3	-ā 8,6%	-г 10,1%	s- 9%	э 5,6%
4	-t 6,7%	-а 7,2%	m- 7,9%	l 5,4%
5	-l 6,1%	-i 6,8%	k- 7,5%	s 5,4%
6	ɔ̃- 5,7%	-u 5,3%	v- 6,9%	ε 5,2%
7	-i 4,3%	-l 5,2%	l- 6,8%	e 5,1%

ОС; даже оба опубликованных ОС русского языка (Бильфельдта и Греве — Креше) вышли в ГДР и ФРГ соответственно. Между тем крайне желательно составление и публикация ОС не только для языков Советского Союза, но и для ряда языков зарубежных стран (английский, испанский, португальский, индонезийский, скандинавские, иранские и др.). В настоящее время ОС могут составляться с минимальными затратами квалифицированного труда — если использовать вычислительную технику (счетно-аналитические и или электронные цифровые машины). Поэтому можно было бы только приветствовать внесение разработки ряда ОС в научную программу советской лексикографии.

И. А. Мельчук

«Статистико-комбинаторное моделирование языков».
Под ред. Н. Д. Андреева.— М.— Л., изд-во «Наука», 1965. 502 стр.

Большинство статей рецензируемого сборника посвящено экспериментальной проверке статистико-комбинаторного алгоритма выделения парадигм словоизменения на материале 16 языков самых разных групп. В общем виде этот алгоритм был предложен и описан в предыдущих работах Н. Д. Андреева [1], автора шести статей сборника и его редактора. Работа алгоритма основывается на статистической обработке большого числа текстов, предварительно расчлененных на слова и фразы. Задача алгоритма состоит в морфемном членении словоформы текста и в составлении парадигмы словоизменительного типа; решается она статистическими методами без обращения к содержательной стороне языковых форм. Основу алгоритмов статистико-комбинаторного моделирования (СКМ) составляет так называемый поиск информанта. Под информантом понимается элемент E_k ($k = 1, 2, \ldots, n$) исследуемого уровня языковой структуры (буква, морфема, слово и т. д.), наиболее регулярно связанный с некоторой узловой точкой $У$ на синтагматической или парадигматической оси языковых форм. Статистическими признаками информантного элемента являются достаточно высокая условная вероятность $P(E_k/У)$ его встречаемости относительно заданной узловой точки и наибольшая величина превышения условной вероятности $P(E_k/У)$ над независимой или безусловной вероятностью $P(E_k)$. В соответствии с первым (более грубым) признаком из всего множества элементов в работе алгоритма учитываются только такие (верхнее подмножество элементов), условная вероятность которых выше некоторой пороговой величины, определяемой полусуммой максимального и минимального значений (медиальное разбиение). Что касается наибольшего превышения условной вероятности над независимой вероятностью, то оно определяется как максимальное значение коррелятивной функции $КФ = \frac{P(E_k/У)}{P(E_k)}$.

В целом алгоритм СКМ может быть понят как последовательный ряд информантных поисков на множествах и при условиях, которые каждый раз меняются в зависимости от ранее полученных результатов. Наличие у элемента статистических признаков информанта далеко не всегда

---

[1] См.: Н. Д. Андреев, Моделирование языка на базе его статистической и теоретико-множественной структуры, «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 года», Л., 1959; его же, Алгоритмы статистико-комбинаторного моделирования морфологии, синтаксиса, словообразования и семантики, «Материалы по математической лингвистике и машинному переводу», сб. II, [Л.], 1963.

обеспечивает получение конечного положительного эффекта работы алгоритма. С точки зрения конечного эффекта информант может быть истинным или ложным. Поэтому уже на промежуточных этапах вводится ряд проверок на истинность информанта, при отрицательном результате которых алгоритм отбрасывает выбранный информант и переходит к работе со следующим по величине $k\Phi$ элементом множества. Проверка на истинность, а также ряд правил, сокращающих работу алгоритма в известных условиях, делают алгоритм достаточно сложным и затруднительным для понимания. В рамках рецензии, естественно, невозможно рассмотреть все тонкости работы алгоритма, поэтому остановимся лишь на некоторых общих моментах, характеризующих работу алгоритма выделения парадигмы словоизменительного типа.

Выделение парадигмы словоизменительного типа начинается с поиска информантной буквы (или транскрипционного знака) по условию встречаемости в фиксированной позиции относительно промежутка, т. е. относительно пробела между словами и знаков препинания. Для этой цели на текстах большой протяженности вычисляются независимые вероятности букв, их условные вероятности для ряда позиций относительно начала (плюсовые позиции) и конца (минусовые позиции) слова, а также такие общие статистические характеристики, как средняя длина слова $Д$, средняя длина фразы $Ф$ и производные от них величины. Для облегчения поиска информанта позиционные вероятности вычисляются только для статистически членимых словоформ, минимальная длина которых определяется в соответствии с эмпирической формулой $Ч = E(2/3\,Д + 1)$, где E показывает, что из полученной величины нужно взять только целочисленную часть (антье). Переход на множество членимых словоформ исключает из рассмотрения короткие служебные слова, которые в силу своей высокой вероятности маскируют статистические связи букв с промежутком, определяемые системой словоизменения. Из множества букв для каждой позиции по правилу медиального разбиения выделяются верхние подмножества, для которых вычисляются коррелятивные функции; полученные данные сводятся в таблицы, характер которых особенно явственно выступает в таблице 6 статьи Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др., посвященной выделению первого морфологического типа в русском языке. По всем позициям отыскивается буква с максимальным значением коррелятивной функции, которая и принимается за информант множества. В работе Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др. таким информантом оказалась буква *и* в позиции —1, т. е. непосредственно перед промежутком.

Второй этап работы алгоритма состоит в наращивании синтагмы информанта. Для этой цели снова вычисляются условные вероятности букв, но уже в позиции, смежной с предыдущим информантом, в данном случае — в позиции перед конечным *й* (см. табл. 7 в статье Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др.).

По правилу медиального разбиения, т. е. по полусумме максимальной и минимальной условной вероятности $\frac{0{,}547+0{,}002}{2} = 0{,}2745$, определяем пороговую величину условной вероятности для выделения верхнего подмножества. В верхнее подмножество при этом попадает только буква *о* со значением коррелятивной функции 5,7. Эта буква и принимается за информант множества (*о*, *е*, *и*, *ы*, *а*) в позиции перед конечным *й*. На этом этапе, однако, вводится проверка на истинность информанта по мере перепада условной вероятности информанта и следующей за ним по величине условной вероятности буквы. Если перепад условных вероятностей меньше 1,5, то производится дополнительная проверка на меру перепада суммарных вероятностей первой и второй пары букв. При отрицательном исходе этой дополнительной проверки информант признается ложным и дальнейшего наращивания синтагмы информанта не происходит. В статье Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др., которая выбрана нами для иллюстрации работы алгоритма, перепад условных вероятностей от буквы *о* к букве *е* равен 0,547 : 0,172=3,2. Поэтому буква *о* признается истинным информантом второго этапа работы алгоритма и присоединяется к *й*, образуя составной информант *-ой*. Для дальнейшего наращивания синтагмы информанта необходимо было бы вычислить условные вероятности букв в позиции перед *-ой* и далее следовать общим правилам информантного поиска. Алгоритмом предусматривается, однако, предел наращивания, определяемый формулой $x = E(Д^2 : Ф)$. Как и большинство формул, используемых в алгоритме, эта формула является эмпирической, однако, устанавливаемая ею зависимость средней длины словоизменительного аффикса от средней длины слова и фразы должна иметь определенный, так сказать, физический смысл. В работе Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др. средняя длина слова оказалась равной 6,7 буквы, а средняя длина фразы — 19,3 слова, откуда $x = E(6{,}7^2 : 19{,}3) = 2$ буквы. Поэтому *-ой* признается первым информантным аффиксом, и алгоритм переходит к третьему этапу работы к наращиванию парадигмы информантного аффикса.

Для наращивания парадигмы аффиксов из текста выбираются все словофор-

мы, оканчивающиеся на *-ой*, например: *которой, особой, большой, одной, высокой, такой, базой, второй, строй* и т. п. После отделения *-ой* от этих словоформ формируется множество баз первого информантного аффикса, или баз первого вида, общее число которых на текстах протяженностью около одного миллиона словоформ составило 1874. После этого из текстов выбираются все словоформы, содержащие базы первого вида, но с другими остатками. Эти остатки сводятся в множество остатков (293 остатка), которое, так же, как и множество баз первого вида, еще весьма неоднородно по своему составу и, кроме действительных окончаний, включает словообразовательные аффиксы, например *-ость*, бессмысленные сочетания букв и даже такой остаток, как *-оговоритель* (ср. *громкой — громкоговоритель*). На множестве остатков и ведется дальнейший информантный поиск по условию сочетаемости с базами первого вида, иначе говоря, по парадигматической смежности с первым информантным аффиксом *-ой*. Для этого, как и обычно, вычисляются условные и независимые вероятности остатков, по правилу медиального разбиения выделяется верхнее подмножество остатков и вычисляются коррелятивные функции для верхнего подмножества (см. табл. 11 в разбираемой статье). По максимуму $K\Phi = 230$ информантом множества остатков при базах первого вида является *-ого*, который и принимается за второй информантный аффикс парадигмы. Дальнейший ход самого информантного поиска достаточно прямолинеен. Из множества баз первого вида выбираются только те базы, которые в текстах встречаются с обоими информантными аффиксами. При этом, естественно, происходит сокращение (редукция) общего числа баз. Одновременно сокращается и общее число остатков и перераспределяются вероятности последних. Для нового множества остатков снова вычисляются условные вероятности, после чего выделяется верхнее подмножество остатков и по максимуму коррелятивной функции выбирается третий информантный аффикс и так далее. Этот прямой ход алгоритма прерывается проверками на истинность информанта, критерием которой является мера редукции, определяемая относительным сокращением числа баз при включении в парадигму второго и вообще следующего информантного аффикса, взятым с некоторым коэффициентом, зависящим от объема текстов (коэффициент редукции). Проверка на меру редукции исходит из того, что аффиксы, входящие в одну парадигму, более регулярно распределяются по основам текста, чем не связанные общностью парадигмы остатки. При определении меры редукции, однако, приходится также считаться с текстовой неполнотой парадигмы, являющейся следствием ограниченного объема обрабатываемых текстов. Например, заведомо ясно, что базы первого вида, которые встретились в текстах всего по одному разу, не дадут в этих же текстах сочетаний с другим аффиксом парадигмы. Целесообразно поэтому освободиться от таких баз до определения меры редукции, что и делается посредством так называемого шлейфового порога [2]. В работе Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др. общее число баз первого вида после применения шлейфового порога сократилось с 1874 до 1527. Включение в парадигму второго информантного аффикса *-ого* привело к сокращению множества баз до 536. Следовательно, относительное число сокращенных шлейфовых баз составило $\frac{1527-536}{1527}=0{,}649$ или 64,9%. Поделив эту величину на коэффициент редукции, который для текста протяженностью в миллион словоформ равен 5,47, определяем меру редукции $\mu = 0{,}119$ (в тексте ошибочно — 1,19). Это значение меры редукции ниже принятой в алгоритме пороговой величины $\frac{1}{\Delta} = 0{,}149$ (смысл которой вообще говоря неясен). Следовательно, редукция субпороговая, и информант *-ого* признается истинным и включается в парадигму. Если бы редукция превышала пороговую величину, алгоритм перешел бы к следующему по величине коррелятивной функции остатку, а при нескольких повторных отрицательных результатах проверки на меру редукции весь шаг алгоритма, начиная с поиска информантной буквы, был бы признан ложным, и описанную процедуру пришлось бы повторить с новой информантной буквой. В рассматриваемой статье этого, как мы видели, не случилось. Более того, с выделением третьего информантного аффикса *-ых* редукция оказалась настолько незначительной, что стало возможным перейти к сокращенному информантному поиску методом так называемого ступенчатого спуска, с существом которого, так же как с другими тонкостями алгоритма, заинтересованный читатель может ознакомиться прямо по книге и по цитированным работам Н. Д. Андреева. В конечном итоге применение алгоритма СКМ к русским текстам по радиоэлектронике протяженностью около миллиона словоформ привело к выделению полной парадигмы твердого склонения прилагательных и причастий, правда, всего лишь на 29 основах. Этот результат в рецензируемом сборнике был повторен Н. А. Боголюбовой на художественных текстах, А. В. Баклушиным на публицисти-

[2] Вообще говоря, шлейфовый порог выполняет такую же роль, какую выполняет коэффициент редукции.

ческих текстах, представленных в фонетической транскрипции, а ранее получен Л. Д. Андреевой на научно-технических текстах меньшей протяженности [3].

После выделения первого словоизменительного типа алгоритм переходит к выделению второго и последующих типов. Процедура выделения непервых типов отличается от описанной выше лишь некоторыми правилами, задающими исходное множество словоформ, на которых мы здесь останавливаться не будем. Результаты применения алгоритма к выделению непервых морфологических типов русского языка описаны в четырех статьях Л. Д. Андреевой и в общем являются положительными. Из четырех проверок в трех случаях была получена полная парадигма соответствующего типа, и только при выделении пятого морфологического типа результат оказался неполным и недостаточно ясным (выделилось деепричастное окончание *-я* и два окончания возвратных глаголов *-ется* и *-ются*). Следует, правда, отметить, что при выделении непервых типов Л. Д. Андреевой и другими авторами книги применяется искусственный прием типизации текста не по основам, фактически выделенным алгоритмом, а по основам, которые потенциально могут принадлежать типу. Это обстоятельство несколько ограничивает результаты работы, так как фактические возможности алгоритма применительно к тексту конечной протяженности, т. е. применительно к реальным условиям его работы, остаются до конца не выясненными. Определенные шаги в этом направлении сделаны Н. Д. Андреевым, который на базе промежуточных результатов коллективной работы Л. Д. Андреевой, Е. Е. Корди и др. выделил полную парадигму еще одного типа склонения русских прилагательных и причастий и дополнительно получил 21 основу с неполной парадигмой первого морфологического типа. Тем не менее, важный вопрос о том, какой максимальный эффект может быть получен от алгоритма на конечном тексте, хотя и достаточно большой протяженности, остается пока открытым.

Проверка алгоритма выделения словоизменительных типов на материале других языков в общем также подтвердила его работоспособность, хотя в ряде случаев (статьи Г. И. Ожиговой, Н. И. Федуловой и др.) выделенные парадигмы оказались неполными, а полученные классы основ иногда отличаются грамматической неоднородностью. При этом неполный результат не всегда можно связать с недостаточным объемом статистической выборки. Например, полная парадигма была получена К. А. Елисеевой на материале украинского языка при весьма малой статистической выборке в 15 000 слов. В то же время М. Р. Мелкумян получает неполную парадигму первого типа в армянском языке на статистической выборке в 100 000 членимых словоформ, причем четыре аффикса были выведены из парадигмы предписаниями самого алгоритма. К сожалению, в статьях сборника не всегда указывается объем использованной статистической выборки, по которому лишь и можно судить о надежности полученных результатов. На наш взгляд, однако, совершенно недостаточной (10 000 графем, 41 база первого вида) является статистическая выборка в работе Д. А. Якушевой тем более, что по отрицательному результату этой работы делается серьезный вывод о способности алгоритма устанавливать факт отсутствия в языке словоизменительной системы.

При применении алгоритма СКМ к некоторым из обследованных языков выявились определенные трудности, показателем которых может, например, служить число ложных шагов алгоритма, которых при выделении первого морфологического типа в эстонском языке (Х. А. Хольм) было сделано девять из десяти разрешенных предписаниями алгоритмов, в болгарском (Н. И. Федулова) — пять из восьми разрешенных, а при выделении второго морфологического типа в языке хауса (Б. С. Фихман) число ложных шагов превысило разрешенную норму. Выявилась также недостаточность отдельных предписаний алгоритма, в частности, предписания, запрещающего использование $K\Phi < 1$ (Г. И. Ожигова, стр. 91), а также предписаний, устанавливающих предельную длину информатного аффикса (Б. С. Фихман, стр. 190), величину порога устойчивости (И. Б. Фитиалова, стр. 269), величину коэффициента редукции для непервых типов (Л. Д. Андреева, стр. 316) и др. На основании этих фактов во второй, обзорной, статье Н. Д. Андреева в алгоритм вносятся некоторые поправки. Несомненно, больший интерес, однако, представляют не мотивированные материалом отступления ряда авторов от предписаний алгоритма, на которые в обзорной статье не обращается внимания. В частности, в соответствии с предписаниями алгоритма число позиций, по которым ведется поиск первой информантной буквы, определяется средней длиной слова $Д$, что должно обеспечить универсальность алгоритма относительно возможных языковых типов. Многие авторы сборника, однако, ограничиваются гораздо меньшим числом краевых позиций, а в одной из статей Л. Д. Андреевой

[3] Л. Д. Андреева, Статистико-комбинаторное выделение парадигмы первого морфологического типа в русском языке, «Материалы по математической лингвистике и машинному переводу», сб. II.

(стр. 286) число обследуемых позиций непосредственно связывается с предельной длиной первого информантного аффикса. Представляется, что для подобного подхода к числу обследуемых позиций имеются достаточные основания, так как отсчет позиций ведется относительно промежутка и поэтому срединные позиции не будут зафиксированы алгоритмом сколько-нибудь однозначным образом вследствие того, что длина слова является величиной переменной. В этой связи определенный интерес представляет ложный шаг алгоритма в работе Н. А. Паниной (стр. 107), когда при предельной длине первого информантного аффикса в одну букву информант j (—2) был отброшен алгоритмом несмотря на то, что в сербскохорватском языке он имеет определенное грамматическое значение.

Другое важное отступление от предписаний алгоритма касается правил сокращения исходного множества баз при выделении второго и последующих информантных аффиксов. В соответствии с этими правилами из текста сначала выбираются все словоформы, содержащие второй информантный аффикс, из которых формируется множество баз второго аффикса. При пересечении этого множества с исходным множеством баз выделяется часть, общая для обоих аффиксов, которая относится к основам первого класса. С выделением последующих информантных аффиксов эта процедура каждый раз повторяется. Г. И. Ожигова, Н. А. Панина и Х. А. Хольм, однако, предпочитают вообще не оперировать с понятием «основы k-ого класса» и информантный поиск ведут, не выходя за пределы исходного множества баз. Результат от этого не меняется, а вместе с тем отпадают ненужные термины и понятия и устраняется необходимость многократного обращения к тексту и пополнения множества объектов алгоритма базами, которые тут же из него изымаются.

Мы обратили внимание на эти отступления от предписаний алгоритма, поскольку они представляются достаточно обоснованными и ведут к упрощениям, в которых алгоритм, вообще говоря, нуждается. Сложность алгоритма обусловливается его эмпирической основой и отсутствием сколько-нибудь систематического теоретического обоснования. Между тем, обращает на себя внимание тот факт, что основной критерий информантного поиска — коррелятивная функция $K\Phi = \frac{P(E_к/У)}{P(E_к)}$ по своему смыслу не отличается от известного из теоремы гипотез (формулы Бейеса) выражения для апостериорной вероятности:

$$P(У/E_к) = \frac{P(У)\,P(E_к/У)}{P(E_к)} = P(У)\,K\Phi,$$

так как $P(У)$, например, вероятность промежутка, является постоянным множителем для всех $E_к$ и, следовательно, лишь изменяет масштаб величины $K\Phi$. Указанная аналогия позволяет и сам информантный поиск осмыслить с позиций теории статистических решений [4] как отыскание элемента $E_к$, появление которого в тексте делает наиболее правдоподобной гипотезу о наличии задаваемого алгоритмом условия $У$, например гипотезу о наличии промежутка на фиксированном расстоянии от буквы u, напротив, малоправдоподобной обратную гипотезу об отсутствии этого условия (не $У$), например об отсутствии промежутка на фиксированном расстоянии от буквы. В качестве меры правдоподобности гипотез в теории статистических решений используется отношение правдоподобия:

$$\frac{P(E_к/У)}{P(E_к/\text{не } У)} = \wedge.$$

Эта мера позволяет разбить все множество элементов на два подмножества — благоприятствующее и не благоприятствующее данной гипотезе — не произвольным образом, как в случае медиального разбиения, а в соответствии с некоторым строгим критерием, определяющим величину результирующих ошибок. Например, при применении критерия В. А. Котельникова, иначе называемого критерием идеального наблюдателя, характер разбиения множества элементов $E_к$ будет определяться неравенством:

$$\frac{P(E_к/У)}{P(E_к/\text{не } У)} > \frac{P(\text{не } У)}{P(У)}.$$

Для рассматриваемого бинарного случая, учитывая, что $P(\text{не } У) = 1 - P(У)$ и что $P(E_к) = P(У)\,P(E_к/У) + P(\text{не } У)\,P(E_к/\text{не } У)$, отношение правдоподобия может быть представлено также выражением:

$$\frac{P(E_к/У)}{P(E_к) - P(У)\,P(E_к/У)} = \wedge',$$

которое отличается тем, что в него входят только величины, используемые в алгоритме СКМ. Это выражение, по некоторым своим свойствам сходное с коррелятивной функцией, может быть предложено в качестве критерия информантного поиска. По сравнению с коррелятивной функцией оно представляет большие удобства, так как неравенством

$$\frac{P(E_к/У)}{P(E_к) - P(У)\,P(E_к/У)} > \frac{1}{P(У)}$$

[4] См.: Г. Чернов, Л. Мозес, Элементарная теория статистических решений, М., 1962; К. Хелстром, Статистическая теория обнаружения сигналов, М., 1963, гл. 3 — Проверка гипотез.

одновременно будет определяться подмножество элементов E_x, на котором поиск информанта с точки зрения теории статистических решений является допустимым. Определенную аналогию можно усмотреть также между процедурой наращивания информанта и методом последовательной проверки гипотез, с существом которого можно ознакомиться по цитированным выше работам.

Указанные аналогии, на наш взгляд, намечают пути возможного сближения алгоритма СКМ со статистической теорией. При этом следует сразу же сказать, что сближение со статистической теорией не опровергнет, а, наоборот, лишь усилит основные принципы статистико-комбинаторного анализа языка и может привести к серьезному упрощению и, возможно, к уменьшению роли комбинаторики, которая, как указывает М. Р. Мелкумян (стр. 130), не всегда согласуется со статистическим подходом. Вместе с тем, такое сближение может обогатить и саму статистическую теорию, как это часто бывало и ранее, когда она находила новые и неожиданные приложения. А применение статистики непосредственно к исследованию структуры языка является именно таким новым приложением, определяющим большое теоретическое и практическое значение работ авторов рецензируемого сборника и работ зачинателя этого направления Н. Д. Андреева, в частности.

Кроме статей по выделению словоизменительных типов, сборник содержит еще одну статью Л. Д. Андреевой, в которой излагаются результаты первой проверки алгоритма СКМ применительно к выделению разрядов слов (частей речи).

Остальная часть статей (менее одной трети), в основном, посвящена так называемому аппроксимационному анализу, который по своему смыслу близок к традиционному анализу по частям речи и членам предложения, однако, отличается детальной статистической обработкой позиционных и синтаксических связей между функциональными классами слов, которые определяются по принадлежности слова к той или иной морфологической категории и по его синтаксической функции в предложении. В результате анализа выявляются некоторые общие статистические характеристики функциональных классов, которые могут найти известное применение. В последней статье сборника, написанной Н. Д. Андреевым, излагаются принципы составления и рассматриваются области применения распределительных словарей, в которых словам, на основе статистической обработки стандартных выборок, дается количественная характеристика их распределения по текстам различной тематики и по различным отраслям знания. Эта оценка в определенной мере характеризует семантику слова и может быть использована при машинном переводе и в рамках отраслевой лингвистики. В целом, последняя часть статей сборника по методам и по содержанию отличается от статей, посвященных экспериментальной проверке алгоритма СКМ, и их объединение в книге под одним названием является не совсем оправданным. Вместе с тем, статьи последней части книги особенно грешат обилием новых терминов и обозначений, которые могут только затруднить усвоение материала широким кругом читателей. Отметим еще, что во вводной статье Н. Д. Андреева, предпосланной книге, рассматривается широкий круг, в основном, спорных для настоящего времени вопросов, разрешить которые невозможно в рамках одной статьи, тем более в рамках одной рецензии.

В заключение одно замечание по структуре сборника: представляется, что чрезмерное размельчение статей сборника не является целесообразным. Многие статьи, например статьи Л. Д. Андреевой по выделению непервых морфологических типов, без ущерба могли бы быть объединены в более крупные работы.

В. И. Григорьев

G. Jarring. An Eastern Turki-English dialect dictionary.—Lund, 1964 («Lunds universitets årsskrift». N. F. Avd. 1. Bd. 56. Nr. 4). 338 стр.

Новый труд Г. Ярринга, известного шведского тюрколога, автора серии тюркологических исследований по языку, фольклору и этнографии главным образом уйгуров Синьцзяна [1], представляет собой словарь восточного тюркй (уйгурского языка) с переводом значений диалектных слов на английский язык.

[1] См.: G. Jarring, Materials to the knowledge of Eastern Turki, I — «Lunds universitets årsskrift». N. F. Avd. 1, Bd. 43; Nr. 4, 1946; II — там же, Bd. 44, Nr. 7, 1948; III—IV — там же, Bd. 47, Nr. 3—4, 1951; его же, Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, Lund — Leipzig, 1933; его же, Weather-lore from Eastern Turkistan, «Ethnos», I, 2, 1936; его же, Zurufe an Tiere bei den Osttürken, «Die Welt des Islam. Festschrift F. Giese», Berlin, 1941; его же, Some notes on Central Asian Turkic place-

Словарь составлен Г. Яррингом главным образом на основе лично им собранных диалектологических материалов за время его полевой работы в 1929—1930 гг. в Синьцзяне и в 1935 г.— в Индии; здесь учтена также лексика, не зафиксированная в текстах, опубликованных автором, но имеющаяся в кратком словаре другого шведского исследователя языка и литературы уйгуров Синьцзяна Г. Ракетта [2].

Диалектный словарь, как указывает сам автор во «Введении», не может иметь своей целью нормализацию уйгурской лексики, но напротив, включает все фонетические варианты слов различных диалектов во всех их разнообразных значениях (стр. 3); в результате здесь имеется много ссылочных статей фонетического характера. Ср., например, различного рода фонетические варианты слов с отсылкой к основному фонетическому оформлению слова в данном диалекте на стр. 24, 68, 76, 143, 170, 221 и др. Общий объем словаря со всеми ссылочными статьями составляет около десяти тысяч слов — количество, вполне достаточное для характеристики различных диалектов уйгурского языка.

В рецензируемом словаре, составленном в основном как индекс к фольклорным текстам, представлена главным образом бытовая лексика индивидуальной речи уйгуров, лексика, отражающая старый быт, старые формы сельского хозяйства, кустарных ремесел и промыслов, этнографического своеобразия жизни восточных базаров и караванов (стр. 3). Подобное отражение в словаре языковой ситуации в Синьцзяне вплоть до 1935 г. (стр. 3) имеет особую ценность хотя бы уже потому, что старая лексика, как и лексика индивидуальной речи, редко учитывается в обычных переводческих двуязычных словарях.

В словаре широко используются сравнения с материалами по уйгурским диалектам других авторов, в частности много ссылок на исследования С. Е. Малова [3] и Н. Ф. Катанова — К. Менгеса [4], а также других авторов. В необходимых случаях и систематически при заимствованных словах из русского, арабского, персидского, китайского и других языков приводятся этимологические пометы, а для персидских и арабских слов, кроме того, соответствующее написание на алфавите языков-источников.

В каждой словарной статье после заглавного слова сначала приводятся различного рода пометы, затем общие значения для данного слова и в конце — контекстуальные окказиональные значения с соответствующей иллюстрирующей фразеологией и ссылками на источник.

Диапазон словаря широк и многообразен; помимо указанной выше лексики, словарь включает в себя некоторую зоологическую, ботаническую и другую терминологию, а также географические названия и номенклатуру, собственные имена, мужские и женские, последние часто не дифференцируются соответствующими пометами, относящими данное имя к мужским или женским. Ср., например, стр. 21 *almaxan* npr. (= nomen proprium) *Alma khan*; стр. 266: *sawut* npr. *Savut* и др.

Весьма точной и удачной (в отношении легкости чтения) является примененная в словаре транскрипция, которая передает все фонетические оттенки уйгурской речи.

Следует отметить также очень точные переводы автора, учитывающего все оттенки значений слова. Для примера можно указать словарную статью о многообразных значениях глагола *qoj*-(стр. 250), хотя некоторые из его значений приведены в качестве контекстуальных, зависящих от значения сочетающегося с данным глаголом имени объекта.

Из более общих замечаний по словарю отметим лишь недостаточную полноту иллюстративного материала в словаре, что в известной мере компенсируется ссылками на соответствующие тексты автора; например: *jan* ~ *ja* : *n* «side, flank, direction, vicinty»; *šunuŋ öjniŋ janidae* «next to this house» (II: 59 : 5); *oj'an* «there» (III : 40 : 26) и т. д. Было бы легче пользоваться словарем, если бы ссылки на диалекты были даны не на соответствующий том и страницу текстовых материалов, а непосредственно пометой в словаре, указывающей на тот или иной диалект или говор. Из мелочей укажем на своеобразную метатезу в транслитерации фамилии автора «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий»

---

names, «Bull. of the geological Institutions of the University of Uppsala», XL, 1961; его же, The contest of the fruits. An Eastern Turki allegory, «Lunds universitets årsskrift». N. F. Avd. 1, Bd. 32, Nr. 4, 1936; его же, The Uzbek dialect of Qilich, Lund, 1937; его же, Uzbek texts from Afghan Turkestan with glossary, «Lund universitets årsskrift», 34, 1938 и др.

[2] G. Raquette, English-Turki dictionary, «Lunds universitets årsskrift», N. F. Avd. 1, Bd. 23, Nr. 4, 1927.

[3] С. Е. Малов, Уйгурские наречия Синьцзяна, М., 1961; его же, Уйгурский язык. Хамийское наречие, М.— Л., 1954; его же, Лобнорский язык, Фрунзе, 1956.

[4] «Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov», hrig. von K. Menges, Berlin, 1933 (отт. из «Sitzungsberichte der Preusischen Akademie der Wissenschaften». Phil.-hist. Kl., 1933, XXXII).

Л. Будагова — Bugadov = Бугадовъ Л. (стр. 5 и везде в ссылках).

Диалектный словарь уйгурского языка Г. Ярринга является несомненно крупным научным вкладом в уйгурское языкознание. Многодиалектный уйгурский язык, изучению отдельных диалектов которого посвящено уже много исследований отечественных и зарубежных авторов, до сих пор не имел подобных обобщений, каким является рецензируемый словарь, и следует только искренне поблагодарить его составителя Г. Ярринга, имеющего уже давно большие заслуги в изучении уйгурских диалектов Синьцзяна и принявшего вновь на себя столь значительный труд, выполненный им с большой эрудицией и тщательностью истинного знатока уйгурского языка во всем многообразии его диалектов и говоров.

Н. А. Баскаков

H. Meier. Deutsche Sprachstatistik. I—II.— Hildesheim, Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1964. XII+410 стр., II—148 стр.

Лингвистическая статистика переживает период бурного подъема. Из года в год увеличивается количество публикаций по этой проблематике, и, если в 1954 г. П. Гиро удалось составить библиографический указатель литературы по лингвистической статистике, то в настоящее время подобное предприятие оказалось бы крайне затруднительным. К сожалению, во многих работах статистика применяется нетворчески, что способствует скорее дискредитации статистической методики, чем ее развитию. Появление на этом фоне интересного исследования становится своеобразным событием. Одним из событий такого рода является рецензируемая книга.

«Статистика немецкого языка» состоит из двух томов. Первый том содержит статистические исследования, проведенные на материале частотных списков, которые помещены во втором томе. В одном из этих списков дается алфавитный перечень слов, встретившихся в словаре Ф. Кединга не менее 10 раз — всего 41 083 слова. Эти слова составляют 15,9% всего словаря Кединга и покрывают 96,3% текста. Второй список представляет собой ранговый словарь немецкого языка. Он включает 7994 слова, составляющих 3,1% словаря Кединга и покрывающих 87,5% текста.

В третьем списке перечисляются 2240 знаменательных слов, покрывающих 25,72% текста. Здесь пары слов одного корня расклассифицированы по количеству общих омографичных форм — вначале приводятся пары слов, не имеющие омографичных форм, затем имеющие одну общую омографичную форму (например, существительное *Angriff* и глагол *angreifen*), две омографичных формы (например, существительные *Hoch*, *das Höchste*, прилагательное *hoch* и т. д.

Материалы второго тома представляют большую ценность, так как на их основании можно получить дополнительную информацию о рангах немецких слов и о соотношении частот основ слов и словоформ, не содержащуюся в словаре Кединга [1]. Они были использованы при составлении одного из последних частотных словарей немецкого языка [2].

Первый том состоит из введения, написанного видным немецким лексикографом Л. Макензеном, предисловия автора, 10 исследовательских глав, заключения, списка литературы по лингвистической статистике, именного и предметного указателей и примечаний к книге.

В первой главе Г. Майер рассматривает структуру рангового словаря. Он предлагает разбить весь лексикон на двенадцать разрядов в соответствии с частотой слов. Слова, входящие в ранговый словарь, распределяются по спектру частот (см. табл.)

Накладывая этот спектр на новые тексты, Майер пытается по отклонению картины распределения слов разных частот в данном тексте от их распределения в «нормальном» спектре получить характеристику текста. Он анализирует таким образом различные тексты общей длиной в 400 тыс. слов. Результаты этих опытов изложены в третьей, четвертой и пятой главах книги. Все тексты можно разделить на две категории: тексты с суженным словарем («узкие») и тексты с расширенным словарем («широкие»). Узость словаря понимается как преобладание в нем слов первых разрядов спектра, т. е. наиболее частых слов немецкого языка, широта — как преобладание слов 7—12 разрядов, т. е. редких слов.

Как и следовало ожидать, Г. Майеру не удалось обнаружить большого числа «узких» текстов.

Обычно встречаются «широкие» тексты. Лишь в определенных случаях в массе

[1] F. W. Kaeding, Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache, Steglitz bei Berlin, 1897—1898. Ср. также словарь Моргана. (B. Q. Morgan, German frequency word book, New York, 1928).

[2] См.: H.-H. Wängler, Rangwörterbuch hochdeutscher Umgangssprache, Marburg, 1963.

Разряды	1a	1b	1c	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Границы частот по выборке в 11 млн слов	349553—50599	44284—12553	12727—5074	5000—2001	2000—1001	1000—501	500—301	300—201	200—101	100—51	50—20	19—10	9—4	3—1
Количество слов, входящих в разряд	30	70	107	305	510	995	1278	1396	3303	5221	12391	15477	38633	178457
% покрытия текста	31,79	15,31	7,25	8,48	6,37	6,32	4,48	3,13	4,30	3,39	3,55	1,92	3,71	

«широких» текстов можно найти небольшое количество «узких». Это те ситуации, когда говорящий находится в состоянии депрессии. Сюда же относятся тексты дипломатических переговоров, популярные песни, приказания и ругательства, утешающие беседы врачей с пациентами и др.

Некоторые результаты Г. Майера были заранее предопределены характером выборки, которая легла в основу построения «нормального» спектра. Как известно, Кединг включил в выборку непропорционально большое количество текстов общественно-политической тематики. Поэтому в число частых слов попали такие, как *Kaiser*, *König*, *Paragraph* и другие, отражающие данную тематику. С другой стороны, словарь Кединга составлялся на основе текстов второй половины прошлого столетия. Естественно, что в нем отсутствует вся современная обиходная лексика и научно-техническая терминология. При анализе текстов Г. Майер, по всей вероятности, встречал слова, не содержащиеся в словаре Кединга. Неясно, как он с ними поступал — возможно, исключал из рассмотрения. Во всяком случае, отсутствие учета этих слов могло повлечь за собой некоторое искажение результатов.

Анализ «широких» и «узких» текстов методом спектров занимает центральное место в рецензируемой книге. Впервые статистическое изучение текстов путем сравнения их с эталоном проводится на столь обширном материале и столь систематически. Желательно, чтобы это перспективное направление статистических исследований получило дальнейшее развитие. Помимо выработки для анализа любых текстов общеязыкового спектра-эталона, целесообразно было бы определение для каждой группы текстов некоторого локального спектра-эталона. Дело в том, что общеязыковой спектр малопригоден при анализе различных текстов из-за своей всеобщности, и, следовательно, чрезмерной оторванности от структуры конкретных текстов. Можно разработать достаточно детальную классификацию текстов по группам и измерять меру «широты» текстов дважды — локальным и общеязыковым спектром. Как показывают предварительные опыты, при этом мы получаем более дифференцированную характеристику текстов. Так, например, Г. Майер относит тексты патентных описаний к «широким» текстам, поскольку обнаруживает в них преобладание редких слов. Мы проанализировали те же патентные описания дважды — при помощи общеязыкового спектра и спектра, «нормального» для патентной литературы. В первом случае наши результаты совпали с результатами Г. Майера. Во втором случае мы в совокупности патентных текстов получили группу «узких» и группу «широких» текстов. При этом был установлен интересный факт, который невозможно было обнаружить при измерении общеязыковым спектром,— патентные тексты характеризуются чрезвычайно высокой концентрацией словаря: в них частые слова покрывают намного больший процент текста, чем в текстах иного рода.

Из этих и подобных экспериментов можно сделать следующий вывод: целесообразно раз и навсегда соотнести общеязыковой спектр-эталон с локальными спектрами, рассчитанными для каждой группы текстов. Таким образом будут получены характеристики каждой группы текстов на основе их сопоставления с общеязыковым стандартом. Помимо этого, статистические параметры конкретных текстов соотносятся не только с общеязыковым спектром, но и с локальным спектром. К сожалению, решение этого вопроса тормозится из-за отсутствия четкой таксономии текстов по ситуациям общения.

Во второй главе книги Г. Майер демонстрирует ряд возможных применений методики спектров. Он рассматривает группировку лексикона рангового словаря немецкого языка по древности и приходит к известному выводу о том, что частые слова в основном самые древние, а редкие — новообразования [3]. Недавно к

[3] См., например: P. Guiraud, Les caractères statistiques du vocabulaire, Paris, 1954, стр. 4.

таким же результатам на основе частотного словаря английского языка пришел и А. Робертс [4]. В работах Г. Майера и А. Робертса, в отличие от предыдущих исследований, корреляция между частотой слова и древностью показана на материале всего лексикона частотного словаря, а не изолированных примеров.

Установив факт корреляции древности слов с их частотой, Г. Майер переходит к анализу употребительности заимствованных слов. Повторяемость заимствованных слов в немецкой речи в среднем в 40 раз ниже повторяемости исконных немецких слов — на 200 слов текста приходится пять заимствованных слов.

Заслуживает внимания попытка Майера использовать данные частотного словаря при разработке схемы понятий нового словаря — тезауруса. Он замечает, что в первом разряде спектра вначале появляются служебные слова, затем вспомогательные глаголы и ряд существительных с весьма широким объемом значения (*Zeit*, *Leben*, *Recht*, *Liebe* и др.). Во втором разряде количество служебных слов уменьшается и основную роль играют существительные, выражающие основные понятия общественной жизни (*König*, *Gesetz*, *Regierung*, *Volk* и др.). В третьем и последующих разрядах спектра не удается обнаружить четко очерченных понятийных групп. Однако это не мешает Майеру сделать попытку проникнуть и через этот барьер. Он делит ранговый словарь на шесть основных понятийных зон: 1) основы построения предложения и связи идей; 2) выражение бытия и мышления; 3) основные понятия духовной жизни; 4) основные социальные понятия; 5) основные общественно-политические понятия; 6) понятия из мира вещей (неодушевленных предметов).

Каждая из основных зон делится в свою очередь на девять — десять групп, причем каждая группа состоит из двух частей — общей и терминологической. Г. Майер изображает тезаурус в виде сферы, разделенной на 100 понятийных групп. Например, третья понятийная зона (основные понятия духовной жизни) членится на следующие группы: 20) жизненный опыт — 30) философия; 21) мышление, речь — 31) логика, языкознание; 22) интеллект, талант — 32) психология творчества; 23) чувство, удовольствие, неудовольствие — 33) психология; 24) ощущение красоты — 34) эстетика, искусствоведение; 25) темперамент, характер — 35) психология характера; 26) желание, стремление — 36) психология; 27) свобода, принуждение — 37) этика; 28) вера, предрассудки — 38) теология.

Понятийная схема Г. Майера эклектична. Она соединяет в себе черты универсальной десятичной классификации и тезауруса Вартбурга, в котором проведено разделение общей и терминологической части словаря. Г. Майер понимает это и в нескольких местах указывает на предварительный характер предлагаемой схемы. Не следует забывать, что работа Г. Майера появилась в стране, имеющей большую традицию составления идеологических словарей. Однако один из западногерманских рецензентов книги Г. Майера пытается акцентировать некоторые моменты, не являющиеся лучшей стороной этой традиции, когда он пишет, что в делении схемы на первую зону (основы построения предложения и связи идей) и вторую зону (выражение бытия и мышления) «можно узнать с редкостной ясностью индогерманскую структуру немецкого языка» [5]. По этому поводу можно заметить, что при такой интерпретации фактов любой язык придется признать индогерманским по структуре, так как в частотных словарях разных языков обнаруживаются аналогичные зоны слов. В частотном словаре любого языка следующая за служебными словами по частоте зона лексики — это слова с наиболее абстрактными значениями.

Кажется целесообразной в связи с этим постановка вопроса об универсальности законов распределения слов по частоте в разных языках, обусловленной общностью разных языков как знаковых систем и общностью языкового поведения людей. Как показывают материалы, собранные Э. Итон, значения 700 слов из 1000 самых частых слов в четырех европейских языках обнаруживают полное или частичное соответствие [6]. Э. Итон сопоставляла данные, полученные на основе разных выборок, не совпадающих для разных языков. Если сопоставить частоты слов, рассчитанные по тексту на одном языке и по его переводам на другие языки, обнаружится еще большее согласование частот слов в разных языках.

Универсальность законов распределения слов по частоте открывает возможность создания на основе частотных словарей схемы идеологического словаря, общего для разных языков. Проблема лексической многозначности, возникающая при переводе тезауруса с одного языка на другой, принципиально разрешима. По подсчетам Г. Майера, из 3295 слов первых пяти разрядов спектра 84% однозначны, 12% двухзначны и 4% — имеют три и более трех значений. Интересные наметки понятийной классификации существительных, глаголов и прилагательных четырех языков, проведенные

[4] A. H. Roberts, A statistical linguistic analysis of American English, The Hague, 1965, стр. 69—80.

[5] K. Daniels, Deutsche Sprachstatistik, «Muttersprache», 9, 1965, стр. 274.

[6] H. S. Eaton, An English-French-German-Spanish word frequency dictionary, 2-nd. ed., New York, 1961.

на основе учета их частоты, содержатся в вышеупомянутом словаре Э. Итон [7].

Проблема построения тезауруса по материалам рангового словаря, поднятая Г. Майером, имеет большое прикладное значение в связи с экспериментами по автоматическому индексированию текстов[8]. В непосредственной связи с этой проблемой находится эксперимент по оценке качества различных словарей немецкого языка, проведенный Г. Майером. Г. Майер подсчитал, что в орфографическом словаре немецкого языка Л. Макензена из 107 935 слов около $^1/_3$ — слова общего характера, $^1/_4$ — слова из области экономики и техники, $^1/_5$ — из гуманитарных наук и $^1/_5$ — из естественных наук [9]. Сравнив эти данные с процентным распределением различных слоев слов в словаре немецкого разговорного языка Х. Кюпфера, Г. Майер приходит к оригинальному заключению о связи характера словаря с процентным соотношением различных групп понятий в нем. Словарь Х. Кюпфера отличается от словаря Л. Макензена преобладанием слов из области фольклора (37,9%), небольшим количеством слов из экономики и отсутствием научно-технической терминологии [10].

Г. Майер подвергает анализу еще четыре словаря немецкого языка. Сведения, полученные им, могут быть использованы при выработке рекомендаций по процентному содержанию различных понятийных групп в новосоздаваемых словарях немецкого языка и других языков.

Шестая и седьмая главы рецензируемой книги посвящены вопросам статистики грамматико-стилистических явлений. Производятся подсчеты длины предложений, встречаемости имен и глаголов, падежей существительных, собственных имен, служебных слов и т. д. В среднем наиболее представительным для немецкого языка оказываются предложения длиной в 7—9 слов, для диалогической речи — 4—6 слов, для текстов по философии — 22 слова. В выборке объемом в 20 тыс. предложений самое длинное предложение включало 181 слово. По выборке в 500 тыс. слов было установлено следующее распределение частот падежей: им.—41,6%, род.—9,4%, дат.—24,9%, вин.—24,1%. Частоты ед. и мн. числа существительных, рассчитанные по выборке в 250 тыс. слов, находятся в соотношении 77,8%—22,2%; 25% всех встретившихся в этой выборке существительных имели зависящие от них прилагательные и причастия.

На материале выборки в 600 тыс. слов Г. Майер установил, что 6 наиболее часто встречающихся служебных слов немецкого языка *die*, *der*, *den*, *das*, *des*, *dem* — употребляются в 87% случаев в функции артикля, в 8,4% — относительного местоимения и в 4% — указательного.

Статистика вышеупомянутых и других явлений немецкой грамматики представляет собой существенные фрагменты статистической грамматики немецкого.

В седьмой главе Г. Майер анализирует статистическую структуру грамматики текстов, написанных близнецами и близкими родственниками. Обнаруживается любопытный факт совпадения статистических структур этих текстов. Однако его интерпретация относится скорее к области генетики человека, психологии и литературоведения, а не языкознания.

В восьмой и девятой главах трактуются вопросы статистики букв и буквосочетаний. Г. Майер, очевидно, не проводит различия между звуками и буквами. Он производит подсчеты по письменной форме речи и тем не менее рассматривает буквы как звуки. Материалы этих глав обширны. Здесь приводятся результаты вычислений встречаемости изолированных букв и различных комбинаций букв, слогов и сочетаний слогов, конечных и начальных букв слова и др. В частности, Г. Майер приходит к подтверждению одного из законов Ципфа о связи ранга слова с его длиной. Слова первого разряда спектра содержат в среднем 1,03 слогов и 2,73 букв, а девятого разряда — 3,29 слогов и 9,28 букв.

Г. Майер показывает применимость результатов статистики букв и буквосочетаний при решении вопросов диалектальных исследований, реформы немецкой орфографии, восприятия речи, типологии языка в духе П. Менцерата и В. Майера-Эпплера [11] и т. д.

В последней, десятой, главе предлагается новое расположение букв в клавиатуре пишущих машин, установленное на основе статистики букв. Эта клавиатура пригодна для 12 европейских языков с латинской графикой.

Библиография к книге включает несколько тысяч названий. К сожалению, собственно лингвистической литературы указано мало. Совершенно не учтены интересные работы советских и французских лингвостатистиков. Отсутствует указание места издания, встречаются повторения и неточности. Список примечаний

[7] Там же, стр. 436—441.

[8] Один из возможных методов автоматического индексирования состоит в том, что информативная значимость слов определяется по величине отклонения их частоты в индексируемом тексте от частоты в тезаурусе такого типа. Подробнее см. в моей статье «Автоматическое индексирование патентной литературы» («Вопросы изобретательства», 1966, 5).

[9] L. Mackensen, Deutsche Rechtschreibung, Berlin, 1954.

[10] H. Küpper, Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, Hamburg, 1955.

[11] P. Menzerath, W. Meyer-Eppler, Sprachtypologische Untersuchungen, «Studia linguistica», 1950.

к работе вынесен из текста книги и обращение к нему не вполне удобно.

Стиль изложения оставляет желать лучшего. Автор в каждой главе вновь и вновь подчеркивает объем проведенной им работы и считает необходимым столь же часто защищать право лингвистической статистики на существование. Учитывая те трудности, с которыми пришлось столкнуться Г. Майеру при реализации работы, читатель должен отнестись с пониманием к этой стороне изложения. Если отвлечься от подобных моментов, следует отдать дань уважения и признательности Г. Майеру за титанический труд, вложенный им в свое произведение. Похвально решение Ученого совета Гамбургского университета, присудившего Г. Майеру за эту книгу степень почетного доктора.

«Статистика немецкого языка» отличается оригинальностью постановки вопросов, тщательностью анализа, богатством фактического материала. Г. Майер на многочисленных примерах показывает, что статистические подсчеты должны сопровождаться глубоким качественным анализом лингвистического материала (как заметил В. Кёпке, «самое решительное происходит до и после цифр» [12]). Книга Г. Майера отличается и тем особым романтическим духом увлеченности наукой, который часто отсутствует в произведениях профессиональных лингвистов. Читатель, решивший ознакомиться с этой обширной работой, найдет в ней массу ценных фактов и наблюдений.

В. А. Москович

[12] W. K ö p k e, Viele Fragen an die Sprachstatistik, «Deutschunterricht für Ausländer», 4—6, 1964, стр. 118.

R. Kemball. **Alexander Blok: a study in rhythm and metre.** — The Hague, Mouton and C°, 1965. 539 стр. («Slavistic printings and reprintings», XXXIII).

Эта книга привлекает внимание прежде всего своим объемом. Такие обширные работы, посвященные метрике одного поэта, в мировой научной литературе насчитываются единицами, а в русском стиховедении появляются в первый раз. Книга представляет любопытный образчик интернациональной науки: посвященная русскому поэту, она написана английским филологом, работающим в Швейцарии, под руководством немки Эльзы Малер, напечатана в Голландии и выдержана в классическом многословном стиле французских докторских диссертаций.

Историю возникновения книги сам автор описывает в предисловии (стр. 7—12). Он много лет работал над переводами Блока на английский язык. Забота о соблюдении размеров подлинника побудила его составить метрический индекс к стихотворениям Блока (стихотворения, написанные 3-стопным ямбом, 4-стопным ямбом, с окончаниями ЖМЖМ, с окончаниями МЖМЖ... и т. д.). Далее последовал разбор и обзор ритмических средств, применяемых в этих метрах (пропуски и сдвиги ударений, сверхсхемные ударения, междуударные интервалы в дольниках и т. д.). И, наконец, это привело к попытке сопоставления русской метрики и ритмики с английской метрикой и ритмикой. Таким образом, разделы работы складывались в последовательности от частного к общему, но в книге они расположены в последовательности от общего к частному: «Введение» (стр. 21—52), «Русское и английское стихосложение: общее сопоставление» (стр. 55—156), «Ритм и метр в стихе Блока» (стр. 159—338), «Группировка стихотворений по размерам» (стр. 341—486). Основной материал автора — 760 стихотворений трех канонических книг лирики Блока; текст — по двухтомному изданию В. Орлова 1946 г. («Библиотека поэта»), но с переводом на старую орфографию. Список использованной литературы занимает 10 страниц (стр. 487—496).

Научная ценность наблюдений автора, как правило, тем больше, чем более частный характер они имеют, и тем меньше, чем более они приближаются к широким теоретическим обобщениям.

Метрический индекс стихотворений Блока, составляющий IV часть книги, должен стать непременным исходным пунктом для каждого нового исследователя метрики Блока. После этой работы уже невозможны фантастические обобщения «на глаз», например, о том, что во II томе Блока господствуют хорей и амфибрахий, а в III томе — дольник [1]. Однако здесь работа, начатая автором, требует продолжения в двух направлениях: во-первых, в сторону учета не только числа стихотворений, но и числа строк каждого метра — это даст ценную параллель к известному «Метрическому справочнику к стихотворениям Пушкина» Б. И. Ярхо и во многом ориентирует будущего историка русского стиха; во-вторых, в сторону исследования тематической традиции тех или иных конкретных метрических и строфических форм — образцом может служить анализ элегического 5-стопного хо-

[1] Ср.: S. B o n n e a u, L'univers poétique d'Alexander Blok, Paris, 1946, стр. 312—313; ср. замечания Кембола на стр. 109—111.

рея, сделанный К. Тарановским [2], и классическая работа Б. Томашевского о строфике Пушкина.

Обзор ритмических вариаций в метрах Блока особенно интересен главой, посвященной дольникам. Здесь даны исчерпывающие подсчеты по объему междуударных интервалов в 3- и 4-ударном дольнике, показывающие значительную разницу в их строении, а может быть, также и в происхождении (отношение 1-сложных и 2-сложных интервалов в 3-ударном дольнике — 39 : 61, в 4-ударном — 47: 51). Менее удовлетворителен анализ «ширрихиев» в ямбах и хореях: для 4-стопного ямба автор анализирует выборку в 1000 стихов, для 5-стопного — в 464 стиха, да еще дробит их на более мелкие группы, так что процентные показатели, выведенные, например, для группы в 97 стихов (стр.166), вряд ли имеют какую-нибудь ценность. Тенденция ритмической эволюции 4-стопного ямба от I к III книге Блока (понижение ударности на 2-й, повышение на 3-й стопе), выявленная автором на 1000 стихов, в общем совпадает с данными, полученными К. Тарановским для всех 4500 стихов блоковского 4-стопника [3]. Тенденция ритмической эволюции 5-стопного ямба (повышение ударности на 1-й, понижение на 2-й стопе) менее очевидна и требует дальнейшего исследования. 4-стопный хорей обследован автором почти полностью (1331 стих) и показал 100% устойчивость ударения на 2-й стопе и постепенное повышение ударности 3-й стопы. Из 5-стопного хорея обследовано только 120 стихов, так что все показатели здесь сомнительны.

Положение словоразделов в стихе автор совершенно не рассматривает. Вместо этого он подсчитывает, как часто пропуск схемного ударения приходится на предударную, на послеударную часть многосложного слова и на проклитику или энклитику. Как использовать эти цифры для изучения стиха, неясно. Для автора они интересны как образцы «интенс» разного рода. И это подводит нас к основному спорному вопросу его концепции — к «теории интенс», горячим сторонником которой он является.

Напомним предысторию «теории интенс». В 1897 г. Ф. Е. Корш в работе «О русском народном стихосложении» (стр. 5, 23—24) указал, что в словах с длинным безударным окончанием (или началом) возникает «второстепенное ударение» на крайнем слоге — *пятúдесятù*, *нèреписáть* — и что эти второстепенные ударения небезразличны для звучания стиха: «правилен» стих *Взлéлеянный в тенú дубрáвной* и «неправилен» — *Тихá украúнская нóчь*. В 1919—1923 гг. Г. Шенгели (не ссылаясь на Корша) в «Трактате о русском стихе» объединил основное и второстепенное ударение слов в понятии «интенсы» («голосового усиления») и заявил, что реальный ритм русского стиха есть ритм правильного чередования «интенс» с безударными слогами через один или через два слога. Успеха эта теория не имела. Против нее были выдвинуты следующие возражения: второстепенные ударения в русских словах звучат слабо, фиксированного места не имеют (сам Корш признавал возможность дублетов типа *нèреписáть — перèписáть*) и потому не определяют общий ритм, а сами порождаются общим ритмом (В. Жирмунский); второстепенные ударения невозможны в началах и окончаниях двухсложных (т. е. самых частых) — *голова*, *взлелеянный*, — ибо, как известно, именно здесь крайний слог сильнее всего редуцируется (В. Пяст); в болгарском языке, где второстепенные ударения не тяготеют к концу слова, а располагаются через слог от главного, стих типа *Тихá украúнскàя нóчь* должен был бы встречаться чаще, чем в русском, в действительности же там он так же избегается (К. Тарановский). После этой критики «теория интенс» надолго вышла из обихода: в посмертном издании «Техники стиха» Г. Шенгели (1960) следы ее неощутимы.

Р. Кембол пытается реабилитировать «теорию интенс» апелляцией к наблюдениям английских метристов. Он цитирует (стр. 121—122) Э. Смита: «Метрический икт в английском стихе... обычно приходится на слог, уже несущий естественное ударение; в противном же случае он сам стремится обеспечить себя необходимым относительным ударением... Икт придает мысленное преобладание определенным слогам через определенные промежутки, и это мысленное преобладание влечет за собою их реально ощутимое преобладание в звуковом ряду» [4]. Это «мысленное преобладание», «мысленное ударение» (mental predominance, mental beat) Кембол и отождествляет с «интенсами» Шенгели.

Это — явное недоразумение. У Э. Смита и у Шенгели речь идет о принципиально разных вещах. «Интенса» Шенгели есть явление языка, а не стиха: если слово *взлелеянный* имеет второстепенное ударение на последнем слоге, то оно будет иметь его и в прозаическом, и в стихотворном контексте. «Мысленное ударение» Э. Смита есть явление только стиха, продукт воздействия осознанной метрической схемы на словесную ткань: попросту говоря, это не что иное, как искусственное ударе-

[2] К. Тарановский, О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики, «American contributions to the V International congress of slavists», I, The Hague, 1963.

[3] К. Тарановский, Руски четворостопни јамб у првим двема деценијама XX века, ЈФ, XXI, 1—4, 1955—1956; эти данные использованы Р. Кембломом лишь в качестве addenda на стр. 187.

[4] E. Smith, The principles of English metre, Oxford, 1923, стр. 83—84.

ние, возникающее при скандовочном чтении. Смешение этих двух трактовок ведет автора к ощутительным противоречиям. С одной стороны, следуя Э. Смиту, он склонен называть «интенсой» всякий пропуск схемного ударения, независимо от того, приходится он на крайний слог слова или нет: *И, дколдбванна̀я мно̀й...* (стр. 168—169). С другой стороны, следуя Шенгели, он склонен преувеличить постоянство и силу второстепенных ударений на начале слова: в стихе *Со́единя́ющая гру́сть* он подозревает «хореическую замену» на первой стопе.

Такая «хореическая замена» в ямбе — другой пример неудачной попытки автора обогатить русское стиховедение категориями, выработанными английским стиховедением. Как известно, в английском стихе хореические «замены» встречаются значительно чаще, чем в русском. Э. Смит предложил рассматривать такие сдвиги ударения как комбинацию двух «неравносложных замен» — односложной (паузной) и анапестической,— т. е. читать стихи «Макбета» не *His sı́l | ver skı́n, | lа́ced with | his gо́l | den blо́od*, а *Hıs sı́l | ver skı́n, | ⋀ lа́ced | with his gо́l ⋀ den blо́od*. Кембол переносит эту интерпретацию на русский стих, предлагая читать: ⋀ *Но́чь | догора́ | ла за̀ | окно́м, |⋀Со̀ | единя́ | ющая | я гру́сть* и даже ⋀*В за́л | многолю́д | ный ⋀ | и мно̀ | гоколо́н | ный*... Разумеется, он знает, что для русского стиха такая интерпретация еще более неестественна, чем для английского: в английском ямбе, по крайней мере изредка, еще встречаются односложные и трехсложные «замены» порознь, в русском стихе — никогда (если не считать таких уникальных стихотворений, как «Последняя любовь» Тютчева и «Голос из хора» Блока). Поэтому автору приходится апеллировать от структуры стиха к его произнесению, к «инстинкту чтеца» (стр. 144), к «подлинным условиям декламации и рецитации» (стр.131), с неизбежными оговорками: «Конечно, можно только догадываться, как произносили эти слова Пушкин, Лермонтов...» (стр. 139) и т. д., иными словами — безнадежно смешивать теорию стихосложения с теорией декламации.

Причина таких натяжек — слишком поверхностное сближение русского и английского стихосложения. В части II автор перечисляет лишь самые внешние отличия английского стиха от русского; почти исключительное господство мужской рифмы; невыделение амфибрахия как самостоятельного размера; допущение неравносложных «замен»; преобладание более длинных строк (в английском стихе «классическими» являются 5-стопный ямб и 4-стопный анапест, в русском — 4-стопный ямб и 3-стопный анапест и амфибрахий). Но он не упоминает самой главной разницы между русским и английским стихом: именно, что в английском стихе ритм трехсложных и двухсложных размеров одинаково образуется чередованием постоянно-ударных и произвольно-ударных слогов; в русском же стихе таков лишь ритм трехсложных размеров, а ритм двухсложных размеров образуется чередованием постоянно-безударных и произвольно-ударных слогов. Эта формулировка выработалась в русском стихосложении лишь в последние десятилетия, уже после книг Шенгели и Жирмунского, на которые в основном опирается Кембол; автор мог ее найти, например, в популярной книжке Унбегауна, [5] о которой он отзывается с напрасным пренебрежением (стр. 22). Если исходить из этой коренной разницы между русскими и английскими двухсложными размерами, то сразу осмысляются различия и в трактовке анакрузы (смешение ямбов с хореями допустимо в английском стихе, недопустимо в русском), и в трактовке окончания (пропуск ударения на последней стопе допустим в английском стихе, недопустим в русском), и в трактовке серединной части стиха (неравносложные «замены» допустимы в английском, недопустимы в русском стихе); характерно, что в трехсложных размерах русского и английского стиха, ритмическая основа которых одинакова, почти все эти частные различия менее резки. Р. Кембол даже издали не подходит к этим проблемам. В области сравнительного анализа русской и английской метрики еще не сделан и первый шаг.

Нет нужды останавливаться на мелких сомнительных случаях интерпретации: в книге их немного. Думается, что «Песня матросов» из «Ее прибытия» (стр. 239) лишь начинается анапестом, а в дальнейшем переходит в хорей. Неверно, что 3-сложные размеры у Брюсова обнимают 50% стихотворений (стр. 105) — эта цифра взята (через посредство Унбегауна) у Томашевского, но Томашевский говорил лишь о «первых сборниках» Брюсова — это большая разница. «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова было опубликовано не «через год» (стр. 108), а почти через 40 лет после написания (в 1778 г.). Непонятно отсутствие в библиографическом списке таких работ, как труды Хойслера и Минора по немецкому и большой трактат Граммона по французскому стиху.

Книга Р. Кембола ценна не столько методами и выводами, сколько самой постановкой вопросов и черновой разработкой материала. Сам автор пишет в предисловии (стр.9): «Это — исходная точка, из которой, можно надеяться, когда-нибудь вырастут более творческие исследования». К этому пожеланию можно только присоединиться.

М. Л. Гаспаров

[5] B. O. Unbegaun, Russian versification, Oxford, 1965, стр. 38; ср.: К. Тарановски, Руски дводелни ритмови, Београд, 1953, стр. 6.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1966

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РЕФОРМЕ ОРФОГРАФИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Основу современной орфографии немецкого языка заложил К. Дуден в 1904 г. До тех пор немецкая орфография была неустойчива, не было одинаковых принципов написания слов и расстановки знаков препинания. Принципы и законы немецкой орфографии были изложены в словаре «Der große Duden», который до настоящего времени был издан 15 раз. В каждом новом издании имеются дополнения и изменения, происшедшие в орфографии в связи с изменениями в жизни и в культуре.

В ГДР была создана комиссия, задача которой — реформировать орфографию немецкого языка, кое-что в ней упростить и облегчить. Такие же комиссии были созданы и в других странах, где основной язык немецкий: в ФРГ, в Австрии и в Швейцарии.

В 1954 г. в Штутгарте состоялось первое совещание представителей всех этих комиссий. Несмотря на разногласия, были все же достигнуты определенные соглашения по основным принципам реформы.

В 1958 г. в Висбадене состоялось второе совещание, которое, основываясь на достигнутых соглашениях в Штутгарте, обсудило дальнейшие вопросы немецкой орфографии и установило некоторые принципы ее изменения: 1) имена существительные писать со строчной буквы. С прописной буквы писать слова в начале предложения, имена собственные, обращения и некоторые специальные сокращения, например химические формулы типа H_2O; 2) перенос слов с одной строчки на другую должен соответствовать их слогам; 3) если слова имеют две вариантные формы, то следует избрать одну из них в качестве основной; 4) написание иноязычных слов, взятых из живых языков, должно соответствовать принципам немецкой орфографии; 5) иноязычные слова греческого происхождения, которые до сих пор писались через *ph*, *th*, *rh*, писать через *f*, *t*, *r*, но можно писать и по-старому; 6) самостоятельные члены предложения и самостоятельные слова писать отдельно, вместе писать только составные слова. Если возникают сомнения, как писать слова — отдельно или вместе,—тогда лучше писать их отдельно, и др.

В Штутгарте было решено вместо *tz* писать *z* (*Spitze — Spize*), вместо ß — только *ss* (*Füße—Füsse*); в Штутгарте было решено обозначать долготу звонких, а в Висбадене от этого принципа отказались.

Немного позже состоялись совещания в Швейцарии и в Австрии, где обсуждались принятые в Висбадене принципы реформы немецкой орфографии. В 1963 г. в Цюрихе состоялась конференция, созванная Швейцарской комиссией для обсуждения реформы. Но здесь господствовали противники реформы, и потому некоторые пункты реформы, принятые в Висбадене, были отвергнуты, в том числе написание имен существительных со строчной буквы.

В 1965 г. Ростокский университет во время педагогической недели провел опрос учителей о реформе немецкой орфографии: были представлены следующие вопросы: 1) считаете ли вы, что и в дальнейшем надо придерживаться старой орфографии? 2) поддерживаете ли вы все принятые в Висбадене принципы реформы? 3) если нет, то какие из них пункты вы отвергаете? 4) с какими пунктами вы не согласны? 5) что, по вашему мнению, следовало бы изменить в немецкой орфографии, кроме принятых в Висбадене пунктов?

Учителя ГДР высказали единое мнение, что современная немецкая орфография больше не удовлетворяет требованиям жизни и должна быть реформирована и принятые в Висбадене принципы реформы можно принять за основу. 95,1% учителей высказались за написание имен существительных со строчной буквы, что, по их мнению, является минимальным требованием реформы. Большинство опрошенных высказалось за то, чтобы Комиссия реформы немецкой орфографии в ГДР и в дальнейшем принимала меры для проведения в жизнь этой реформы, имея в виду тот факт, что реформы ждет не только немецкий народ, но особенно преподаватели немецкого языка в других странах, где немецкий язык изучается как иностранный язык.

А. Ю. Валашинас (Каунас)

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

18 –22 апреля 1966 г. в Ленинграде состоялось совещание, созванное по инициативе Института русского языка АН СССР и Института языкознания АН СССР (Ленинградское отд-ние) и по решению секции общественных наук Президиума АН СССР; совещание было посвящено итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948—1965 гг.) и перспективам дальнейшей работы над словарями современного русского языка *. В совещании приняло участие около 200 лексикографов ряда городов РСФСР (Ленинграда, Москвы, Горького, Орла, Перми, Архангельска, Челябинска, Красноярска, Ярославля, Калинина и др.), УССР, БССР, Латв. ССР, Лит. ССР, Эст. ССР, Груз. ССР, Азерб. ССР, Казахск. ССР, Тадж. ССР, Туркм. ССР, а также лексикографы из социалистических стран (Болгарии, ГДР, МНР, Польши, Чехословакии).

Во вступительном слове Ю. С. Сорокин (Ленинград) подчеркнул большое значение завершенного Словаря для русской лексикографии и всей культурной жизни нашей страны. Семнадцатитомный Словарь является пятым по счету большим толковым словарем русского языка, изданным Академией наук за 175 лет («Словарь Академии Российской» в двух изданиях, «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., незаконченный «Словарь русского языка», выходивший отдельными выпусками с 1891 по 1937 гг., и четырехтомный «Словарь русского языка» — 1957—1961 гг.). Он вобрал в себя все наиболее существенное и важное из лексического богатства русского литературного языка от Пушкина до наших дней, хотя и уступает по количеству материала упомянутому незаконченному словарю. В создании Словаря участвовали акад. С. П. Обнорский, акад. Л. В. Щерба, чл.-корр. АН СССР Е. С. Истрина, чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышев, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский и др., а также специалисты по другим отраслям филологии, много помогавшие этой работе (академики И. Ю. Крачковский, В. Ф. Шишмарев, И. И. Толстой, Н. С. Державин и др.).

На совещании было прослушано десять докладов.

В докладе акад. В. В. Виноградова «Семнадцатитомный „Словарь современного русского литературного языка“ (1948—1965 гг.) и лексикографическая традиция» была прослежена русская лексикографическая традиция последних десятилетий и отмечены нововведения обсуждаемого Словаря (главные из них — отказ от гнездовой системы и новые приемы размещения фразеологических иллюстраций) [1]. Бесспорным шагом вперед является усовершенствование структуры словарной статьи и системы размещения в ней значений слова. К слабой стороне Словаря надо отнести недостаточное согласование в нем принципов историчности и нормативности. Семнадцатитомный Словарь завершает развитие того типа толковых словарей, который отражен в четырехтомном словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, четырехтомном академическом словаре и в однотомном словаре С. И. Ожегова; вместе с тем он открывает пути к новым структурным типам толковых словарей — историческим, отражающим развитие литературной лексики в XIX—XX вв., и нормативно-стилистическим.

Ю. С. Сорокин начал свой доклад «Элементы историзма в „Словаре современного русского литературного языка“ и задачи создания исторических словарей русского языка нового времени» с проблемы разграничения названных акад. В. В. Виноградовым двух типов толковых словарей. В семнадцатитомном Словаре элементы историзма представлены главным образом в справочном отделе словарных статей, но в основной части не всегда достаточно. Более последовательное проведение принципа исторического описания, с одной стороны, вступало в конфликт с другим исходным принципом толкового словаря — нормативным, а с другой стороны, затруднялось неразработанностью русской исторической лексикологии, необходимая задача которой — выделение эпох и этапов в развитии русской литературной лексики.

Совместный доклад А. М. Бабкина, Е. Э. Биржаковой (Ленинград) назывался «Разработка лексических и фразеологических материалов как база для составления словарей». По мнению А. М. Бабкина, теоретически здесь возможны два пути: а) разработка и накопление материалов с установкой на определенный замысел филологического словаря (общий толковый, специальные: синонимический, фразеологический, стилистический и т. п.); б) разработка лингвистических материалов самих по себе и образование универсальной картотеки, пригодной для проектирования словарей разного замысла и типа, а также ведения исследований по лексике, семантике, стилистике, грамматике и фразеологии. Из опыта развития русской лексикографии вытекает целесообразность разработки второго типа.

Е. Э. Биржакова охарактеризовала круг источников, послуживших материа-

* См.: «Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над „Словарем современного русского литературного языка“ (1948—1965 гг.) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка», Л., 1966.

[1] Основные положения доклада содержатся в публикуемой в этом номере журнала статье В. В. Виноградова.

лом для создания обширной картотеки семнадцатитомного академического Словаря. По своему объему (около 6,5 млн. карточек) и по содержанию она давно переросла рамки собрания материала, предназначенного для определенного словаря. В настоящее время на ее основе осуществляются новые лексикографические работы: сводный Словарь русских народных говоров, Словарь синонимов русского языка, Нормативно-стилистический словарь.

Л. С. Ковтун (Ленинград), выступившая с докладом «Специфика характеристики значения слова в словарях разного типа», считает, что значение слова не может характеризоваться однотипно в разных словарях. Исходя из парных противопоставлений типов словарей, данных в «Опыте общей лексикографии» Л. В. Щербы, она предлагает ряд рекомендаций для разных словарей.

Доклад Д. Н. Шмелева (Москва) «Вопросы семантической структуры слова и строение словарной статьи» был посвящен семасиологическим проблемам и вопросу об отражении того или иного их решения в практике составления словарных статей. Анализ смыслового содержания слова в целом позволяет представить все его значения и их оттенки как известную систему, внутри которой все значения соотнесены и противопоставлены друг другу по определенным дифференциальным признакам. Это явление докладчик называет «парадигматическими отношениями в лексике». Однако эти дифференциальные семантические признаки не образуют таких последовательных и иерархически организованных рядов, чтобы лексико-семантическую парадигму можно было без остатка разложить на семантически сопоставимые элементы: недифференцируемый смысловой остаток неизбежен. Практически толкования значений слов в лексикографии основаны на том, что значения одних слов толкуются при помощи значений других слов, противопоставляемых им, т.е. тем самым определяются дифференциальные признаки слов. Непоследовательности же и противоречия в толковых словарях объясняются отсутствием разработанной теории семантического анализа. Теоретически не разработаны также основания для различения «значений» и «оттенков».

Е. Н. Толикина (Ленинград) в докладе «Принцип нормативности в „Словаре современного русского литературного языка“» говорила о том, что описание норм литературного словоупотребления возможно лишь при синхронном подходе. Словарь же, охватывающий значительный период развития языка, имеет дело с изменяющимся объектом. В связи с этим отклонениями от современной нормы можно было бы пренебречь, оставляя задачу их описания словарям будущего, или же описать их в общем ряду других фактов словоупотребления, не подчеркивая их «отклонения». Однако возможен и диахронический подход к взаимоотношению реальных фактов словоупотребления и нормы, поскольку имеется некое стабильное ядро объекта и новые факты, меняющие облик слова, но не структуру его как объекта описания. Составители и редакторы семнадцатитомного Словаря исходили из признания т о ж д е с т в а с и с т е м ы русского литературного языка от Пушкина до наших дней, хотя этот хронологический период и не является статичным.

Этот же вопрос затрагивался в докладе К. С. Горбачевича (Ленинград) «Хронологические границы „Словаря современного русского литературного языка“ и нормы современного литературного языка». Докладчик указал, что на деле авторитет писателей-классиков XIX в. иногда уводил составителей от нормативной квалификации со строго синхронной позиции и заставлял «уравнивать» факты языка, нормативно далеко не равноценные в настоящее время.

Доклад И. Н. Шмелевой (Ленинград) назывался «Описание словоупотребления в „Словаре современного русского литературного языка“ (в аспекте культуры речи)». Здесь на первое место выдвигаются характеристики номинативных значений и стилистические границы словоупотребления (пометы «разговорное» и «просторечное»). Описание словоупотребления дано в Словаре детальнее, чем в предшествующих толковых словарях; в нем используются дополнительные приемы при описании редких и нетипичных фактов. В определении стилистических норм словоупотребления Словарь не внес ничего существенно нового; его стилистические характеристики в нормативном плане не представляют большой ценности.

Н. З. Котелова (Ленинград) сделала доклад «Отражение в „Словаре современного русского литературного языка“ лексико-фразеологических связей слов».

Лексическая сочетаемость слов обладает относительной самостоятельностью по отношению к системе его значений. Она взаимодействует с синтаксической сочетаемостью и морфологической структурой слова. Описание лексической сочетаемости слова — несомненное достижение Словаря.

Е. А. Земская (Москва) в докладе «Проблема производных слов и ее разработка в „Словаре современного русского литературного языка“» говорила о соотношении производных и непроизводных слов как разрядов лексики, различных и в семантическом и в структурном отношении. Если значение слов первого разряда, имея знаковый характер, не мотивируется их строением, то значение слов второго разряда определяется им. Разработка слов в толковых словарях должна отражать разного типа семантические и стилистические связи их с производными словами. Решение этих вопросов в русской лексикографической традиции не было

последовательным, это частично отразилось и на семнадцатитомном Словаре.

Г. А. Качевская (Ленинград) выступила с докладом «Грамматический аспект в „Словаре современного русского литературного языка"». Вопрос о подаче в словаре внешних черт грамматической характеристики слов гораздо проще, чем вопрос о ее внутренней стороне, которая состоит в указании на связь отдельного слова или одного из его значений с какой-либо формой или же с особым функциональным словоупотреблением. В семнадцатитомном Словаре традиция подачи грамматических сведений о слове воспринята из словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, но выработаны и некоторые дополнительные лексикографические приемы.

В прениях по докладам отмечались положительные стороны Словаря (об этом говорили С. Ф. Левченко и Л. С. Паламарчук — Киев, Ф. М. Попов — Череповец, К. Л. Ряженцев — Орджоникидзе, Б. Н. Головин — Горький, В. Д. Левин — Москва, Г. Г. Мельниченко — Ярославль, Э. Ю. Нурм — Таллин, А. И. Моисеев — Ленинград, С. Д. Аразумянов — Душанбе и др.). Представители союзных республик особо отмечали значение Словаря как словаря языка межнационального общения. Подчеркивалась ценность и роль русской лексикографии в деле создания национальных толковых и двуязычных словарей языков народов Советского Союза, а также значение обсуждаемого Словаря для практической работы в вузах. Отдельные выступавшие положительно оценили то, как представлена в Словаре сочетаемость слов (А. Н. Карулис — Рига), умеренное разделение слова на омонимы (А. А. Бурячок — Киев); говорилось о возможности использования материала Словаря для создания нормативных пособий разных типов (Л. И. Скворцов — Москва) и др.

Ю. Д. Апресян (Москва) указал, что материал семнадцатитомного Словаря подсказывает идею словаря нового типа, имеющего целью построение описательной синтаксической парадигматики (например, набор синтаксических признаков, характеризующих данный глагол в данном значении).

Назывались и слабые стороны Словаря: недостаточная четкость отмежевания литературно-разговорной лексики от просторечной (С. Ф. Левченко); неполнота фразеологического материала и недостаточно последовательная его нормализация (Ф. М. Попов), нечеткость пометы «обл.», с которой даются и чистые диалектизмы, может быть, совсем не подлежащие включению в словарь литературного языка, и, с другой стороны, слова диалектного происхождения, но уже вошедшие в литературный язык (К. Л. Ряженцев); малочисленность речений, показывающих сферу употребления заглавного слова и характеризующих различные лексические связи слова (Э. Ю. Нурм); недостаточное единообразие в подаче исторических и этимологических справок (В. В. Веселитский — Москва); отсутствие органического соединения нормативного и исторического аспектов, особенно ясное при подаче устарелых слов (В. Д. Левин); непоследовательность в передаче прямых и переносных значений и в применении пометы «звездочка», которой сопровождаются как действительно устойчивые образные значения, так и индивидуально-авторское употребление слов (В. П. Григорьев — Москва); отказ составителей Словаря от различения функционально-стилистических и экспрессивно-стилистических помет (Т. Г. Винокур — Москва) и некоторые другие. Ряд участников прений полемизировал с различными положениями доклада Д. Н. Шмелева (А. Н. Карулис, Г. А. Качевская и др.).

Из высказываний более общего характера можно отметить следующие. Р. Р. Гельгардт (Калинин), коснувшись вопроса о совмещении в одном словаре принципов нормативности и историзма, отметил, что подобное совмещение возможно лишь в аспекте диахронического показа становления норм; и варианты и вариации должны рассматриваться в непременной оппозиции к формам, отклоняющимся от норм литературности — или еще не ставшими «нормативными», или же утрачивающими (утратившими) свой нормативный характер. С. Х. Иоффе (Ленинград) указал, что в приводимой в словарной статье цитате должно выделяться ядро и оптимальное окружение; ничего лишнего в цитате не должно быть.

Акад. Б. Гавранек (Чехословакия) остановился на тех научных компромиссах, на которые должны были пойти составители Словаря: 1) нормативность — ненормативность; 2) слова современного языка — слова, переставшие ими быть; 3) активный и пассивный запас слов. Особую сложность представляет определение понятия «современный язык», границы которого в разных национальных литературных языках различны и включают наследие его прошлого. Литературный язык — это не всегда стандартный язык, поэтому он может отражать это живое прошлое.

Л. И. Скворцов выступил с критикой определения нормы, данного в докладе Е. Н. Толикиной. По мнению Л. И. Скворцова, норма — это прежде всего приемы и правила выбора речевых средств, определяемых общей установкой высказывания в зависимости от его цели и ситуации. Г. Г. Мельниченко (Ярославль) указал, что составление толковых словарей может выиграть при использовании тематических и отраслевых словарей, так как это даст возможность контролировать полноту отражения лексико-семантических групп слов. П. Г. Черемисин (Тула) сообщил интересные данные, явля-

ющиеся результатом проверки восприятия стилистических помет словаря современным молодым поколением.

Акад. В. А. Дорошевский (Польша) подчеркнул, что качество изданных словарей проверяется не только годами и десятилетиями, но и веками (в Польше до сих пор пользуются словарями XVI—XVIII вв.). Всякое определение слова, по мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ, чревато опасностями (omnis definito periculosa), и составителям толковых словарей приходится идти на риск в своих попытках таких определений. Толковые словари имеют две неотделимые друг от друга цели — лингвистическую и культурно-просветительную. Для выполнения этих обеих целей необходимо глубокое проникновение в языковое мышление человека той эпохи, которую охватывает словарь. Проблема определения значения слов связана с проблемой нормативности словаря, но требует максимальной осторожности, так как лексикограф не должен быть простым регулировщиком словоупотребления и поддаваться спросу широкой публики на прямые и упрощенные указания. На опасность механического регулирования языка указывали А. А. Шахматов и Ян Карлович.

А. П. Евгеньева (Ленинград) указала, что при неразработанности проблемы «лексической системы» языка в нашей лексикологии лексикографические труды являются единственными работами, где эта система исследуется и подается в доступной массовому читателю форме. В. П. Петушков (Ленинград) говорил о важности внедрения в лексикографическую работу механических и автоматических способов создания картотеки.

Выступивший в прениях акад. В. В. Виноградов отметил, что сейчас встает задача создания других типов словарей: 1) словарей исторических, посвященных отдельным эпохам развития лексики русского литературного языка (в первую очередь XVIII и второй половины XIX вв.); 2) словарей нормативно-стилистических с охватом материала не только XX в., но и классического наследия. Ю. С. Сорокин, присоединяясь к предложениям В. В. Виноградова, считает необходимым издание дополнительного тома к семнадцатитомному Словарю с включением в него не только новых слов, но и новых значений уже включенных слов.

Зарубежные гости поделились опытом составления толковых словарей современных языков в своих странах: проф. Клапенбах (ГДР) познакомила участников совещания с принципами составления толкового словаря современного немецкого языка, подчеркнув, что создание базы словаря — картотеки — производится уже с использованием машинной техники; Х. Лувсанбалдан (МНР) в своем выступлении охарактеризовал монгольскую лексикографическую традицию; основной задачей монгольских лексикографов в настоящее время является составление полного толкового словаря современного монгольского языка; акад. Бильфельдт (ГДР) подчеркнул положительное значение опыта составления семнадцатитомного Словаря для аналогичного словаря немецкого языка, а также для двуязычных словарей — русско-немецкого и немецко-русского; К. Чолакова (НРБ) поделилась принципами составления нового многотомного словаря болгарского языка — следующего этапа работы после издания трехтомного словаря.

В принятом совещанием постановлении завершение работы над семнадцатитомным Словарем расценивается как большое событие в области многонациональной советской культуры. При всех имеющихся отдельных недостатках, внутренних противоречиях и упущениях Словарь является таким обширным сводом русских слов и выражений, какого русский язык не знал за всю многовековую историю своего развития. Широко представленные в Словаре основные особенности современного словоупотребления, фразеологические связи слов, грамматические и стилистические нормы, действующие в словарном составе современного литературного языка, делают этот Словарь надежной базой для создания многих других словарей, в том числе и двуязычных (русско-национальных и национально-русских). Словарь не решил в полном объеме поставленной перед ним задачи объединения нормативно-стилистического и исторического принципов описания лексики, но он содержит в себе ценный исторический материал, характеризующий русское словоупотребление со времени Пушкина до наших дней. Словарь важен и как труд, решивший многие лексикографические вопросы и выдвинувший новые теоретические проблемы в области русской и общей лексикографии.

Совещание признало желательным наметить дальнейшее развертывание русской лексикографии в двух направлениях: нормативно-стилистическом (словари лексической и грамматической сочетаемости, словообразовательные, словари вариантов слов с их стилистической оценкой и др.) и историческом (словари XVIII и XIX вв., а также словари языка писателей или отдельных крупных произведений).

Совещание сочло безотлагательной постановку перед Секцией общественных наук АН СССР вопроса об оснащении лексикографов языковедческих институтов Академии наук СССР машинами и устройствами для автоматизации ряда трудоемких и дорогостоящих лексикографических работ.

Н. Н. Уханова (Москва)

*

Имея в виду значительное отставание социологических исследований в области языкового развития, Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» и Ин-т языкознания АН СССР принимают определенные меры по ликвидации указанного пробела. Одной из них является организация дискуссии по чрезвычайно важной и актуальной проблеме «Язык и общество». Проходившая в Ин-те языкознания с 24 по 26 мая с. г. дискуссия привлекла внимание языковедов и социологов страны — в ней участвовало около 200 человек, в том числе представители почти всех союзных и автономных республик. За три дня работы ученые обсудили восемь докладов, по которым выступило около двадцати человек (шесть из них с развернутыми содокладами).

Задачи дискуссии были сформулированы во вступительном слове чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина (Москва), который охарактеризовал состояние разработки проблемы социальной лингвистики в СССР. Советские языковеды разрабатывают теоретические проблемы языкового развития в нашей стране и, основываясь на богатом опыте языкового строительства в Советском Союзе, освещают тенденции и пути дальнейшего развития многочисленных языков народов СССР.

В докладе «Проблема социальной обусловленности языка»[2] Ф. П. Филин, возражая против чрезмерного преувеличения методологического значения формализованных методов, подчеркнул несомненную принадлежность языка к общественным, а не к естественным явлениям и отметил большое значение общественных функций языка для развития его структуры.

«Проблема социальной дифференциации языков»— тема доклада чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского (Ленинград). Остановившись на вопросах исторического изучения языка как общественного явления, докладчик отметил, что вопреки идее Н. Я. Марра о «классовости языка», в методологии советского языкознания видное место занимала концепция тесной связи истории языка с историей его носителей. Признавая социальные диалекты порождением классовой дифференциации общества, В. М. Жирмунский подчеркнул, однако, что конкретные формы социальной дифференциации не прикреплены прямолинейными и однозначными признаками к определенным классовым носителям.

Относя образование единого общенационального языка у большинства европейских народов к периоду развития буржуазных отношений внутри феодального общества, докладчик указал, что для подлинного единства языка создаются условия лишь в бесклассовом социалистическом обществе.

Д-р филол. наук В. Н. Ярцева (Москва) в докладе «Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании» дала критический анализ ряда теорий и концепций зарубежной социолингвистики. Она отметила при этом, что во второй половине XX в. проблемы экстралингвистические (исследование языковой ситуации, описание условий взаимодействия языков и т. д.) в значительной мере разрабатываются не лингвистами, а этнографами и социологами, особенно теми, кто изучает культуры малых народностей Северной Америки, Африки и Океании.

Многие исследования, содержащие ценные наблюдения о «языковой ситуации», также появляются именно на материале малоизученных, иногда еще бесписьменных языков (например, некоторые языки Африки). Подобные исследования чаще всего не базируются на основе единой теории.

В последние десятилетия в ряде зарубежных лингвистических направлений (например, в Пражской лингвистической школе) проявляется функциональный подход к языку, который в ряде случаев способствует выявлению исторической взаимообусловленности связей языка и общества. В современном неогумбольдтианстве проявляется преимущественное внимание к содержательной стороне языка, хотя и делается попытка рассмотреть с единой точки зрения место языка в человеческом обществе в плане функционирования языка и его соотношения с разными этапами истории народа.

Вопрос о связи языка и истории народов возникает в зарубежной лингвистике, например, при изучении проблемы языковых контактов, которая может трактоваться в чисто структурном плане как столкновение систем разных языков, схожих или не схожих в отдельных своих звеньях (У. Вайнрайх), но, с другой стороны, столкновение языков влечет за собой изучение говорящих на них коллективов и определение конкретной исторической обстановки (Е. Хауген).

«Терминам „язык“ и „диалект“ в лингвистическом и социологическом понимании» был посвящен доклад д-ра филол. наук Е. А. Бокарева (Москва). Отмечая, что эти термины не всегда употребляются в одном и том же значении, докладчик указывал, что по отношению к языкам письменным термины «язык» и «диалект» употребляются главным образом в социологическом понимании этих терминов в зависимости от конкретно-исторических условий (ср. сильно отличающиеся друг от друга диалекты немец-

[2] См. ВЯ, 1966, 4.

кого языка, с одной стороны, и сравнительно мало отличающиеся друг от друга восточнославянские языки, с другой). На обширном материале кавказских языков докладчик стремился показать, что чисто лингвистический критерий различения этих терминов возможен только по отношению к бесписьменным языкам: язык — орудие общения внутри определенного этнического коллектива, диалект — его разновидность, не препятствующая возможности нормального общения.

Д-р философ. наук М. С. Джунусов (Москва) в докладе «К вопросу о влиянии характера национальных отношений на взаимодействие языков» остановился на ряде вопросов, смежных для философии и языкознания. Докладчик считает, что исторически сложившиеся социальные типы национальных отношений оказывают определенное влияние на взаимоотношение языков, т. е. например, не может быть одинаковым взаимоотношение языков в условиях антагонизма наций и в условиях дружбы народов.

Канд. филол. наук М. И. Исаев (Москва) в докладе «Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка» отметил, что воздействие общества на структуру языка может быть непосредственным и опосредованным (через функциональное развитие языка), показав это на примере истории языкового строительства в СССР. В связи с этим конкретно-исторический подход к латинизации алфавитов народов СССР в 20-е годы позволяет понять нецелесообразность введения русской графики для большинства языков народов СССР в те годы, когда это было бы воспринято как рецидив русификаторской политики царизма. Переход на русскую графическую основу стал возможен в 30-е годы, когда процесс сближения народов и взаимодействия их языков стали более очевидными, когда роль русского языка для всех народов значительно возросла. Не отрицая самой возможности заимствования фонем и аффиксов, докладчик оспаривал получивший широкое распространение тезис, согласно которому должны считаться заимствованными все фонемы и морфемы слов, усвоенные национальными языками из русского.

М. И. Исаев предложил рассматривать унификацию алфавитов, терминологии, орфографий в генетически родственных языках лишь как часть более широкой (охватывающей все литературные языки СССР) деятельности по максимально единообразному решению адекватных задач.

В докладе «Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты» канд. филол. наук А. А. Леонтьев (Москва) рассматривает речевую деятельность как единство общения и обобщения, представляя себе это единство как одновременное осуществление в речевой деятельности нескольких функций языка, причем тех лишь, которые являются непременным условием и непременной характеристикой всякой речевой деятельности, а именно: в сфере общения — функции регуляции поведения (коммуникативная); в сфере обобщения — функция орудия мышления, функция овладения общественно-историческим опытом человечества (индивидуальный аспект), функция формы существования общественно-исторического опыта, национально-культурная функция, функция закрепления результатов мышления и познания и функция орудия познания (социальный аспект). В процессе человеческой деятельности язык в некоторых из этих функций может дублироваться неязыковыми средствами (например, трудовая деятельность, письмо, разного рода семиотические системы и др.).

В докладе «Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие» канд. филол. наук Л. Б. Никольский (Москва) отметил, что возможность осуществления языковой политики обусловливается наличием в языке подсистем, которые поддаются внеязыковому влиянию, а эффективность языковой политики определяется строжайшим учетом сложившейся языковой ситуации и тенденций ее развития (под языковой ситуацией докладчик понимает взаимоотношение используемых на данной территории — обычно в пределах государства — функционально-стратифицированных языковых образований). Основной задачей изучения языковой ситуации докладчик считает установление общественных функций, выполняемых языковыми образованиями, определение иерархии языковых образований, обнаружение тенденций развития языковой ситуации и тем самым выделение перспективных языковых образований.

В прениях по докладам выступила доц. Л. И. Баранникова (Саратов), коснувшаяся вопросов разграничения понятия «язык» и «диалект»; акад. АН Молд. ССР И. Г. Корлэтяну (Кишинев), акад. АН КазССР С. К. Кенесбаев (Алма-Ата), доктора филол. наук Т. А. Бертагаев (Москва), П. Я. Скорик (Ленинград), Г. Д. Санжеев (Москва), канд. филол. наук В. А. Чернышев (Москва) в своих выступлениях осветили разные аспекты проблемы социальной обусловленности языка, поставленной в докладах Ф. П. Филина, В. М. Жирмунского, В. Н. Ярцевой. Канд. филол. наук Т. С. Коготкова (Москва) и доц. Л. М. Орлов (Волгоград) остановились на вопросах социологического исследования русских говоров. Канд. филол. наук Ф. З. Ким (Москва) коснулся вопроса

о социальной природе фонемы. Канд. филол. наук Н. А. Сыромятников (Москва) на примере языковой политики в Японии подверг критике положение Л. Б. Никольского о том, что в классовом обществе языковая политика обязательно является отрицательной. Доц. М. М. Михайлов (Чебоксары), доц. З. У. Блягоз (Майкоп), канд. филол. наук А. А. Дарбеева (Москва), Е. М. Верещагин (Москва) подкрепили тезис М. И. Исаева о фонемах и аффиксах в заимствованных из русского словах интересными данными из различных национальных языков.

Подводя итоги дискуссии, Ф. П. Филин указал на очередные задачи исследования проблемы «Язык и общество», а также огласил предложения участников дискуссии:

1. Рекомендовать Ин-ту языкознания АН СССР и Научному совету по комплексной проблеме следующее из совещаний по актуальным вопросам теории и практики языкового развития в СССР посвятить проблемам двуязычия.

2. Просить Научный совет и Ин-т языкознания АН СССР возглавить координационную работу по унификации алфавитов, орфографии, терминологии языков народов СССР.

3. Считать целесообразным начать издание журнала «Языки народов СССР» (или «Языковое строительство в СССР»).

4. Опубликовать материалы данной дискуссии.

М. И. Исаев (Москва)

ИСПРАВЛЕНИЯ

В письме в редакцию Г. Г. Белоногова (ВЯ, 1966, 4) на стр. 165 13 строка снизу вместо $-c = 0{,}05357$ следует читать: $c = -0{,}05357$.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Приводимый список подтверждает получение посланных в редакцию книг. Редакция благодарит издательства и авторов, направивших книги в адрес журнала «Вопросы языкознания». Редакция сообщает, что она не может гарантировать рецензирование всех присланных книг. Рецензии помещаются в зависимости от возможностей и от профиля журнала, два экземпляра оттисков рецензии высылаются издателям или авторам. Присланные книги не возвращаются.

Новости Юнеско. Информационный бюллетень. 9, 1966.

А. П. Дульзон. Кетские сказки.— Томск, 1966. 167 стр.

Acta linguistica hafniensia. International journal of structural linguistics. IX, 1 (1965); XI, 2 (1966).— Copenhagen, стр. 1—216.

Current trends in linguistics. III.— The Hague — Paris, 1966, 537 стр.

Język polski. XLVI, 3. 1966. Стр. 11—244.

Onomastické práce. Sbornik rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. dr. Vladimira Šmilauera Dr. Sc.— Praha, 1966, 136 стр.

Revue roumaine de linguistique. XI, 1—2. 1966. Стр. 1—216.

Slavia orientalis. XV, 2. 1966. Стр. 127—262.

Zpravodaj místopisné komise ČSAV. XII, 2.— 1966. Стр. 73—154.

A. Capell. Studies in socio-linguistics.— London — The Hague — Paris, 1966. 168 стр.

P. Delattre. Studies in French and comparative phonetics.— London — The Hague — Paris, 1966. 388 стр.

Gyula Décsy. Yurak chrestomathy.— The Hague, 1966. 107 стр.

A. Deweze. Traitement de l'information linguistique par l'homme, par la machine.— Paris, 1966. 214 стр.

J. Ellis. Towards a general comparative linguistics.— London — The Hague — Paris, 1966. 172 стр.

J. A. Fishman. Hungarian language maintenance in the United States.— The Hague, 1966. 58 стр.

J. A. Fishman. Language loyalty in the United States.— London — The Hague — Paris. 1966. 478 стр.

R. Jakobson. Selected writings. IV. Slavic epic studies.— The Hague — Paris, 1966. 751 стр.

R. Kemball. Alexander Blok. A study in rhythm and metre.— London — The Hague — Paris, 1965. 539 стр.

V. Krupa. Morpheme and word in Maori.— London — The Hague — Paris, 1966. 84 стр.

I. Lehiste. Consonant quantity and phonological units in Estonian — The Hague, 1966. 73 стр.

G. C. Lepschy. La linguistica strutturale.— Torino, 1966. 238 стр.

R. F. Mikus. La structure phonétique du français. Essai de phonétique quantique appliquée. («Publications de l'Université officielle du Congo à Lubumbashi»). X.— Lubumbashi, 1966. 75 стр.

E. A. Nida. A synopsis of English syntax.— London — The Hague — Paris, 1966. 176 стр.

H. W. Schaller. Die Wortstellung im Russischen.— München, 1966. 391 стр.

E. Stankiewicz, D. S. Worth. A selected bibliography of Slavic linguistics.— The Hague — Paris, 1966. 316 стр.

J. Svartvik. On voice in the English verb.— The Hague — Paris, 1966. 200 стр.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 1966 г. (№№ 1—6)

СТАТЬИ

Баскаков Н. А., Гаджиева Н. З., Покровская Л. А., Севортян Э. В.— О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза 3

Виноградов В. В.— Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания 6

Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.— О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР 2

Костомаров В. Г., Леонтьев А. А.— Некоторые теоретические вопросы культуры речи 5

Мачавариани Г. И.— К типологической характеристике общекартвельского языка-основы 1

Пизани В. — К индоевропейской проблеме 4

Поспелов Н. С.— О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в русском языке 2

Скаличка В.— К вопросу о типологии 4

Щербак А. М.— О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р.— О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем 1

Габинский М. А.— К диахронической типологии инфинитива 1

Гладкий А. В.— О формальных методах в лингвистике 3

Григорьев В. П.— О некоторых вопросах интерлингвистики 1

Зиндер Л. Р.— О новом в языковедении 3

Исаченко А. В.— О грамматическом порядке слов 6

Крейнович Е. А.— Об инкорпорировании и примыкании в нивхском языке 3

Кузнецов П. С.— Еще о гуманизме и дегуманизации 4

Лаптева О. А.— О некодифицированных сферах современного русского литературного языка 2

Лопатин В. В.— Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию 5

Майтинская К. Е.— К происхождению местоименных слов в языках разных систем 1

Маковский М. М.— Идентификация элементов лексико-семантических структур 6

Моллова М.— К истории тюркского вокализма 2

Обзор материалов, поступивших в редакцию по поводу статьи В. И. Абаева «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке» 4

Панфилов В. З.— К типологической характеристике нивхского языка 5

Розенцвейг В. Ю.— Языковая практика и лингвистическая теория 2

Семенюк Н. Н.— К характеристике лингвистических различий разных жанров письменности 6

Солоницын Ю. В.— О цифровых показателях, характеризующих «силу» управления 2

Стеблин-Каменский М. И.— К теории звуковых изменений . . . 2

Степанова М. Д.— «Словообразование, ориентированное на содержание» и некоторые вопросы анализа лексики 6

Толстой Н. И.— Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II 5

Филин Ф. П.— К проблеме социальной обусловленности языка 4

Чикобава Арн.— К вопросу о путях развития современной лингвистики 4

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Адмони В. Г.— Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя 4

Амосова Н. Н.— Современное состояние и перспективы фразеологии . 3

Арнольд И. В.— Оппозиции в семасиологии 2

Баевский В. С.— О числовой оценке силы слогов в стихе альтернирующего ритма . . . 2
Бархударов Л. С.— К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем . . . 4
Благова Г. Ф., Данияров Х. Г.— Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы . . . 6
Гак В. Г.— Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова . . . 2
Григорьева А. Д.— О поэтических штампах конца XVIII — начала XIX в. . . . 3
Колесов В. В.— Ударение в древнерусском сочетании с «еровым» предлогом . . . 6
Коссек Н. В.— К вопросу о лексической сочетаемости . . . 1
Лайтнер Т. М.— Об альтернации *е ~ о* в современном русском литературном языке . . . 5
Лопатин В. В.— Нулевая аффиксация в системе русского словообразования . . . 1
Мареш Ф. В.— Проект подготовки словаря церковнославянского языка 5
Михаилэ Г.— О работе над собиранием материала для составления словаря книжнославянского языка румынской редакции . . . 5
Мошинский Л.— Отношение словаря церковнославянского языка к словарям отдельных славянских языков . . . 5
Мучник И. П.— Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке . . . 1
Мыркин В. Я.— Генезис германских личных местоимений с ареальной точки зрения . . . 6
Назор А.— О словаре хорватско-глаголической редакции общеславянского литературного (церковнославянского) языка . . . 5
Раевский М. В.— Возникновение фонемы (ŋ) и ее место в фонологической системе современного немецкого языка . . . 3
Райхель Г. М. Выражение отношения к классу однородных предметов существительными современного английского языка . . . 6
Ружичка Р.— О понятии «заимствованный синтаксис» в свете теории трансформационной грамматики . . . 4
Тенишев Э. Р.— О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР) . . . 1
Фрумкина Р. М.— Объективные и субъективные оценки вероятностей слов . . . 2

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Петрова Н. В., Пиотровский Р. Г.— Слово, контекст, морфология . . . 2

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Лапшина Н. В., Романович И. К., Ярхо Б. И.— Из материалов «Метрического справочника к стихотворениям М. Ю. Лермонтова» . . 2
Теньер Л.— По вопросу о диалектологическом атласе русского языка 5
Тукумцев Г. Р.— Речевые звенья . . . 3
Щерба Л. В.— Памяти А. Meillet . . . 3

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Леман У. Ф.— Преемственность языкознания . . . 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Москович В. А.— Автоматизация некоторых аспектов лингвистической работы . . . 1
Никифоров В. К.— О системности термина . . . 1
Ревзин И. И.— «Statistical methodes in linguistics», 1—3 . . . 2

Рецензии

Арустамян Е. П.— *И. К. Кусикьян.* Изменение в словарном составе литературного армянского языка советского периода . . . 2
Арутюнова Н. Д.— *L. J. Prieto.* Principes de noologie . . . 3
Ахманова О. С.— «Diogen» . . . 2

Баскаков Н. А.— *G. Jarring.* An Eastern Turki-English dialect dictionary 6
Бергсланд К.— *Г. А. Меновщиков.* Язык сиреникских эскимосов 4
Борковский В. И.— *С. А. Высоцкий.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. I 5
Вольф Е. М.— Сб. «Études linguistiques. Le problème de Nombre» 3
Гаспаров М. Л.— *R. Kemball.* Alexander Blok: a study in rhythm and metre 6
Григорьев В. И.—«Статистико-комбинаторное моделирование языков» 6
Доброломов И. Г., Улуханов И. С.— *T. Čizevska.* Glossary of the Igor'tale 6
Иллич-Свитыч В. М.— *Г. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках 4
Климов Г. А.— *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках 4
Ковалев В. П.— «Словник мови Шевченка в двох томах» 1
Кононов А. Н.— *J. Németh* Die Türken von Vidin 2
Копыленко М. М.— *К. Мирчев, Хр. Кодов.* Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI век 4
Левин В. Д.— *Ю. С. Сорокин.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 гг. XIX век 2
Макаев Э. А.— *А. М. Мухин.* Функциональный анализ синтаксических элементов 4
Макаев Э. А.— Некоторые вопросы исландской лексикографии 5
Максимов Е. Н.— *М. А. Коростовцев.* Введение в египетскую филологию 4
Маслов Ю. С.— *E. Koschmieder.* Beiträge zur allgemeinen Syntax 5
Маслова-Лашанская С. С., Маслов Ю. С.— *С. Ch. Elert.* Phonologic studies of quantity in Swedish, based on material from Stockholm speakers 6
Мельников Г. П.— *М. А. Черкасский.* Тюркский вокализм и сингармонизм 5
Мельчук И. А.— *M. Lejeune.* Index inverse du grec mycénien; *E. Mater.* Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache; *A. Juilland.* Dictionnaire inverse de la langue française 6
Москович В. А.— *H. Meier.* Deutsche Sprachstatistik. I—II 6
Ревзин И. И.— *L. Antal.* Content, meaning, and understanding 1
Рождественский Ю. В.— *Б. А. Успенский.* Структурная типология языков 3
Савельева В. Н.— *В. З. Панфилов.* Грамматика нивхского языка. 1, 2 1
Софронов М. В.— *Т. Нисида.* Исследования по тангутскому языку, I . 4
Фрумкина Р. М.— *Н. В. Ставровски.* Лингвистическа статистика . . 1
Фугт Х.—*Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках 6
Хютль-Ворт Г.— *Ю. С. Сорокин.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 гг. XIX в. 3

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Белоногов Г. Г.— Письмо в редакцию 4
Ивич П.— Письмо в редакцию 2
Каждан А. П.— Письмо в редакцию 4
Сыроваткин С. Н.— Об одной попытке усовершенствования порождающих моделей языка 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Валашинас А. Ю.— О реформе орфографии немецкого языка 6
Виноградов В. В.— Академик Н. И. Конрад (к семидесятипятилетию) 1
Дугаров Н. М.— Языкознание в Бурятии 4
Нещименко Г. П.— О деятельности Института чешского языка Чехословацкой АН 1
Решения IX заседания Международного комитета славистов 2
Тематика VI Международного съезда славистов 2
Юлдашев А. А., Мусаев К. М.— Тюркское языкознание в академиях наук Средней Азии и Казахстана 1
Якупова Г. К.— Языкознание в Татарии 4
Хроникальные заметки . . . . . 1—6
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию . . . . . 1—6

CONTENTS

Articles: V. V. Vinogradov (Moscow). The seventeen-volume Academic dictionary of the Russian literary language and its importance for Soviet linguistics; **Discussions**: A. V. Isačenko (Prague). On the grammatical order of words; M. M. Makovskij (Moscow). Identification of elements in lexico-semantic structures (based on the materials of Germanic languages and regional dialects); M. D. Stepanova (Moscow). «Content-patterned» («inhaltbezogene») word-formation and some problems of vocabulary-study; N. N. Semeniuk (Moscow). On the characteristics of linguistic differences in various genres of writing; **Materials and notes**: V. J. Myrkin (Arkhangelsk). Genesis of Germanic pronouns in the light of areal linguistics; G. M. Reikhel (Kalinin). The expression of relation to a class of homogenous objects by the nouns of modern English; V. V. Kolesov (Leningrad). Accent in the Old Russian word-combination with the *jer*-preposition; G. F. Blagova (Moscow). Kh. D. Danijarov (Samarkand). Dialects of the «Turks» of Uzbekistan in their relations to the language of Old Uzbek literature; G. E. Kornilov (Čeboksary). On the types of toponymes in agglutinative languages; **Critics and bibliography**; **Scientific life**: A. Y. Valašinas (Kaunas) On the reform of orthography in German.

SOMMAIRE

Articles V. V. Vinogradov (Moscou). Le dictionnaire académique de la langue russe littéraire en 17 volumes et son importance pour linguistique soviétique; **Discussions**: A. V. Isačenko (Prague). Sur l'ordre grammatique des mots; M. M. Makovskij (Moscou). Identification des éléments des structures lexico-sémantiques (fondé sur les matériaux des langues et dialectes germaniques); M. D. Stepanova (Moscou). Formation des mots «orientée sur le contenu» (inhaltbezogene Wortbildung) et quelques problèmes d'analyse lexicale; N. N. Semeniuk (Moscou). Caractéristique des différences linguistiques dans les différents genres de littérature; **Matériaux et notices**: V. Y. Myrkine (Arkhangelsk). Genèse des pronoms germaniques dans la lumière de linguistique aréale; G. M. Reikhel (Kalinine). L'expression de rapport à une classe des objets homogènes par les noms de l'anglais moderne; V. V. Kolesov (Léningrad). Accent dans les combinaisons avec la preposition en *jer* en vieux-russe; G. F. Blagova (Moscou). Kh. D. Danijarov (Samarkand). Dialectes des «turques» de l'Ouzbekistan et ses rapports avec la langue de littérature vieille ouzbek; G. E. Kornilov (Čeboksary): Types des toponymes dans les langues agglutinatives; **Critique et bibliographie**; **Vie scientifique**: A. Y. Valašinas (Kaunas). La reforme de l'orthographe en allemand.

Технический редактор *Л. Д. Мельникова*

Т-16035 Подписано к печати 22/XI 1966 г. Тираж 6125 экз. Зак. 1302
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 13,3 Бум. л 4³/₄ Уч.-изд. листов 15,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, *В. В. Виноградов* (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), *П. С. Кузнецов*, *Э. А. Макаев*,
М. В. Панов, *В. З. Панфилов*, *И. И. Ревзин*, *Ю. В. Рождественский*,
В. А. Серебренников, *Н. И. Толстой* (отв. секретарь редакции), *О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XV

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966